КНИГА КОРОЛЯ АЛЬБЕРТА

1915 г.

КНИГА КОРОЛЯ АЛЬБЕРТА

ПОСВЯЩАЕТСЯ БЕЛЬГІЙСКОМУ КОРОЛЮ И ЕГО НАРОДУ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ НАРОДОВЪ И ГОСУДАРСТВЪ ВСЕГО МІРА.

Часть выручки въ пользу бельгійцевъ.

Книгоиздательство „ИДЕЯ“.
Москва, 1915.

Типографія **И. ЛЮНДОРФЪ**, Срѣтенскія ворота, д. № 1.

КНИГА КОРОЛЯ АЛЬБЕРТА

Albert

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. БЕЛЬГІЙЦАМЪ.

Наступитъ нѣкогда день— и въ Берлинъ вступятъ войска союзныхъ державъ.

Войдетъ русская армія. Огромная, сѣрая и трудовая, спокойная и неторопливая, она идетъ долго по асфальтовымъ мостовымъ, отбивая привычный тяжелый шагъ. И мрачно смотритъ на нее мрачный Берлинъ: не для того онъ дѣлаетъ такія прямыя и превосходныя улицы, чтобы по нимъ маршировали русскіе солдаты. И противно Берлину: онъ, хотѣвшій быть самымъ сильнымъ, онъ, мечтавшій стать послѣднимъ Римомъ, и владычество свое утвердилъ надъ всѣмъ міромъ, онъ оказался слабъ, онъ побѣжденъ. Тѣ, кого всю жизнь онъ считалъ низшей расой и варварами, непочительно шагаютъ подъ Бранденбургеръ-Торъ, и... о, варвары,—даже не дѣлаютъ попытки хоть что-нибудь разрушить, хоть бы носъ одинъ отбитъ у мраморныхъ героевъ Аллеи Побѣдъ. Если нельзя

быть побѣдителемъ, то недурно стать мученикомъ, но нѣтъ—и этого удовольствія не хотятъ доставить безжалостные варвары изъ Россіи. Противно Берлину.

Войдетъ французская армія. Легко и весело шагаютъ французы, такіе странные и такіе неприличные на улицахъ мрачнаго Берлина въ своихъ старомодныхъ красныхъ шароварахъ; радостью горятъ ихъ черные глаза и съ обиднымъ любопытствомъ разсматриваютъ они свѣжіе памятники прусской столицы, перешоптываются, смѣются. И горько Берлину: тѣ, кого онъ спокойно и давно призналъ вырождающимися и обреченными на безславную историческую гибель, тѣ, кого онъ презиралъ и считалъ пригодными лишь для шансонетки,—непочтительно шагаютъ по его надменнымъ улицамъ. И горько Берлину... Но, вѣдь и побѣжденный можетъ быть прекрасенъ: и не о красотѣ ли Берлина шепчутся французы? Хоть и вырождающіеся, они кое-что понимаютъ въ красотѣ городовъ, у нихъ у самихъ есть Парижъ, и вѣжливой похвалой они могли бы нѣсколько загладить неприличіе своего вторженія въ міровой городъ. Конечно, разрушать они не станутъ, они слишкомъ выродились для такого бодраго занятія, но похвалить они обязаны. Но нѣтъ; смотрятъ насмѣшливо и удивленно на

красоту Фридрихъ-Штрассе, на строгую готику Вертгейма, на грозныхъ львовъ у памятника Вильгельму; и—это уже невѣжливо, это уже вандализмъ и варварство! отъ души хохочутъ на Аллеѣ Побѣдъ, останавливаются, даже идти не могутъ отъ смѣха. Горько и противно Берлину.

А вотъ и англичане, — „наши кузены съ того берега", проклятые торгаши, измѣнники культурѣ, — невыносимо смотрѣть на нихъ мрачному Берлину. Какъ будто и не измѣняли культурѣ: все та же твердая поступь, какою уже давно измѣрили они землю, все тотъ же спокойный и гордый взглядъ, все та же отвратительная манера держаться господами даже въ Берлинѣ. Равнодушно шагаютъ по прекраснымъ мостовымъ, не замѣчая, какъ изумительно выметены онѣ для нынѣшняго парада,—или они притворяются равнодушными отъ зависти? Нѣтъ, — даже позѣвываютъ отъ берлинской скуки, смотрятъ на маленькую Шпре и спрашиваютъ негромко: это рѣка? Обидно и горько мрачному Берлину.

Но кто эти, которые идутъ дальше?—кто эти, передъ кѣмъ преклоняются всѣ знамена, кого привѣтствуютъ почтительнымъ молчаніемъ и русскіе, и англичане, низко склоняютъ головы, обнажаютъ ихъ, какъ въ церкви? Кто эти—маленькая кучка блѣдныхъ

и измученныхъ людей? Лица ихъ мужественны и опалены порохомъ, но шагаютъ они устало, какъ послѣ безконечно дальнаго пути. Кто эти, кто даже не смотрятъ на красоту Берлина, но передъ кѣмъ незамѣтно пригибается самъ Берлинъ, становится ниже, какъ будто падаетъ на колѣни?

Ахъ, да, — это бельгійцы... то, что осталось. И стыдно становится мрачному Берлину.

И кто этотъ, кто впереди, передъ кѣмъ склоняются сами мужественные и несчастные бельгійцы? Скромный и простой, мужественный и кроткій, молодой, но уже съ сѣдиной невыразимаго горя въ волосахъ,—кто этотъ рыцарь съ открытымъ челомъ и печальными глазами?

Это бывшій король бельгійскій Альбертъ, вновь бельгійскій король. И стыдно становится Берлину. Какъ передъ жертвой насилія, возставшей изъ гроба,—опускаются угрюмые глаза, стыдомъ и тоскою заливается ожесточенное сердце. И скупыми слезами плачетъ Берлинъ, — о былой чести своей, о былой славѣ и честномъ имени своемъ, о погибшей Германіи плачетъ Берлинъ.

Но вотъ весеннее солнце выглянуло изъ-за тучъ. И первый лучъ свой, самый ласковый, золотой и теплый, оно бросило, какъ

золотую корону, на прекрасную и благородную голову того, кто въ невыносимыхъ страданіяхъ за свой народъ тщетно искалъ смерти подъ нѣмецкими снарядами,—берегла его судьба для иной, прекраснѣйшей доли. Золотой короной легли лучи на скромной головѣ его, и ниже склонились знамена, и больнѣе стали скупые слезы угрюмаго Берлина.

И тогда... этому трудно повѣрить, но это правда,—и тогда кто то по-нѣмецки крикнулъ Королю Альберту: гохъ. На него взглянули—да, это нѣмецъ кричалъ: смотрѣлъ на короля Альберта, плакалъ открыто и кричалъ: гохъ! „Это измѣна",—сказали одни. „Нѣтъ, это совѣсть",—сказали другіе. А тотъ все кричалъ и плакалъ: и вскорѣ присоединились другіе голоса и также кричали: гохъ! И чѣмъ громче становился привѣтственный возгласъ, тѣмъ менѣе побѣжденнымъ казался Берлинъ, терялъ свою мрачность, золотился солнцемъ, какъ всякій другой Божій городъ. Смущенно и привѣтливо улыбался блѣдный король и все громче становились клики: въ измѣнѣ самой себѣ возрождалась Германія, звала назадъ былую славу, свое честное имя.

...Конечно, это моя мечта,—отчего и не помечтать о справедливости, о совѣсти на-

родной, о Божьемъ судѣ! И не одинъ я такъ мечтаю. Очень возможно, что всѣ мы ошибаемся, и нѣтъ вовсе справедливости, и нѣтъ совѣсти, и не войдетъ король Альбертъ въ Берлинъ. Неисповѣдимы судьбы народовъ, и уже давно не посылаетъ на землю пророковъ разгнѣванный Богъ. Кто знаетъ? Кто знаетъ?

Но что, кромѣ мечты нашей, можемъ мы послать благородному народу и его благородному королю. Истерзанный войной, онъ выгнанъ изъ своихъ трудовыхъ жилищъ и брошенъ въ море—что, кромѣ мечты о справедливости и о Божьемъ судѣ, можемъ послать мы ему!

А. КУПРИНЪ.

Не восторгъ, не восхищеніе, но глубокую вѣчную благодарность всего цивилизованнаго міра снискалъ себѣ самоотверженный бельгійскій народъ и ихъ благородный юный монархъ. Они первые бросились на дикаго звѣря, преисполненнаго гордости, опьяненнаго кровью. Они не думали о своей собственной безопасности, ни о благополучіи своихъ домовъ, ни о судьбѣ своей высоко культурной

страны, ни о громадномъ количествѣ и жестокости врага. Они спасли не только свое отечество, но всю Европу, колыбель мысли, знанія, творчества и красоты; они спасли отъ бѣшенства варваровъ, нагло поправшихъ все, лучшія розы святого сада Бога. Подвигъ Леонида и его спартанцевъ, когда они сражались въ Фермопильскомъ проходѣ, меркнетъ передъ ихъ скромнымъ героизмомъ. И сердца всѣхъ благородныхъ, всѣхъ хорошихъ людей бьются въ тактъ съ ихъ великими сердцами,..

Нѣтъ, никогда не умретъ и не потеряетъ своей силы народъ, въ жилахъ котораго течетъ такая благородная кровь, народъ съ такими чувствами, которыя вдохновляютъ его на сопротивленіе всему незаконному, на спокойное перенесеніе печали, горя, болѣзней, ранъ, которыя заставляютъ итти рука объ руку обожаемаго короля и простого крестьянина, мужчину и женщину, бѣднаго и богатаго, слабаго и сильнаго, аристократа и рабочаго. Привѣтствую ихъ и низко кланяюсь имъ.

ПРОФЕССОРЪ ПАВЕЛЪ ВИНОГРАДОВЪ.

Говоря о королѣ героической націи, вполнѣ естественно будетъ постараться вспомнить нѣсколько наиболѣе выдающихся эпизодовъ изъ ея прошлаго, въ которыхъ проявился ея характеръ и духъ. Для насъ, постороннихъ зрителей, кажется совершенно яснымъ, что жизнь бельгійскаго народа во многихъ отношеніяхъ была исключительнымъ проявленіемъ энергіи и храбрости. Если мы взглянемъ, на сколько возможно, въ глубь вѣковъ, мы найдемъ эту страну занятой кельтскими трибами, которые, по мнѣнію большого знатока Цезаря, были замѣчательны своимъ политическимъ устройствомъ и военной мощью. Завоеваніе этой страны римлянами не было простой военной экспедиціей—оно наложило на большую часть населенія печать романской культуры и весьма сильно способствовало образованію Валлонской рассовой группы.

Франки внесли свѣжій тевтонскій элементъ: онъ до сихъ поръ еще сильно замѣтенъ во фламандцахъ, и также, какъ саксы и датчане въ Англіи, онъ расширилъ кругозоръ и кругъ дѣйствій націй, не заставляю страну войти въ узкія рамки чисто германскаго развитія.

Въ средніе вѣка, во время экономическаго возрожденія Европы, Фландрія заняла пер-

вое мѣсто благодаря удивительному успѣху промышленности въ Гентѣ, Ипрѣ и другихъ городахъ, и благодаря прогрессивному движенію, которое отразилось не только на качествѣ ихъ товаровъ, но способствовало также развитію предпріимчивости ихъ бюргеровъ. Во времена возрожденія наукъ и искуствъ, Бельгія во главѣ съ Ванъ Эйкомъ и Мемлингомъ шла впереди многихъ крупныхъ государствъ: Брюгге дѣлилъ съ Флоренціей и Нюренбергомъ славу возрожденія Афинъ и богатство гражданской культуры. Въ эпоху роста государственной мощи и абсолютизма долины Шельды и Мэза сдѣлались мѣстами битвъ европейскихъ суверенов, а переходъ къ лучшимъ временамъ опять таки былъ отмѣченъ замѣчательнымъ поступкомъ бельгійскаго народа, возставшаго противъ своевольнаго деспотизма Австріи. Договоръ 1830 года являлся не простымъ созданіемъ хитрости дипломатовъ: онъ соединилъ въ одно, элементы различные по своему происхожденію, но связанные общимъ вѣроисповѣданіемъ, общими культурными достиженіями и любовью къ независимости.

Король Альбертъ имѣетъ счастье стоять во главѣ такого народа, а бельгійцы могутъ гордиться своимъ королемъ, который въ полной мѣрѣ воплотилъ въ себѣ лучшіе стороны своей націи.

Въ будущія времена путешественники съ благоговѣніемъ станутъ смотрѣть на предместья Льежа, Лувена, Антверпена, на берега Изера. Если бы по окончаніи этой ужасной войны самой храброй націи слѣдовало бы присудить призъ, какъ это сдѣлали греки во время ихъ войны за независимость противъ персидскаго царя, онъ по единогласному присужденію достался бы Бельгіи.

Если въ мірѣ есть справедливость, если есть въ исторіи смыслъ, Бельгія должна оправиться и снова возстановить свои силы какъ вѣчная птица Фениксъ.

Д. МЕРЕЖКОВСКІЙ. БЕЛЬГІЙСКОМУ НАРОДУ.

Мы не говоримъ вамъ—будьте храбрыми. Не можетъ быть большей храбрости, чѣмъ у васъ. Но мы говоримъ вамъ—вѣрьте. Ваши страданія не были напрасными; они пробудили сознаніе всѣхъ народовъ. Съ этихъ поръ ваша страна залитая кровью вашихъ сыновей, будетъ называться Святой Страной: съ этихъ поръ ваше дѣло будетъ дѣломъ Человѣчества. Утирать ваши слезы, залѣчивать ваши раны, воздать вамъ сторицей то, что у васъ было отнято, въ этомъ торжественно поклялись всѣ народы—за это они поручились своей честью и эту клятву они

сдержать. Мы не хотимъ знать покоя, пока страдаете вы, мы не хотимъ свободы, пока вы угнетены, мы не хотимъ побѣды, пока вы побѣждены. Когда побѣдители восторжествуютъ первый лавровый вѣнокъ будетъ вамъ, и Человѣчество возложитъ его вамъ на голову. Всѣ націи приготовятъ вамъ дорогу и вы найдете вашу обѣтованную землю.

М. ТУГАНЪ-БАРАНОВСКІЙ. БЕЛЬГІИ И ЕЯ КОРОЛЮ.

Въ жизни каждаго человѣка такъ же, какъ и въ жизни націи, зло тѣсно переплетено съ добромъ. Безъ зла нѣтъ добра — ибо добро есть ничто иное, какъ побѣда надъ зломъ.

Съ этой точки зрѣнія зло не только служитъ добру, но является неизмѣннымъ базисомъ его дѣйствительности. Великія историческія преступленія, какъ тѣ, напримѣръ, свидѣтелями которыхъ являемся мы, занимаютъ необходимое мѣсто въ торжественномъ шествіи впередъ вѣчной Правды. Чѣмъ ужаснѣе преступленіе, тѣмъ прекраснѣе и дѣйствительнѣе сила добра, которое наступаетъ вслѣдъ за преступленіемъ. Развѣ Распятіе на крестѣ не явилось самой важной побѣдой Христа, и развѣ картина разрушенной и опустошенной врагами Бельгіи, не будетъ золотыми буквами выгравирована на страницахъ исто-

ріи человѣчества. Развѣ наши отдаленные потомки не будутъ слагать пѣсенъ и легендъ о славной странѣ короля Альберта, который далъ доказательство высшей храбрости и непобѣдимаго духа въ ужасные часы нашествія варваровъ. И развѣ Бельгія своимъ примѣромъ не вдохновитъ Человѣчество на героическіе поступки и борьбу за правду. Съ этихъ поръ король Альбертъ принадлежитъ всѣмъ намъ, мы владѣемъ имъ всѣ, какъ однимъ изъ тѣхъ героевъ духа, которые поднимаютъ доблесть всего человѣчества. Послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ, когда не останется и слѣда отъ настоящей кровавой борьбы, когда названіе мѣстъ, гдѣ происходили битвы и имена полководцевъ будутъ забыты, когда всѣ тѣ ужасы, среди которыхъ мы живемъ, будутъ казаться отдаленными легендами, когда самые гордые храмы и дворцы нашей эры обратятся въ прахъ, образъ благороднаго короля будетъ еще вдохновлять поэта.

М. Д. АНУЧИНЪ.

Кто теперь, кромѣ германцевъ, не сочувствуетъ бѣдной Бельгіи, маленькой, но въ то же время великой, совершенно опустошенной и раззоренной только по той причинѣ, что она осмѣлилась остаться лойяльной и защи-

щать свою землю противъ несправедливаго нашествія варваровъ.

Нужно быть Вильгельмомъ вторымъ, олицетворяющимъ худшую сторону тевтонскаго милитаризма, чтобы осмѣлиться назвать благородную страну измѣнницей. Мы европейцы восхищаемся героизмомъ бельгійцевъ и ихъ рыцаря-короля.

Будемъ надѣяться, что соединенными силами Англіи, Россіи, Франціи, Бельгіи, Сербіи и Японіи врагъ человѣчества будетъ сломленъ. Въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ слѣдуетъ помнить девизъ „теперь или никогда" и не влагать мечъ въ ножны, пока кайзеръ не признаетъ себя побѣжденнымъ.

ГРАФЪ БЕНКЕНДОРФЪ.

Если Бельгія героизмомъ, проявленнымъ при защитѣ своей независимости, вызвала восхищеніе всего міра, то ей помогало въ этомъ сознаніе, что она оказываетъ неизмѣримую услугу всѣмъ націямъ, которыя цѣнятъ сохраненіе соціальнаго порядка—основу цивилизаціи.

Безъ колебаній, она взяла на себя защиту самаго главнаго условія такого порядка—святости человѣческихъ договоровъ и обязательствъ; безъ этого условія рухнули бы всѣ

принципы современнаго государственнаго устройства.

Вѣчная слава Бельгіи, оставшейся вѣрной самымъ старымъ традиціямъ своего народа и долгу, возложенному на нее законами международнаго права.

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ. УТѢШЕНІЕ БЕЛЬГІИ.

Есть въ наивныхъ предвѣщаньяхъ правда мудрая порой.
То, чему повѣритъ сердце, совершитъ народъ-герой.
Вотъ Сивилла развернула книгу темную судебъ,
И прочла одну страницу въ книгѣ той гадалка Тэбъ,
Прежде, чѣмъ весна откроетъ ложе влажное долинъ,
Будетъ нашими войсками взятъ заносчивый Берлинъ,
И, награбленной добычей поживиться не успѣвъ,
Злой народъ, который грабитъ, испытываетъ Божій гнѣвъ.
О, герой, народъ Бельгійскій! Испытаній часъ насталъ,
Вся земля взята врагами и Антверпенъ крѣпкій палъ.

И спѣшатъ къ союзнымъ ратямъ утомленные полки.
Кто измѣритъ, сколько въ душахъ славныхъ рыцарей тоски!
А въ Берлинѣ ликованье, пѣсни, смѣхъ, колокола,
И толпа опять побѣдой и пьяна, и весела.
Но я знаю, не трепещетъ духъ Альберта-короля.
Онъ свободными увидитъ скоро милыя поля.
Ужъ плететъ ему побѣда вѣчный лавровый вѣнецъ.
Онъ торжественно вернется въ свой разграбленный дворецъ.
Только правда—путь къ побѣдѣ, только вѣрность—вѣрный щитъ.
Такъ наивность предвѣщаній, такъ и мудрость говоритъ.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ. АНТВЕРПЕНЪ.

Пусть это время далеко,
Антверпенъ!—И за моремъ крови
Ты памятенъ мнѣ глубоко...
Рѣчной туманъ ползетъ съ верховій
Широкій, какъ Нева, Эско.
И надъ спокойною рѣкой
Въ туманѣ тепломъ и глубокомъ
Какъ взоръ фламандки молодой,
Нѣтъ счета мачтамъ, верфямъ, докамъ

И пахнетъ снастью и смолой.
Тревожа водяную гладь,
Въ широко стелющемся дымѣ
Ужъ якоря готовъ отдать
Тяжелый двухмачтовый стимеръ:
Ему на Конго курсъ держать...
А ты—во мглу вѣковъ глядись
Въ спокойномъ городскомъ музеѣ:
Тамъ царствуетъ Квентинъ Массисъ;
Тамъ въ складки платья Саломеи
Цвѣты изъ золота вплелись...
Но все притворно, все—обманъ:
Взгляни наверхъ... Въ клочкѣ лазури,
Мелькающемъ черезъ туманъ,
Увидишь ты предвѣстье бури—
Кружащійся аэропланъ.

ИГОРЬ СѢВЕРЯНИНЪ. ПОЭЗА О БЕЛЬГІИ.

Кто знаетъ?—ты явь или призракъ?
Ты будешь-ли? есть-ли? была-ль?
Но ликъ твой прекрасный намъ близокъ,
Въ которомъ восторгъ и печаль...
        Волшебница! Ты златодарна:
Твоихъ городовъ карусель,
Подъ строфы Эмиля Верхарна
Кружка, кружевѣетъ Брюссель...
Не вѣримъ—не можемъ! не смѣемъ!—
Что въ брызгахъ снарядовыхъ пѣнъ

Смертельно ужаленный змѣемъ
Сгорѣлъ бирюзовый Лувенъ...
И чей это шопотъ, crescendo
Сверлящій умы и сердца
О бѣгствѣ народа въ Остендэ,
Гдѣ будетъ начало конца?..
О, городъ прославленный устрицъ
и пепельно палевыхъ дюнъ,
И волнъ, голубѣющихъ шустрицъ,—
О, городъ, трагичный канунъ...
Ужель затерялась тропинка,
Тропинка туда, подъ уклонъ,
Въ укромный пріютъ Метерлинка,
Дающаго сладостный сонъ?..
Дождя свѣтозарныя нити
Сулятъ плодородье опять...
Помедлите, нѣжно усните,—
Не надо не стоитъ бѣжать!..
Намъ нужно дружнѣе сплотиться,
Пріявъ твой плѣнительный плѣнъ,
О, Бельгія, синяя птица
Съ глазами принцессы Малэнъ!

3. ГИППІУСЪ. ТРИ КРЕСТА.

О, Бельгія, страна святыхъ смертей!
Ты на крестѣ, но духъ твой живъ и воленъ.
И передъ нимъ—что кровь твоихъ дѣтей
И дымъ, и гарь воздушныхъ колоколенъ?
На Польшу, близкую сестру, взгляни,—

Нѣтъ изумительнѣй ея удѣла:
Безуміемъ пылающіе дни
Ей два креста судили: на одномъ
Ея истерзанное тѣло,—
Душа нѣмая на другомъ.
Но сочтены часы томленья,
Господь страданій не забудетъ.
Голгоѳа—ради воскресенья,
И вѣруемъ,—да будетъ!

ОБЩІЙ ОТДѢЛЪ.

АРХІЕПИСКОПЪ КЕНТЕРБЕРІЙСКІЙ.

Ученымъ историкамъ, которые будутъ изслѣдовать причины и слѣдствіе этой ужасной опустошительной войны, придется много и долго работать въ тиши своихъ кабинетовъ, И исторія о непоколебимости Бельгіи въ исполненіи честнаго слова, о ея героическомъ сопротивленіи жестокому и безконечно сильнѣвшему врагу, о ея беззавѣтной храбрости и благородствѣ, — будетъ одной изъ лучшихъ золотыхъ страницъ міровой исторіи. И современники - свидѣтели удивительной высоты духа, выказанной маленькимъ бельгійскимъ народомъ, превосходно поступаютъ, производа на страницахъ этой книги оцѣнку его доблести, подвергшейся болѣе тяжкимъ испытаніямъ, чѣмъ Фермопилы или Зембахъ, и оставшейся несломленной до конца.

Да будетъ съ ними благословеніе Божіе и пусть ихъ дѣти пожнутъ плоды благороднаго

самоотверженія своихъ родителей во имя свободы, права, вѣры... всего того, что дѣлаетъ нашу жизнь достойной наслѣдія Христова.

Г. Г. АГА-ХАНЪ.

Я считаю за высокую честь для себя— участіе въ этой книжкѣ, посвященной королю Альберту, герою-монарху многострадальной Бельгіи. Около 100.000.000 мусульманъ Британской Имперіи напряжено, съ глубокимъ восхищеніемъ слѣдили за рѣшительнымъ сопротивленіемъ бельгійскаго Короло и его народа ихъ ужасному врагу.

Если бы Бельгія руководилась матеріальными соображеніями и низменными интересами, она навѣрное приняла бы предложеніе Кайзера пропустить его войска черезъ свою территорію. Но она, ни минуты не колеблясь отвергла это предложеніе и выбрала путь чести и нравственнаго долга, принося свои матеріальные интересы въ жертву высшимъ моральнымъ. Этотъ удивительный подвигъ самоотверженія произвелъ неотразимое впечатлѣніе на всѣхъ мусульманъ Индіи, исторія которыхъ знаетъ тоже не мало примѣровъ готовности пожертвовать всѣмъ, даже жизнью во имя чести и долга.

АРТУРЪ БАЛЬФУРЪ.

Меня просили написать о Бельгіи. Но о какой? О Бельгіи современной или о Бельгіи будущаго? Если о первой, то моей темой будетъ величайшая, но въ то же время и благороднѣйшая изъ народныхъ трагедій. Въ ней есть все, что родитъ въ насъ сочувствіе и вызываетъ восхищеніе. Слабость невинной жертвы, величіе ея страданій, непобѣдимость ея духа тронули сердца всего міра.

Но когда мы отъ несчастной жертвы обратимся къ ея мучителямъ, нашъ ужасъ передъ этой трагедіей увеличится еще больше. Мы увидимъ зло нагроможденное на зло, подлость на подлость. Безсовѣстная въ своихъ цѣляхъ, безпощадная въ ихъ достиженіи, Германія безстыдно, жестоко попрала всѣ права, кромѣ права сильнаго. По крайней мѣрѣ, кажется, что другихъ правъ она не знаетъ. Но эта драма не должна кончиться тріумфомъ зла. Счастливые дни не замедлятъ наступить. Правда, зло, сдѣланное Бельгіи, нельзя ничѣмъ оправдать; страданія, перенесенныя ею ничѣмъ нельзя возмѣстить.

Но все же придетъ время, и скоро придетъ, когда раны Бельгіи залѣчатся, когда, морально и матеріально еще выше, чѣмъ она была до сихъ поръ, она будетъ мирно вы-

полнять свое высокое назначеніе, сильная памятью о своемъ героическомъ прошломъ и глубоко уважаемая всѣми, кто любитъ свободу и восхищается доблестью.

ПОЛЬ КАМБОНЪ.

Своей героической борьбой за національную независимость и благороднымъ самопожертвованіемъ во имя права, бельгійскій Король и его народъ вызвали восхищеніе и благодарность всего цивилизованнаго міра и покрыли себя неувядаемой славой.

КАТЦУНОСКЕ ИНУЙЕ.

Неустрашимая храбрость и патріотизмъ, проявленныя Бельгіей при защитѣ своей свободы и независимости, ея сопротивленіе позорному нашествію могучаго врага, вызвали преклоненіе всего міра. Въ Японіи, гдѣ умѣютъ цѣнить рыцарство и патріотизмъ, героическая борьба Бельгіи пробудила сочувствіе всего народа и мы надѣемся, что ея знамя, покрытое новой, великой славой, скоро будетъ торжественно развѣваться на всѣхъ ея вновь возстановленныхъ владѣніяхъ.

ЭРЛЪ РОЗБЕРИ.

Я считаю за честь писать о Бельгіи и о ея Королѣ, который лишній разъ доказалъ, что Королевское достоинство еще не умерло и героизмъ—живъ.

Совсѣмъ недавно, молодой принцъ, взошелъ на престолъ этого счастливаго и мирнаго государства, центра торговли и промышленности, этого сада Европы, охраняемаго ея мечемъ. Можно было думать, что долгое спокойное и мирное царствованіе предстоитъ ему и его народу, который говоря словами Бордера, „не хотѣлъ никому никакого вреда, а желалъ только жить въ мирѣ съ Богомъ и Королемъ“. И вдругъ, всѣ эти прекрасныя перспективы рухнули. Пруссія, которая дважды торжественно гарантировала независимость этого маленькаго королевства неожиданно двинула на него свои полчища, не для того, чтобы, какъ слѣдовало предполагать, охранить его независимость, но для того, чтобы ее уничтожить. Она, безъ сомнѣнія думала, что бельгійцы принуждены будутъ, склониться предъ столь подавляющей силой и безропотно подчиниться. Но она ошиблась. Король Альбертъ и его народъ всталъ на защиту своей страны съ оружіемъ въ рукахъ. На моментъ они задержали нѣмецкую лавину.

Льежъ успѣшно сопротивлялся врагу, пока превосходная по силамъ германская артиллерія не превратила его форты въ прахъ. Бельгійцы во главѣ со своимъ Королемъ пядь за пядью отстаивали свою землю, но на нихъ накатывались все новыя и новыя волны нѣмецкихъ полчищъ. Брюссель, а потомъ и Антверпенъ должны были быть очищены, Наконецъ, почти все королевство было занято врагами. Правительство должно было переѣхать въ Францію. Между тѣмъ нѣмецкія войска, какъ орда варваровъ, грабили, убивали и разрушали ту страну, которую они клялись охранять. Очевидно, упорное сопротивленіе привело ихъ въ бѣшенство. Потому что Король Альбертъ и его бельгійцы, потерявъ все что у нихъ было самого дорогого, все-таки задержали нашествіе и разбили всѣ планы германскаго штаба. Борьба Леонида Фермопильскаго съ милліонами Ксеркса была менѣе блистательна; кромѣ того при Фермопилахъ была принесена въ жертву только маленькая горсточка людей, тогда какъ здѣсь—вся страна и нація.

Бельгія имѣла трехъ королей. Первый, Леопольдъ, какъ искусный лоцманъ провелъ свое маленькое государство между опасностями, которыя ему грозили со всѣхъ сторонъ. Леопольдъ II энергично и очень успѣшно способствовалъ развитію торговли и промы-

шленности въ Бельгіи. Но третій бельгійскій король Альбертъ I далеко превзошелъ своихъ предшественниковъ, занявъ мѣсто въ исторіи наравнѣ съ Вильгельмомъ Молчаливымъ, неустрашимымъ борцомъ за Нидерланды.

Когда бельгійцы снова вернутъ свои земли, что они найдутъ? Жалкіе развалины и опустошенныя поля ихъ когда-то цвѣтущей страны. Ихъ города разрушены, ихъ деревни сожжены, ихъ памятники старины, гордость не только Бельгіи, но и всей Европы, уничтожены. Надолго, быть можетъ навсегда, Бельгія останется живымъ памятникомъ германской низости.

Война—всегда жестокое, безпощадное чудовище, но есть рыцарскій способъ веденія войны и есть варварскій. Опустошеніе Бельгіи долго будетъ служить блестящимъ примѣромъ этого послѣдняго. Многочисленнымъ испытаніямъ подверглась Бельгія въ своемъ прошломъ, нерѣдко бывала она театромъ военныхъ дѣйствій, тамъ происходили великія битвы при Марльборо и Ватерлоо. Но никогда она не была свидѣтельницей такихъ ужасовъ, какіе творятся тамъ теперь. Со временъ тридцатилѣтней войны, когда Германія была обращена въ развалины, міръ не видѣлъ подобнаго разоренія цѣлой страны. Но съ тѣхъ поръ прошло около трехъ вѣковъ, вѣковъ

культуры, въ особенности германской культуры, въ которую мы вѣрили. Мы жестоко ошиблись. Ея плодами оказались мины, разбрасываемыя въ моряхъ и океанахъ, чтобы уничтожить безъ различія каждаго, будь то врагъ или другъ, и снаряды разрушающіе мирные города и убивающіе женщинъ и дѣтей. „По плодамъ ихъ узнаемъ ихъ". Пруссаки забыли христіанскаго Бога и стали поклоняться языческимъ божествамъ, имена которыхъ Сила и Мощь; Сила для нихъ выше Права и Нравственности. Передъ этимъ Молохомъ они преклоняютъ колѣна. Его девизъ—Ненависть. Его ангелы—Бѣшенство, Разрушеніе, Грабежъ. У него нѣтъ ни чести, ни совѣсти. Во имя его германцы свирѣпствуютъ убиваютъ и разрушаютъ. На его алтарѣ они сжигаютъ священные договоры. Съ его помощью они надѣялись побѣдить міръ. Опустошеніе и покореніе Бельгіи—это ихъ первый шагъ. Дальше должны были слѣдовать: разгромъ Франціи, униженіе Россіи, аннексія Голландіи и, наконецъ, уничтоженіе Британской Имперіи, ихъ завѣтная мечта. И если бы даже имъ удалось добиться всего этого, ихъ конечная цѣль не была бы все-таки достигнута, такъ какъ послѣ покоренія Европы свобода и благоденствіе Америки не давала бы этимъ тиранамъ покоя.

Но я не могу повѣрить, чтобы каждый германецъ одобрялъ все то, что дѣлается отъ его имени. Если же онъ молчитъ, то потому что всякое порицаніе и критика дѣйствій правительства въ военное время карается очень строго.

Разгромъ Бельгіи явился такимъ образомъ, только началомъ нѣмецкой завоевательной политики. Правда это соображеніе не можетъ служить утѣшеніемъ для несчастныхъ бельгійцевъ. Но пусть они помнятъ, что въ великой борьбѣ за освобожденіе человѣчества они были авангардомъ, что они приняли на себя первый ударъ, имѣя своимъ девизомъ „Право выше Силы", и покрыли себя неувядаемой славой, на вѣки обезсмертивъ имя Бельгіи. Исторія, въ свое время воздастъ должное Королю и народу, которые принесли въ жертву все, кромѣ чести, чтобы отстоять свою независимость и безопасность Европы.

ДЖОЗЕФЪ Г. ЧОЭТЪ.

Подъ отважнымъ предводительствомъ своего героя-короля, бельгійскій народъ сражается за свою независимость противъ тѣхъ, кто ему гарантировалъ ее. Виновные въ нарушеніи своей клятвы сознались въ своемъ преступленіи, уже совершивъ его, и объяснили разгромъ Бельгіи необходимостью. Весь

цивилизованный міръ отказался принять это оправданіе.

Бельгійцы, никогда никого не притѣснявшіе и никому не мѣшавшіе, были смяты подавляющей численностью своего врага; ихъ дома разрушены; вся ихъ страна опустошена и обращена въ сплошное кладбище. И все это—за то что они храбро отстаивали право и выполняли свой долгъ.

Всѣ цивилизованные націи искренно и глубоко сочувствуютъ несчастной Бельгіи и стараются оказать ей посильную помощь, отдавая должную дань ея доблести.

Я радъ, что мои соотечественники посылаютъ матеріальную помощь страдальцамъ и питаютъ къ нимъ и къ ихъ отважному Королю лучшія чувства симпатіи и уваженія.

По законамъ международнаго и нашего собственнаго права у насъ, какъ у нейтральной страны, связаны руку, но наши сердца тамъ, куда ихъ влечетъ.

СЭРЪ УИЛЬЯМЪ РАМЗЭЙ.

Каждый человѣкъ занимающійся наукой, если онъ не тевтонецъ (а я надѣюсь, что и среди германцевъ есть ученые), оплакиваетъ то невѣроятное варварство, жертвой котораго стала Бельгія. Мы думали, что широкое распространеніе науки, какъ чистой, такъ и при-

кладной, сдѣлало невозможнымъ возвратъ къ варваризму и уничтоженіе того, что создавалось вѣками. Научныя достиженія бельгійцевъ всегда стояли очень высоко; достаточно хотя бы назвать имена Стаса, въ чистой наукѣ, и Сольвэй, въ прикладной. Это одни изъ самыхъ замѣчательныхъ ученыхъ міра въ своихъ областяхъ.

Мы можемъ высказать бельгійцамъ только самыя лучшія наши чувства и увѣрить ихъ, въ лицѣ ихъ Короля, что когда придетъ время, мы не будемъ щадить силъ, чтобы вернуть имъ все, что у нихъ отнято. Правда, все возстановить нельзя; но многое, можетъ быть,—и будетъ сдѣлано, чтобы вознаградить Бельгію за то, что она одна, безъ всякой помощи извнѣ, долгое время успѣшно сдерживала германскія орды и такимъ образомъ дала возможность лучшимъ народамъ Европы приготовиться къ отраженію нашествія тѣхъ, кто создалъ бы эпоху регресса искусствъ, науки и литературы.

УИЛЬЯМЪ Г. ТАФТЪ.

Сердца всего міра стремятся къ несчастной Бельгіи.

Не будучи никоимъ образомъ причастной къ причинамъ, вызвавшимъ столкновеніе европейскихъ народовъ, она сдѣлалась аре-

ной величайшей и во многихъ отношеніяхъ наиболѣе опустошительной войны. Все, что дѣлается для облегченія ея страданій, вызываетъ во мнѣ глубочайшую радость.

СЭРЪ У. Б. РИЧМОНДЪ.

„Корона мира“.

Прекрасный миръ поднимается изъ пламени войны, которая уступаетъ дорогу его кроткой красотѣ; онъ держитъ въ рукахъ безсмертную корону, которую подноситъ Королю Альберту и его народу, спасшему своимъ самопожертвованіемъ и героизмомъ всю Европу отъ варварскихъ ордъ.

Посвящается Великому Королю благородныхъ бельгійцевъ, который спасъ Европу отъ варваровъ.

АНРИ БЕРГСОНЪ.

Меня попросили написать, что я чувствую и думаю о Бельгіи и ея Королѣ Альбертѣ. Я ищу и не нахожу словъ, чтобы выразить свое восхищеніе. Я склоняю голову и почтительно привѣтствую ихъ.

Маленькій народъ неожиданно столкнулся лицомъ къ лицу съ одной изъ самыхъ могучихъ армій міра. И у него просили разрѣшенія только пройти по его территоріи, обѣщая ему вернуть ее въ цѣлости. Ему обѣщали

сохранить независимость. Исполнили бы свое обѣщаніе или нѣтъ, я не знаю, но этотъ маленькій народъ былъ воленъ имъ вѣрить. И если бы онъ объявилъ, что уступаетъ силѣ, что принимаетъ неизбѣжное, мы могли бы пожалѣть объ этомъ, но не смѣли бы его порицать. Но нѣтъ, онъ началъ сопротивляться тому, чему, казалось, нельзя было сопротивляться; онъ принесъ въ жертву все что у него было, все что онъ имѣлъ: города и деревни, богатство и человѣческія жизни онъ отдалъ за идею, за героическую вѣру въ свое право. Слава ему! Слава его Королю!

Я раньше говорилъ и училъ другихъ, что исторія есть школа безнравственности. Послѣ примѣра, даннаго Бельгіей всему міру, я этого больше не скажу никогда. Такой подвигъ, какой совершила эта страна, искупаетъ всѣ самые низкіе поступки человѣчества. Начинаешь гордиться тѣмъ, что ты человѣкъ.

Да будетъ позволено мнѣ, какъ профессору философіи, добавить, что теперь можно гордиться и тѣмъ, что ты философъ. Ибо Король Альбертъ посвятилъ себя изученію философіи. Можетъ быть ей онъ обязанъ, хоть отчасти своей силой духа и благороднымъ идеализмомъ. Я бы хотѣлъ, чтобы это было такъ, потому что въ этомъ случаѣ слава философіи сдѣлалась бы еще больше. На про-

тяженіи исторіи, философія дважды свѣтила съ трона и въ обоихъ случаяхъ была соединена съ высокой доблестью. Въ античныя времена, философія научила Марка Аврелія стоицизму. Въ наши дни, ея мягкая улыбка видна въ простомъ и высокомъ героизмѣ Короля Альберта.

ДЖИЛЬБЕРТЪ МЭРРЭЙ.

Вчера я видѣлъ британскій кавалерійскій полкъ, возвращающійся съ маневровъ; всѣ солдаты въ петлицахъ имѣли цвѣта бельгійской націи. Иногда войска побѣжденнаго государства бываютъ вынуждены носить чужія цвѣта, но они не носятъ ихъ съ гордостью, какъ тѣ кавалеристы, которыхъ я вчера видѣлъ. Иногда бываетъ, что армія маленькаго и слабаго государства носитъ съ гордостью цвѣта могущественной союзной державы, но тѣ, о которыхъ я говорю, носили цвѣта небольшой и несчастной націи, націи изгнанной изъ своей опустошенной страны, изъ своихъ разрушенныхъ городовъ, занятыхъ теперь ея врагомъ. Не изъ какихъ-нибудь матеріальныхъ соображеній носятъ британскіе солдаты бельгійскіе цвѣта; а потому что Бельгія въ настоящее время великихъ и ужасныхъ испытаній сдѣлала то, чѣмъ гордился бы каждый,

Сэръ В. Б. Ричмондъ.

Корона міра.

и стала для всего міра эмблемой героизма и храбрости.

Страданія Бельгіи сами по себѣ достаточны болѣе чѣмъ достаточны, чтобы взывать о помощи ко всѣмъ, кто ее можетъ дать. И каждый слышитъ этотъ призывъ. Въ городѣ, гдѣ я въ настоящее время пишу, не только одни зажиточные классы населенія оказываютъ бельгійцамъ помощь и гостепріимство. Магазины отъ времени до времени отказываются брать деньги, когда узнаютъ, что вещи покупаются для бельгійцевъ. Ремесленники и мастеровые предлагаютъ въ пользу ихъ безплатно свой трудъ въ свободные часы. Наконецъ, совсѣмъ недавно, рабочіе одного изъ бѣднѣйшихъ кварталовъ, предложили совершенно даромъ столъ и помѣщеніе на годъ. Земледѣльцы въ маленькихъ деревняхъ собираютъ всѣ свои гроши и безплатно предоставляютъ въ пользованіе несчастнымъ бѣженцамъ вполнѣ обставленные коттэджи. И подобное настроеніе царитъ во всей Англіи.

Это не простое сочувствіе, не простая жалость къ несчастнымъ, охватившая всю нашу націю. Конечно, здѣсь есть элементъ ея; но преобладаетъ восхищеніе и благодарность. Мы благодарны не только потому, что Бельгія встала между нами и первымъ ужасомъ германскаго удара, какъ это въ дѣйствительно-

сти и было, но главнымъ образомъ потому, что она подняла нашу вѣру въ человѣческое достоинство и научила насъ ожидать отъ людей великихъ поступковъ.

Мы не знали, что наша комфортабельная либерально-мыслящая западная цивилизація носила въ своемъ сердцѣ героизмъ. Мы читали о герояхъ и мученикахъ въ исторіи, ошибочно предполагая, что они исчезли навсегда. Жизнь, безъ сомнѣнія, стала легче и менѣе жестока: но она, казалась худшей по качеству и сдѣланной изъ дешеваго матеріала. Мы были неожиданно выведены изъ этого заблужденія. Оказалось, что дни жестокости никоимъ образомъ не миновали; но едва мы въ этомъ убѣдились, какъ поднялась Бельгія и показала намъ, что дни героизма тоже еще не прошли. Бельгія служитъ поучительнымъ примѣромъ и для всѣхъ націй, которыя сомнѣваются, достойна ли самостоятельная національная жизнь того, чтобы за нее переносить страданія, и для всѣхъ лицъ, которые не знаютъ цѣны своему свободному духу и не увѣрены въ своей способности пріять за сохраненіе его мученическій вѣнецъ. Сознательно или безсознательно, но въ сердце каждаго человѣка закралось что-то, что подняло его вѣру въ себя и въ свои возможности: „если бельгійцы сдѣлали это, почему не могу я?“

СЭРЪ ДЖИЛЬБЕРЪ ПАРКЕРЪ.

Нѣкоторымъ людямъ и нѣкоторымъ народамъ то тамъ, то тутъ на протяженіи исторіи свыше дано выявлять человѣчество съ его лучшей, благороднѣйшей и красивѣйшей стороны; проливать на алтарь свободы жертвенную кровь за всѣхъ людей всего міра и являться порукой за все человѣчество въ его благоговѣніи къ вѣчнымъ цѣностямъ. Это сдѣлали бельгійскій Король и бельгійскій народъ. Чудовищный разрушительный легіонъ ужаса и тираніи надвигался на нихъ изъ мрака, предлагая имъ дары и золото, если бы они оказали содѣйствіе полчищамъ того императора, для котораго священный договоръ подписанный честью не служилъ препятствіемъ для выполненія его честолюбивыхъ намѣреній. Бельгійскій Король и народъ предпочли смерть безчестію. Они потеряли все, но спасли свои души. И пока безстрастное Время ведетъ лѣтопись, факелъ зажженный Бельгіей будетъ горѣть, а рука Короля, которая высоко держитъ этотъ факелъ, будетъ всегда чтиться людьми.

> „Счастливы всѣ свободные народы, которые въ силахъ сохранить все то, чѣмъ они владѣютъ, но вполнѣ счастливы они только среди тѣхъ націй, которыя смѣютъ быть сильными и для всего остального“.

СЭРЪ СИДНЕЙ ЛИ.

Король бельгійцевъ и его храбрая армія совершили подвигъ, который покрылъ человѣчество новой славой. Ихъ героическое сопротивленіе незаслуженному злу, причиненному имъ грубой силой, бросило новый яркій лучъ на исторію цивилизованныхъ народовъ. Не смотря на жестокія страданія, которыя безпощадный врагъ посѣялъ въ ихъ странѣ, не смотря на всѣ разоренія и опустошенія, совершенныя германскими солдатами безъ жалости, безъ угрызеній совѣсти, Бельгія, ея Правитель и ея народъ могутъ найти надежду и утѣшеніе въ сознаніи, что ихъ правота признана всюду, гдѣ царятъ справедливость и право, и что долгъ всѣхъ честныхъ людей—обезпечить имъ избавленіе отъ несправедливо причиненныхъ страданій.

ПРОФЕССОРЪ УИЛЬЯМЪ ФЛИНДЕРСЪ ПЕТРИ.

Чл. Корол. Общ. Бакл. Словесн. Наукъ и Пр.

Бельгійской націи и ея Благородному Вождю, я выражаю мои самыя искреннія:

Восхищеніе его храбростью,
Уваженіе за его непоколебимую твердость,
Благодарность за спасеніе Англіи и Франціи,
Желаніе скорѣйшаго возстановленія и
Надежду, что черезъ страданіе онъ придетъ къ величію.

ЭДВАРДЪ КАРПЕНТЕРЪ. СТРАНѢ И НАРОДУ БЕЛЬГІИ.

Дорогой мнѣ Бельгійскій народъ, не отчаивайся послѣ всего того, что случилось съ тобой, но смѣло и съ надеждой смотри впередъ. Бѣшеное насиліе и чудовищная борьба могли, дѣйствительно, изранить и изувѣчить твое тѣло, но они не могли, и, я увѣренъ, никогда не смогутъ сломить твой духъ. Наоборотъ, можетъ быть, онъ выйдетъ изъ великаго огня страданій, еще болѣе закаленнымъ и свѣтлымъ.

СЭРЪ ЭДУАРДЪ ГРЕЙ.

Зло сдѣланное Бельгіи обязало насъ ничего не щадить и, если нужно, отдать все, чтобы возстановить ея права, а себѣ обезпечить миръ.

Что такое сдѣлали бельгійцы, за что ихъ страна подверглась нашествію и опустошенію? Какой вызовъ бросили они, они, которые никого не притѣсняли и желали только быть оставленными въ покоѣ, жить независимой жизнью, обрабатывать свою землю и развивать свою торговлю и промышленность.

Любовь къ свободѣ и независимости не уничтожается угнетеніемъ и насиліемъ, но украшенная храбростью и страданіями, становится источникомъ вдохновенія для потомковъ и занимаетъ въ исторіи самое почетное мѣсто.

ЛОРДЪ ГАРДИНГЪ, ВИЦЕ-КОРОЛЬ ИНДІИ,

Ни одна нація не смотрѣла съ большимъ отвращеніемъ чѣмъ Индія на рядъ преступленій, совершенныхъ германскими солдатами по отношенію къ мирнымъ бельгійцамъ. Къ глубокому состраданію, которое народы Индіи испытываютъ въ эти ужасные часы, присоединяется ихъ восхищеніе храбрымъ сопротивленіемъ бельгійской арміи безчисленнымъ полчищамъ. Пусть бельгійцы утѣшаются мыслью, что ихъ самопожертвованіе не забудется, когда угнетатели слабыхъ будутъ окончательно разбиты. Индія не остановится до тѣхъ поръ, пока зло, причиненное Бельгіи, не будетъ отомщено.

СЭРЪ РЕДЖИНАЛЬДЪ УИНГЭЙТЪ.

Отъ имени жителей Судана, безъ различія расъ и вѣроисповѣданій, я выражаю наше почтительное уваженіе Бельгійскому Королю и всѣмъ бельгійцамъ, какъ живымъ такъ и тѣмъ, которые, въ нашъ матеріалистическій вѣкъ, пали въ борьбѣ за идею и такимъ образомъ подтвердили, что время героевъ еще не совсѣмъ миновало. Я имѣю честь лично знать Его Величество: онъ пріѣзжалъ въ Суданъ незадолго до своего восшествія на престолъ, пробылъ съ нами нѣсколько дней и посѣтилъ мѣстность къ югу

отъ Картума. Часто бесѣдуя съ нимъ, я особенно былъ пораженъ его высокими взглядами на обязанности Короля и Правителя— не только по отношенію къ его бельгійскимъ подданнымъ, но также и къ населенію республики Конго, въ просвѣщеніи котораго онъ принимаетъ весьма большое участіе, и которое подъ его властью сдѣлало такія значительные шаги впередъ къ цивилизаціи и прогрессу.

ЭРЛЬ ХОЛСБЕРИ.

Его Величество Король бельгійцевъ.

„Онъ обладаетъ благородствомъ и храбростью—качествами окрыляющими душу человѣка орлиными крыльями и дающими ему возможность приблизиться къ самому жаркому солнцу, въ лучахъ котораго таютъ, какъ воскъ слабые души, не могущія подняться выше земного“.

ЭРЛЬ КИТЧИНЕРЪ.

Я искренне надѣюсь, что эта книга сможетъ выполнить свое двойное назначеніе: съ одной стороны засвидѣтельствовать наше восхищеніе храбростью и чувствомъ долга, высказаннымъ Королемъ Альбертомъ и его арміей, а съ другой дать матеріальную помощь бельгійцамъ, которые такъ ужасно пострадали отъ нашествія врага.

ГЕНРИХЪ СЕНКЕВИЧЪ.

Несчастія проходятъ, слава остается и дастъ безсмертіе. Честь героической націи и ея герою-Монарху.

АДМИРАЛЪ ЛОРДЪ ФИШЕРЪ КИЛЬВЕРСТОНЪ.

„Господь Богъ воздастъ каждому по дѣламъ его“.

Кн. Пр. Іереміи, гл. 51, ст. 56.

„Дѣвушка 19 лѣтъ была найдена обнаженной, изнасилованной и мертвой“.

Спец. корреспонд. „Таймс'а“ (Окт. 25, 1914).

УИЛЬЯМЪ ЛОКЪ. ЕГО ГЕРОИЧЕСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ КОРОЛЮ БЕЛЬГІЙЦЕВЪ.

Сиръ.

Дата 5 ноября болѣе достойна жить въ памяти людей, чѣмъ всѣ годовщины празднуемыя нами англичанами, — 5 ноября 338 лѣтъ тому назадъ зимній разсвѣтъ забрезжилъ надъ Антверпеномъ, сожженнымъ и разрушеннымъ воинствомъ „которое“, какъ говоритъ извѣстный американскій историкъ „казалось отбросило даже тѣнь человѣчности. „Адъ“, добавляетъ онъ, „выслалъ своихъ демоновъ“, 5-го же ноября такія же безпощадныя и звѣрскія орды вошли въ ворота Антверпена, предварительно подвергши та-

кому опустошенію вашу прекрасную страну, которое самъ Альба со своими приспѣшниками, высшіе продукты расы чрезмѣрно хвалившейся своей „культурой“, не имѣлъ изобрѣтательности, чтобы выдумать ни жестокости, чтобы привести въ исполненіе. Болѣе чѣмъ 300 лѣтъ тому назадъ ваша страна сражалась за самое дорогое, самое священное для человѣка. Противъ ужасныхъ полчищъ сражалась она за свободу въ величайшей битвѣ, какую только видѣлъ свѣтъ. Въ этой безпощадной борьбѣ, „участвовали женщины, старики и дѣти и на всѣхъ ихъ поэтому обрушилась месть побѣдителей“. Въ наши дни, Сиръ, ваши враги, раздраженные незначительнымъ для нихъ, но героическимъ сопротивленіемъ вашихъ армій, совершаютъ месть трижды достойную проклятія. Триста лѣтъ тому назадъ ваша страна съ неподражаемымъ героизмомъ восторжествовала надъ темными силами и утвердилась въ Европѣ, какъ одинъ изъ центровъ человѣческаго вдохновенія. Теперь она снова бьется за свободу въ еще болѣе славной битвѣ, чѣмъ въ тѣ отдаленные дни. Она натянула безсмертные струны, которыя дрожатъ и будутъ дрожать въ соединенныхъ сердцахъ Англо-саксонской, Латинской и Славянской расъ, — расъ, которыя, въ возвышенномъ выраженіи Жизни

называемомъ нами Искусствомъ и объемлющемъ всѣ проявленія духовнаго откровенія, начиная съ пѣсни и кончая храмомъ, отвергли тевтонскіе идеалы. И, какъ и въ тѣ отдаленные дни, ваша благородная страна, сильная своимъ безкорыстіемъ и воодушевляемая восторженнымъ удивленіемъ всего цивилизованнаго міра, восторжествуетъ и снова займетъ почетнѣйшее мѣсто между другими націями.

Для васъ же, Сиръ какую болѣе подходящую дань можетъ положить къ вашимъ ногамъ скромный писатель, чѣмъ слова англосаксонскаго историка, относящіяся къ вашему предшественику и образцу, великому спасителю вашей страны триста лѣтъ тому назадъ: „онъ прошелъ свой жизненный путь неся на плечахъ тяжесть народнаго горя, съ улыбающимся лицомъ. Онъ былъ руководящей звѣздой великой націи".

А. Д. ГАРДИНЕРЪ.

Каковъ бы ни былъ исходъ войны какова бы ни была судьба Европы, наши потомки въ Королѣ Альбертѣ увидятъ самую гуманную, самую рыцарскую фигуру этой титанической борьбы.

Бельгія умерла за миръ, за нашъ миръ, за миръ всего свѣта. Дай, Боже, увидѣть

намъ ее побѣдительницей, снова воскреснувшей послѣ слезъ и страданій. И если въ мірѣ существуетъ справедливость, она воскреснетъ!.

ЛОРДЪ РЕДЕСДЕЛЬ.

Королю бельгійцевъ.

Сиръ,

Ваше Величество, сражаясь за весь міръ—Герой во главѣ героическаго народа—вы принесли самыя страшныя жертвы. Міръ этого никогда не забудетъ.

Сиръ, вы потеряли много—вы пріобрѣли Безсмертіе.

Я имѣю честь состоять

Сиръ,

Вашего Величества

Самымъ покорнымъ слугой.

УИЛЛЬ КРУКСЪ.

Исторія народовъ не даетъ ничего болѣе потрясающаго, чѣмъ мученичество Бельгіи, ея Короля и ея народа въ 1914 г. Ея неудачная попытка спасти свою страну отъ кровавыхъ рукъ Германіи въ глазахъ всего міра будетъ казаться блестящей побѣдой. Ея самопожертвованіе заставитъ содрогнуться потомковъ, которые будутъ свято чтить память Бельгіи и всегда молиться за нее.

АРХІЕПИСКОПЪ ІОРКСКІЙ.

Король и народъ Бельгіи встрѣтили первый ударъ ужасной войны, охватившей всю Европу. Они первые дали доказательство героическаго самопожертвованія. На ихъ долю выпала честь отдать свою жизнь за своихъ ближнихъ. Наша обязанность вернуть имъ ихъ самостоятельную національную жизнь, облагороженную удивительной жертвой, которую принесла Бельгія.

ГЛАВНЫЙ РАВВИНЪ АНГЛІИ.

Только та нація можетъ быть названа культурной, которая увеличиваетъ духовныя достиженія человѣчества; которая своей жизнью, а если нужно, то и своей смертью, защищаетъ вѣчныя цѣнности жизни—совѣсть, честь, свободу. Испытанные въ этомъ, два маленькихъ народа, евреи, въ прежнія времена, и бельгійцы, въ наши дни, являются главными поборниками культуры, борцами за священный даръ человѣка. Они, а не ихъ могущественные и безжалостные угнетатели. Израиль, который все переиспыталъ, все перестрадалъ и все пережилъ, вѣритъ, что Бельгія, сражающаяся за свой Духъ, также несокрушима, какъ самъ Духъ.

МАРКИЗЪ ЛАНСДАУНЪ.

Меня просили написать нѣсколько словъ въ этой книгѣ, которую ея составители хотятъ положить къ ногамъ Бельгіи.

27-го августа, когда парламентъ въ полномъ составѣ своихъ двухъ палатъ, единогласно принялъ резолюцію выразить его Величеству, королю Бельгіи свое восхищеніе и уваженіе, я произнесъ рѣчь, которую я привожу ниже. Она являлась лишь слабымъ выраженіемъ моихъ чувствъ и чувствъ всѣхъ, кто слушалъ эту рѣчь. Все, что произошло съ тѣхъ поръ, за два мѣсяца, способствовало только ихъ усиленію.

Всякій, кто любитъ свободу, всякій, кто цѣнитъ благородство самопожертвованія, кто восхищается патріотизмомъ и признаетъ важность международныхъ договоровъ, долженъ чувствовать, что Бельгія оказала всему цивилизованному міру громадную услугу тѣмъ, что она сдѣлала. Если бы она руководилась менѣе благородными идеалами, если бы она держала знамя чести не такъ высоко, то, вѣроятно, для нея было бы совершенно легко не принять на себя отвѣтственность и избѣжать ужаснаго наказанія, павшаго на нее за сопротивленіе. Она могла бы заявить, что международная распря не касается ея и не

затрагиваетъ ея интересовъ. Она могла бы сослаться на свою слабость по сравненію съ силой великихъ державъ, вступившихъ въ эту ужасную борьбу. Она могла бы заявить, что событія движутся съ такой быстротой, что для ея друзей нѣтъ времени собраться съ силами и прійти ей на помощь, разъ война уже началась. Она могла бы, наконецъ, указать на ужасныя послѣдствія, если бы первый актъ этой драмы разыгрался на бельгійской территоріи. Но она ничего этого не сдѣлала. Она никогда не ошибалась въ чувствѣ долга, необходимаго для ея положенія независимаго государства. Когда ее хотѣли подкупить, она безъ колебанія отвергла подобныя предложенія. Передъ ней стояла альтернатива—или принять предложеніе Германіи и пожертвовать своей національной честью; или, если бы ея права были нарушены, защищать свой нейтралитетъ. Она выбрала послѣднее. Милорды, я осмѣливаюсь сказать нельзя было бы дать болѣе простого и достойнаго отвѣта.

Мы знаемъ всѣ, какъ храбро защищала Бельгія свой нейтралитетъ. Она вышла изъ борьбы измятая, но неустрашимая. И я смѣю думать, что она пріобрѣла въ первую же фазу великой европейской войны такую репутацію, которой гордилась бы любая, самая могуще-

ственная имперія. Если бы мы были простыми зрителями въ этой войнѣ, мы бы восхваляли Бельгію и только. Но мы не простые зрители. Мы ея товарищи по оружію, мы ея союзники, мы участвуемъ вмѣстѣ съ ней въ этой ужасной міровой борьбѣ, поэтому мы должны не только восхищаться ею, но и благодарить ее за все, что она для насъ сдѣлала. Только что предо мной, благородный Маркизъ прекрасно говорилъ о той цѣнѣ, которой Бельгія заплатила за свое благородство. Дѣйствительно, это ужасная цѣна. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ высказать Бельгіи наше самое искреннее состраданіе. Но я скажу отъ себя слѣдующее: что бы ни случилось въ теченіе этой войны—а безъ сомнѣнія въ ней будутъ и блестящія побѣды и тяжелыя пораженія—ничто такъ не поразитъ весь міръ и въ частности мою страну, какъ поведеніе Бельгіи за этотъ короткій промежутокъ времени. Все можетъ быть забыто, но то, что сдѣлала Бельгія, навсегда запечатлѣется въ памяти англичанъ. Я увѣренъ, что среди насъ нѣтъ ни одного человѣка, который бы не хотѣлъ, чтобы въ самомъ непродолжительномъ времени, мы дали дѣйствительныя доказательства нашей благодарности, сочувствія и восхищенія, о которомъ мы сегодня вечеромъ такъ много говоримъ.

МАРКИЗЪ КРЮ.

Привѣтствуя съ глубокимъ уваженіемъ храбрыхъ бельгійцевъ и ихъ благороднаго Монарха, мы думаемъ, что ни одна нація на протяженіи исторіи не подвергалась такому нелѣпому, такому жестокому, такому умышленному опустошенію, какъ та, судьба которой сейчасъ волнуетъ весь цивилизованный міръ. Тѣмъ, которые начинаютъ съ попранія священныхъ договоровъ не далеко и до полной моральной деградаціи—опустошенія ни въ чемъ неповинной страны; но, какъ писалъ англійскій поэтъ, когда Ломбардія была такимъ же образомъ разорена чужеземными завоевателями:

„И хотя правда, что чужеземецъ еще держится,
Онъ держится силой и счастьемъ;
Но счастье въ рукахъ Божіихъ,
А сила воспрянетъ и въ васъ“.

КАРДИНАЛЪ БОРНЪ.

Трудно найти во всей исторіи болѣе жестокое и менѣе заслуженное нападеніе, чѣмъ то, которое было произведено на Бельгію въ августѣ этого года. Но въ дни невыразимаго горя, протекшіе съ тѣхъ поръ, міръ удостоился чести стать свидѣтелемъ удивительнаго взрыва мужества и героизма, который, какъ

и причина вызвавшая его, не находитъ себѣ сравненій въ исторіи народовъ. Храбрость бельгійскаго народа сконцентрировалась и нашла себѣ высшее выраженіе въ лицѣ ихъ безстрашнаго Монарха, Альберта I, Короля Бельгіи. Поэтому для нашихъ союзниковъ, которые дѣйствительно, цѣной высочайшихъ страданій сдѣлались спасителями европейской цивилизаціи нѣтъ болѣе достойной дани, чѣмъ всеобщее признаніе ихъ Короля вдохновителемъ сопротивленія несправедливости, сопротивленія, вызвавшаго восхищеніе всего міра.

Никѣмъ не приносится эта дань болѣе радостно, чѣмъ католиками Англіи. Имъ, въ печальные дни религіозной распри и преслѣдованія, Фландрія давала гостепріимное убѣжище. Мы страстно хотимъ теперь отплатить ей той же монетой. Мы вспоминаемъ, какъ въ 1561 году, когда старые университеты нашей страны изгнали изъ своихъ зданій тѣхъ, которые отважились еще сохранять прежнюю вѣрность папскому престолу, изгнанники находили въ Лувенѣ свою новую родину и даже построили тамъ два дома: одному изъ нихъ дали имя—Оксфордъ, а другой назвали Кэмбриджемъ.

По этимъ причинамъ и по многимъ другимъ, памятнымъ нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ, мы присоединяемъ къ дани, подно-

симой его Величеству Королю Альберту, нашу благодарность, наше сочувствіе и наши горячія молитвы о томъ, чтобы Всевышній скорѣе далъ миръ бельгійской націи, благословилъ ихъ возобновленную жизнь и національное благоденствіе, долженствующее превзойти все, что было извѣстно до сихъ поръ.

СЭРЪ РОБЕРТЪ БОРДЕНЪ.

За „преступную" защиту своей территоріи отъ ничѣмъ не вызваннаго захвата ее той державой, которая обѣщала эту территорію охранять, Бельгія переноситъ съ несокрушимой твердостью страданія, превосходящія самое пылкое воображеніе и вызывающее безконечное сочувствіе всего человѣчества.

Пока въ сердцахъ людей будетъ жить любовь къ свободѣ, пока характеръ и величіе націи будетъ измѣряться ея идеалами, доблесть и героизмъ, вѣра и благочестіе бельгійцевъ и ихъ Короля будетъ жить въ памяти людей и являться образцомъ не только для бельгійскаго народа, но и для всего міра.

ДЖОНЪ РЕДМОНДЪ.

Ирландская нація связана съ Бельгіей прочными узами дружбы. Мы благодарны ей за прошлое и нѣтъ во всемъ мірѣ другой націи, которая испытывала бы такое восхищеніе, какъ Ирландія, безпредѣльной храб-

ростью бельгійскаго народа и его героя-Короля. Мы, ирландцы, счастливы сознаніемъ, что наши соотечественники вмѣстѣ съ бельгійцами защищали ихъ свободу и независимость. Ирландія выражаетъ королю Альберту чувства своего глубокаго уваженія и восхищенія.

ЭРЛЪ КЭРЗОНЪ КЕДЛЬСТОНЪ.

Каково было ни было будущее Бельгіи, ея имя и имя ея героическаго Повелителя всегда будетъ чтиться въ исторіи и прославляться за благородную защиту своей независимости, международнаго права и свободы человѣчества. За свою твердость она заплатила цѣной страданій, равныхъ которымъ нѣтъ въ новой исторіи, страданій, причиненныхъ ей врагомъ, жестокость котораго также ни съ чѣмъ несравнима.

Не смотря на все это, Бельгія своимъ поступкомъ и еще больше своимъ примѣромъ оказала неоцѣнимую услугу человѣчеству, ибо она еще разъ доказала міру вѣчную истину, что національная честь выше національной безопасности, и что Духъ безсмертенъ, хотя тѣло можетъ быть изувѣчено,

Временно терновый вѣнецъ надѣтъ на ея голову, но Европа, нѣтъ! весь цивилизованный міръ жаждетъ видѣть ее оправившейся

отъ тяжелыхъ ранъ; и когда-нибудь, будемъ надѣяться, что скоро, — она снова будетъ гордиться благоденствіемъ своего народа и вѣчной благодарностью человѣчества.

УИНСТОНЪ С. ЧЕРЧИЛЬ.

Въ тотъ моментъ, когда его города заняты врагомъ, его страна измучена, его правительство и армія находятся въ изгнаніи, бельгійскій народъ вліяетъ на судьбы Европы и человѣчества больше, чѣмъ любое крупное государство спокойное и могущественное; и не смотря на настоящее горе и страданія, Бельгія увѣренно смотритъ въ лучшее будущее.

ВАЙКАУНТЪ ЭШЕРЪ.

Я никогда бы не рѣшился писать въ книгѣ короля Альберта, если бы имя моего, крестнаго отца, Сильвенъ Ванъ-де-Вайеръ, не стояло вмѣстѣ съ именемъ лорда Пальмерстона на „клочкѣ бумаги" — договорѣ, который такъ позорно былъ названъ германскимъ канцлеромъ.

Бельгійскіе патріоты, которые въ 1830 году предложили корону королю Леопольду, были бы восхищены исключительной доблестью Внука ихъ Монарха и потрясены страданіями націи, которую они вызвали къ жизни.

ДАВИДЪ ЛЛОЙДЪ ДЖОРЖЪ.

Въ различныя эпохи исторіи народовъ на долю маленькихъ государствъ выпыдала честь оказывать значительныя услуги цивилизаціи. На этотъ разъ спасти европейскую цивилизацію была призвана Бельгія, которая благородно отозвалась на этотъ призывъ.

Ея героизмъ вывелъ на чистую воду прусское юнкерство, его характеръ и его идеалы Германскія интриги противъ Россіи, Франціи и Великобританіи могли бы продолжаться подъ различными удобными дипломатичными предлогами; но, воюя съ Бельгіей, Германіи пришлось играть въ открытую и показать всему міру свою заносчивость, жестокость и аггрессивность.

Бельгія обнаружила характеръ прусскаго милитаризма. Когда онъ будетъ сломленъ, большая часть тріумфа выпадетъ на ея долю.

Теперь эта несчастная страна задавлена варварскими орлами; но, когда они будутъ уничтожены. Бельгія станетъ великой и славной страной, которую всѣ друзья свободы будутъ уважать и всѣ тираны бояться.

ФРИТЮФЪ НАНСЕНЪ.

Я искренно радъ, что эта книга даетъ мнѣ возможность выразить, отъ имени всѣхъ гражданъ моей маленькой націи глубокое сочувствіе храброму бельгійскому народу и его благородному Королю и Королевѣ.

Безполезно говорить, что симпатіи каждаго человѣка на сторонѣ Бельгіи, судьба которой является самой страшной трагедіей въ новой исторіи. Но слова кажутся недостаточными и незначительными, когда подумаешь о несчастіи этого прекраснаго народа, который такъ доблестно сражался и такъ много принесъ въ жертву во имя своего міра и своей страны.

АДМИРАЛЪ ЛОРДЪ ЧАРЛЬЗЪ БЕРСФОРДЪ.

Весь цивилизованный міръ потрясенъ дикимъ варварствомъ, совершеннымъ надъ храброй бельгійской націей безпощаднымъ, подлымъ и звѣрскимъ поступкомъ Германіи, желавшей уничтожить бельгійскую независимость.

Бельгійцы сражались за свободу, человѣчество и цивилизацію; они защищали Францію и Великобританію и, хотя тысячи ихъ лучшихъ людей пали въ этой борьбѣ, хотя

ихъ мирное населеніе, включая сюда женщинъ и дѣтей, было выгнано изъ своихъ домовъ, юношество Бельгіи все еще бьется за Право и Миръ.

Когда окончится эта ужасная война, первой обязанностью союзниковъ будетъ—потребовать вознагражденія для Бельгіи отъ того безпощаднаго государства, которое ее разрушило.

Германія попрала божескіе и человѣческіе законы. Ея поведеніе доказало, что германскій милитаризмъ является опасностью для всего человѣчества.

Весь міръ сочувствуетъ Бельгіи, уважаетъ ее и восхищается ею, потому что она переноситъ страданія за свою любовь къ свободѣ и за защиту правъ маленькаго государства.

ВАЙКАУНТЪ БРАЙСЪ.

Честь бельгійскому Королю и бельгійскому народу. Ни одинъ Король и ни одна нація, даже старая и сильная, никогда не проявляла большей храбрости и благородства, чѣмъ Бельгія, которая является самой молодой и маленькой въ ряду другихъ европейскихъ государствъ.

Когда, въ 1832 году, Бельгія стала королевствомъ, многіе сомнѣвались, можетъ ли

быть создана настоящая нація изъ смѣшенія фламандскаго и валонскаго элемента, расъ столь различныхъ по характерамъ и даже говорящихъ на разныхъ языкахъ; но Бельгія выросла въ истинно объединенную націю, солидарную своимъ горячимъ патріотизмомъ. Она дала міру много выдающихся людей въ наукѣ и искусствѣ: поэтовъ, юристовъ и ученыхъ, художниковъ, которые помнили завѣты Рубенса и Вандика. Принципы конституціонализма пустили глубокіе корни и дали не мало крупныхъ государственныхъ дѣятелей. Бельгійскіе крестьяне, бережливые и трудолюбивые, довели почву своей страны до высшей производительности, а коммерческій даръ и предпріимчивость бельгійцевъ создали промышленность, равной которой нѣтъ въ Европѣ. Миръ и благоденствіе царили такіе, какихъ не было со временъ Филиппа Добраго.

Но весь этотъ покой и счастье было неожиданно и безжалостно отнято у Бельгіи. Ея поля стали опустошенными, города разрушенными; сокровища искусствъ расхищены, а сами бельгійцы или доведены до нищеты или выгнаны изъ своей страны. Всѣмъ этимъ страданіямъ Бельгія подверглась за то, что не хотѣла отказаться отъ своей независимости и нарушить свое обѣщаніе сохранять нейтралитетъ; обѣщаніе, которое было фун-

даментомъ ея независимости. Ея Король и народъ, тѣснимые вдесятеро сильнѣйшими арміями поставили на карту все, кромѣ чести, и,—кромѣ чести, все потеряли. Но честь выше всего. Они вызвали этимъ поступкомъ восхищеніе всего міра. И когда въ Бельгіи снова возстановятся миръ и покой, счастье и благоденствіе, а они должны быть возстановлены въ самомъ скоромъ времени, борьбой и страданіями бельгійскаго народа будутъ гордиться потомки.

Мы, британцы, привѣтствуемъ храбраго Короля и его армію, которая еще отважно бьется, хотя отъ нея осталось не больше одной трети. Мы страдаемъ вмѣстѣ съ ними и мы не остановимся, пока ихъ страданія не будутъ окончены и врагъ не будетъ изгнанъ изъ Бельгіи. Мы благодаримъ ихъ за примѣръ, данный всей Европѣ. Исторія не знаетъ со временъ Фермопилъ большаго подвига непоколебимой вѣрности и неустрашимаго героизма.

ВАЙКАУНТЪ ГЛАДСТОНЪ.

Лучшая дань королю Альберту и его храбрымъ бельгійцамъ — наша помощь и усиліе облегчить участь тысячъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, страдающихъ потому, что Бельгія пожертвовала собой во имя Свободы и Справедливости.

НОРМАНЪ АНДЖЕЛЪ.

Бельгія оказала большую услугу всѣмъ намъ: она показала, какъ маленькое государство можетъ стать великимъ и какъ большое государство иногда бываетъ маленькимъ. Она доказала, что настоящій патріотизмъ не зависитъ ни отъ величины территоріи, ни отъ политической мощи, и не нуждается въ нихъ; тогда какъ поступокъ Германіи по отношенію къ Бельгіи является блестящимъ примѣромъ того, какъ мощь и величина государства могутъ убить всякое достоинство истиннаго патріотизма.

СЭРЪ АРТУРЪ ПИНЕРО.

АЛЬБЕРТУ ХРАБРОМУ.

Англія чтитъ и привѣтствуетъ васъ, Сэръ. Вдохновляемая Вашимъ высокимъ патріотизмомъ, вашей замѣчательной храбростью, вашимъ героизмомъ. Маленькая Бельгія сдѣлалась навсегда Великой Бельгіей. Разбитые, смятые, изгнанные, Вы и вашъ народъ оказались непобѣдимыми. Вашъ героическій духъ не можетъ быть сломленъ. Огонь же, зажженный вашимъ варваромъ-врагомъ, передъ нимъ кажется блѣднымъ и безсильнымъ. Сэръ, разореніе Бельгіи ужасно; но ваши мольбы о помощи доходятъ до справедливаго Неба. Близокъ часъ,

когда прекратятся ваши страданія; когда зеленые луга вашей возрожденной страны будутъ отвѣчать на ласки солнца улыбкой, похожей на улыбку ребенка; когда вы поведете остатки вашей неустрашимой арміи обратно въ вашу страну. До тѣхъ поръ пока все это не исполнится, какова бы ни была судьба Англіи на другихъ поляхъ битвъ, она не будетъ ни знать покоя, ни испытывать радости.

СЭРЪ ЧАРЛЬЗЪ ЛЮКАСЪ.

Бельгія доказала всѣмъ, что она имѣетъ неоспоримое право на самостоятельную національную жизнь. Ужасны ея страданія теперь, но потомки будутъ называть ея Короля и ея армію благословенными.

Д. У. ПРОТЕРО.

„Я поклялся на словахъ, но я не клялся душой“.

Такой девизъ выбрала себѣ Германія: это не девизъ Бельгіи и Англіи.

Г. РАНИ САРАУОКЪ.

Я не въ состояніи передать словами чувство моего безконечнаго восхищенія и сочувствія Королю Альберту и его народу—чувство, которое, кромѣ Германіи, должно жить въ сердцахъ мужчинъ и женщинъ и всего міра

МИЛЛИГЕТЪ ГАРРЕТЪ ФООСЕТЪ.

Бельгійскій народъ далъ міру примѣръ героической храбрости и самоотверженія, которыя будутъ стоять въ исторіи наряду съ другими великими подвигами человѣчества. Никто не смѣетъ сказать, что Бельгія, хотя она опустошена и измучена, перестала существовать. Ея національность сильнѣе, ея жизнеспособность интенсивнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Каждый бельгіецъ, будь то мужчина, женщина или ребенокъ, теперь гордится своей національностью.

„Каждому человѣку справедливая судьба даетъ свое призваніе, свой крестъ, свое дѣло:

„Всякій кто принимаетъ на себя жизнь міра, а свою собственную отдаетъ

Тотъ, умирая, живетъ“.

Самой завѣтной мечтой Союзниковъ является видѣть Бельгію по окончаніи войны снова свободнымъ и независимымъ государствомъ.

ЭРЛЬ РОБЕРТЪ КАНДАХАРЪ.

Мое восхищеніе той ролью, которую играетъ Бельгія въ этой войнѣ, сражаясь противъ насилія, противъ безчестнаго нарушенія священныхъ договоровъ, противъ лжи и несправедливости, не имѣетъ границъ. Я понимаю, что Великобританія столько должна Бельгіи, что

никакая благодарность не сможетъ возмѣстить этотъ долгъ.

Воодушевленные благороднымъ примѣромъ своего Короля, бельгiйцы остановили первый натискъ Германiи и такимъ образомъ дали намъ время избѣжать вполнѣ заслуженнаго наказанiя за нашу небрежность въ защитѣ собственныхъ интересовъ. Маленькая Бельгiя показала всѣмъ великимъ народамъ, что храбрая и солидарная нацiя, готовая на все, даже на страданiя, чтобы защищать свою свободу, можетъ успѣшно сопротивляться подавляющимъ массамъ враговъ въ теченiе довольно долгаго времени и существенно помочь намъ въ нашей конечной побѣдѣ. Въ ужасной борьбѣ, охватившей всю Европу, Бельгiи должна быть присуждена пальма первенства за то, что она спокойно и безстрашно приняла на себя первый ударъ германскихъ ордъ. Доблестнымъ было ея сопротивленiе и безцѣннымъ оказалось то время которое она дала намъ выиграть. Никакое восхваленiе ея доблестей не можетъ быть чрезмѣрнымъ; никакое восхищенiе—преувеличеннымъ, никакая награда за потери и страданiя слишкомъ щедрою.

Бельгiйцы героически сражались за священные принципы Права противъ ужасающихъ полчищъ. То, что они вытерпѣли, не-

рещило всѣ границы человѣческаго страданія. Дай Боже, чтобы ихъ будущее было яснымъ и счастливымъ, а ихъ мѣсто въ ряду другихъ цивилизованныхъ народовъ вѣчно почетнымъ.

СЭРЪ ДЖЕМСЪ КРИЧТОНЪ-БРАУНЪ.

Бельгія.

Бельгія юный рыцарь, одѣтый въ блестящіе доспѣхи Правды и съ горящимъ мечомъ Права въ рукахъ, встрѣтила первый свирѣпый ударъ чудовищнаго огнедышащаго дракона, который лежалъ въ центрѣ Европы и хотѣлъ пожрать весь міръ. Измученный, израненный, поверженный рыцарь не падалъ духомъ, а продолжалъ биться съ дракономъ и такимъ образомъ далъ время проснуться сильнымъ людямъ отъ сна, во время котораго, если бы не этотъ рыцарь, они были бы уничтожены. Когда среди проклятій человѣчества драконъ будетъ прогнанъ обратно въ свою пещеру и тамъ на тысячу лѣтъ закованъ въ цѣпи, тогда женщины, со слезами на глазахъ будутъ разсказывать своимъ дѣдямъ о страданіяхъ юнаго рыцаря, а мужчины съ восторгомъ вспоминать его доблестные подвиги.

Честь и слава Бельгіи! Храбрѣйшей изъ храбрыхъ! Благороднѣйшей изъ благородныхъ! И нуждающей въ заботѣ и помощи.

СЭРЪ ОЛИВЕРЪ ЛОДЖЪ.

За послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ міръ пріобрѣлъ новый опытъ, а Бельгія вписала свое имя въ вѣчный списокъ чести—списокъ тѣхъ людей, которые умерли, защищаясь противъ безчисленныхъ полчищъ.

Человѣчество благославляетъ героическую борьбу бельгійской націи за его покой; потому что безъ ихъ помощи карта Европы измѣнилась бы и міръ подчинился грубой невыносимой власти. Наше поколѣніе стало свидѣтелемъ величайшей міровой борьбы; и повѣсть о ней—повѣсть о гнусной низости и блогородной доблести дойдетъ до потомства и разскажетъ ему, какъ злые силы были сокрушены и какъ благородная страна, побѣжденная побѣдительница, снова восторжествовала.

АРНОЛЬДЪ БЕННЕТЪ.

Двадцать лѣтъ тому назадъ я однажды случайно узналъ, что билетъ перваго класса изъ Лондона въ Остендэ и обратно стоитъ только полъ гинеи. Я всегда думалъ, что „Континентъ" можетъ посѣщаться только богатыми людьми--во всякомъ случаѣ не клерками. Для меня это была безнадежная страна, какъ я до тѣхъ поръ думалъ; тотъ фактъ, что стоимость билета изъ Лондона на Конти-

нентъ оказалось въ два раза меньше цѣны проѣзда до моей родины Мидленда, совершенно ошеломилъ меня. При первой возможности я сѣлъ, недалеко отъ Лондонскаго моста, на пароходъ, отправляющiйся въ Остендэ, и въ первые увидѣлъ чудеса Лондонскаго порта. Я жилъ въ Лондонѣ много лѣтъ и никогда не представлялъ себѣ, что его гавань является самой большой въ мiрѣ. Дальше я увидѣлъ, когда мой маленькiй пароходъ вышелъ въ море, что Велокобританiя въ самомъ дѣлѣ есть островъ — фактъ, съ которымъ я знакомъ, былъ только теоретически, благодаря усиленнымъ занятiямъ по географiи въ школѣ. Такимъ образомъ это явилось для меня до нѣкоторой степени открытiемъ, но все это было ничто въ сравненiи съ тѣмъ чувствомъ, которое охватило меня, когда я впервые увидѣлъ чужую страну. Я увидѣлъ рядъ освѣщенныхъ домовъ, массу шикарныхъ отелей и грандiозное очертанiе курзала. Я сказалъ себѣ съ благоговѣнiемъ:

— „Вотъ онъ—Континентъ“!

Онъ казался мнѣ сказочнымъ, легендарнымъ, похожимъ на грезу. Пароходъ вошелъ въ гавань и пришвартовался. Я сошелъ на берегъ. Я былъ на бельгiйской почвѣ, первой чужой почвѣ, на которую я вступилъ. Я видѣлъ странную архитектуру, странные ко-

стюмы: я слышалъ странные звуки чужой рѣчи. Все казалось мнѣ романтичнымъ. Даже трамвай былъ невыразимо таинственнымъ; почтальоны съ ихъ маленькими рожками казались фантастичными, а каждое кафе было раемъ. Я былъ такъ растроганъ всѣмъ этимъ, столь необычнымъ для меня зрѣлищемъ, что не могъ произнести ни слова. Я только сказалъ самъ себѣ:

— „А вѣдь я, дѣйствительно, на Континентѣ".

Я едва могъ этому вѣрить. Всѣ это было слишкомъ красивымъ, слишкомъ поразительнымъ, — слишкомъ подавляющимъ, чтобы быть реальнымъ. И все-таки это была правда. Черезъ нѣсколько времени я освоился, хотя и не вполнѣ, съ своимъ чувствомъ.

Своего чувства, когда я въ первый разъ гулялъ по Остендэ, я (казался, вѣроятно, страннымъ и довольно неуклюжимъ англичаниномъ), я не могу забыть до сихъ поръ. Это было одно изъ самыхъ моихъ сильныхъ впечатлѣній за всю жизнь. Поэтому, среди другихъ городовъ и странъ континента Остендэ и Бельгія занимаютъ совершенно особое мѣсто въ моей памяти. Съ тѣхъ поръ я часто бывалъ въ Бельгіи. Я попадалъ въ Антверпенъ съ моря, я подъѣзжалъ къ нему на поѣздѣ изъ Парижа, я подплывалъ на моей парусной яхтѣ прямо къ Брюгге — и каждый

разъ я испыталъ ту же странную дрожь, какъ и при моемъ первомъ посѣщеніи Бельгіи.

Въ это мое первое посѣщеніе ее, изъ Остендэ я поѣхалъ въ Брюгге и тамъ впервые понялъ, что значитъ историческій городъ искусствъ. Брюгге казался мнѣ необычайнымъ своей гордой и законченной красотой. Онъ былъ сказочнымъ городомъ; его жители казались лицами изъ какихъ то непрочитанныхъ повеллъ, его звуки казались таинственно идущими откуда то съ неба. Каждая улица казалась мнѣ видѣніемъ. Даже вокзалъ Брюгге напоминалъ какой то храмъ... Отсюда я поѣгалъ въ Гентъ, гдѣ такая же удивительная живописность была соединена съ промышленнымъ развитіемъ... Оттуда въ Брюссель— столицу. Какіе бульвары, какіе парки, какіе дворцы, какіе галлереи и какіе рестораны. Симметрія и красота гражданскаго организма. Въ Англіи не было ничего подобнаго. Я даже не представлялъ себѣ ничего подобнаго. „Континентальная столица“. Я чувствовалъ, что я могъ бы прожить въ Брюсселѣ всю свою жизнь.

Отсюда я поѣхалъ въ Малинъ, гдѣ находятся замѣчательные часы. Потомъ въ Антверпенъ, совершенно отличающіеся отъ другой столицы Брюсселя... Затѣмъ въ Рулеръ съ его промышленностью и въ изумительный

Ипръ... Потомъ въ Намюръ, гдѣ я впервые увидѣлъ Мэзъ... Отсюда въ Динантъ съ его замѣчательными башнями и скалами. Потомъ въ Ансеремъ, гдѣ каждый получалъ столъ, комнату и купальню на Мэзѣ за 4 франка въ день... Вся страна была какъ бы музеемъ архитектуры, искусства и исторіи. Она была полна украшеніями цивилизаціи. Всюду были парки и музыка. Въ каждомъ городѣ была опера и галлерея художниковъ.

Въ теченіе двадцати четырехъ дней и ночей я видѣлъ все и къ вечеру двадцать четвертаго дня я отплылъ изъ Остендэ домой. Я ни за что не хотѣлъ покидать Бельгію. Перспектива вернутся въ скучную, не поэтическую Англію казалась мнѣ ужасной. Но я долженъ былъ ѣхать. И удивительная вещь, когда я достигъ Лондона, я началъ сознавать, какой это замѣчательный городъ. Бельгія научила меня понимать Лондонъ. Кромѣ того во мнѣ зародилось странное чувство. Это было чувство горожанина къ своему городу, гражданина къ своей странѣ. И теперь, когда я представляю себѣ возвращеніе изгнанныхъ бельгійцевъ къ себѣ домой въ Остендэ, въ Зеебрюгге, въ Антверпенъ, я увѣренъ, что ихъ чувство далеко превзойдетъ мое.

Я представляю себѣ, какъ они будутъ смотрѣть съ моря на Остендэ и съ Шельды

на Антверпенъ. Они переживутъ одновременно трагедію и торжество такое, какого еще никогда не давала судьба ни одному народу. Пораженные разрушеніями и опустошеніями, подавленные громадной задачей возстановленія того, что лежитъ передъ ними, опечаленные воспоминаніями, разоренные и несчастные, но не павшіе духомъ, они будутъ вспоминать безумную отвагу, съ которой ихъ войска защищали ихъ родину и съ надеждой смотрѣть въ будущее. Они войдутъ не въ музей, но въ дома и города, созданные ихъ предками и ими самими, которые хотя теперь обезображены и разрушены, понемногу будутъ возстановлены, чтобы снова выражать духъ націи. И мнѣ кажется, что я присутствую при замѣчательномъ и торжественномъ возвращеніи въ Брюссель, стою среди молчаливыхъ толпъ на мостовой бульвара Анспахъ въ то время, какъ молодые ветераны бельгійской арміи проходятъ мимо съ пушками, съ флагами и, наконецъ, я вижу молодого короля съ королевой, увѣнчаннаго монарха, который заслужилъ любовь націи, больше которой никто, никогда не заслуживалъ. Раздается потрясающій крикъ. На глазахъ выступаютъ слезы. И каждый приходитъ къ убѣжденію, что справедливость всегда торжествуетъ.

СЭРЪ ДЖОЗЕФЪ ЛАРМОРЪ.

Бельгія пожертвовала собой не только во имя своей независимости, но чтобы подтвердить право каждаго европейскаго государства добиваться своего національнаго развитія, свободнаго отъ всякаго давленія со стороны. Въ средніе вѣка Фландрія была центромъ науки, искусства и промышленности; въ эпоху Ренессанса она соперничала съ Италіей. Теперь она подтвердила свое право на обладаніе великими памятниками прошлаго, новой славой, выпавшей на ея долю. Огонь ея патріотизма, который теперь освѣщаетъ весь міръ, еще разъ заставилъ насъ повѣрить въ ея высокую миссію, а благодаря ея теперешнимъ страданіямъ, этотъ огонь будетъ горѣть вѣчно. Мы вѣримъ, что Бельгія воспрянетъ, преобразится и займетъ во главѣ со своей героической династіей, самое почетное мѣсто среди свободныхъ народовъ Европы.

БОНАРЪ ЛОУ.

Еще въ іюлѣ этого года, не было во всемъ мірѣ болѣе счастливой и спокойной страны, чѣмъ маленькая Бельгія. Тамъ гордо возвышались памятники древняго искусства,

науки и благочестія, среди такого промышленнаго развитія, которому, пожалуй, не было равнаго.

И вдругъ въ одинъ моментъ этотъ улыбающійся садъ промышленности былъ разрушенъ и опустошенъ, не вслѣдствіе измѣненія природы, но жестокостью человѣка. Въ борьбѣ, которую бельгійцы не искали, которую не могли отвратить ни осторожность, ни мудрость ихъ правителей, они своими подвигами добились безсмертной славы...

Но если-бы не неожиданное и героическое сопротивленіе маленькой бельгійской арміи, германскія полчища обрушились-бы на Францію раньше, чѣмъ она мобилизовала свои сила. Бельгія отвратила отъ нашихъ союзниковъ страшную бѣду, но какой цѣной! Сейчасъ она, на время, нація безъ отечества, но духъ націи въ ней еще живетъ, живетъ въ ея отважныхъ солдатахъ, живетъ въ ея Королѣ Альбертѣ, который показалъ всему міру, что можетъ сдѣлать король герой.

Какъ нація, мы хотимъ скорѣйшаго окончанія этой ужасной войны, которая вноситъ трауръ во многіе наши дома, но она не можетъ быть окончена, пока зло сдѣланное Бельгіи, не будетъ отомщено и исправлено.

СЭРЪ УИЛЬЯМЪ КРУКСЪ.

Наше сочувствіе храброй бельгійской націи и восхищеніе ея доблестнымъ королемъ можетъ быть сравнено только съ негодованіемъ и отвращеніемъ, которое мы испытываемъ къ врагамъ человѣчества — новымъ гуннамъ.

ФРЕДЕРИКЪ ГАРРИСОНЪ.

Древніе Аѳины, даже когда всѣмъ цивилизованнымъ міромъ того времени они были признаны первыми въ поэзіи, искусствѣ и краснорѣчіи, гордились тѣмъ, что „они встрѣтили мидянъ и нанесли имъ пораженіе“. Бельгійцы также первыми выступили противъ ужаснаго врага, который шелъ на Францію и считалъ себя побѣдимымъ, стремясь подчинить всю Европу.

Исторія говоритъ намъ, что если бы милліоны Ксеркса могли раздавить Грецію, прогрессъ человѣчества былъ бы на долгое время остановленъ. Точно также наступилъ бы регрессъ современной цивилизаціи, если бы милліоны кайзера съ успѣхомъ прошли бы вдоль Мэза и достигли Парижа, чтобы тамъ „позавтракать“. Франція, Британія, вся Европа безконечно обязаны Бельгіи за то, что ея героическое сопротивленіе и доблесть, хотя

это стоило ей тысячи жизней ея сыновей, отвратило ужасную катастрофу.

И первымъ долгомъ союзниковъ будетъ— возстановить попранныя права благороднаго народа, который пожертвовалъ собой для насъ, для міра, для человѣчества. Во всей новой исторіи нѣтъ примѣра мученичества цѣлой націи такого ужаснаго, такого благороднаго, такого доблестнаго. Когда Франція, Британія и Россія раздавятъ, наконецъ, заговорщиковъ противъ человѣчества, когда милитаризмъ Германіи будетъ уничтоженъ, уничтоженъ во что бы то ни стало, какъ бы дорого это не обошлось союзникамъ—героизмъ бельгійскаго народа, который „первый встрѣтилъ ударъ ужасныхъ мидянъ", (какъ сказалъ бы какой-нибудь аѳинскій араторъ), будетъ считаться примѣромъ высочайшей доблести.

ДЖОНЪ ГАЛСВЕРСИ. СОНЪ.

Я видѣлъ во снѣ плодородную равнину, ярко окрашенную осенними красками. Осень была тихая и теплая. Мужчины и женщины, дѣти и животныя мирно работали, играли, гуляли. Подъ голубымъ небомъ и бѣлыми, низко висящими облаками, большія деревья бросали на поля свою тѣнь. Я бродилъ по этой равнинѣ, заглядывая въ каждое лицо и

лица людей, жившихъ тамъ, въ этой изобильной странѣ, людей, наслаждающихся жизнью, не заботящихся о завтрашнемъ днѣ, были широкими и добродушными. Но я не видѣлъ ихъ глазъ, которые всегда были опущены внизъ. Чѣмъ дольше я тамъ ходилъ, тѣмъ больше я удивлялся, что мнѣ ни разу не удалось увидѣть чьихъ нибудь глазъ, даже глазъ маленькихъ дѣтей, даже животныхъ. Какъ будто бы тамъ былъ отданъ приказъ, чтобы глаза оставались невидимыми.

Въ то время, какъ я размышлялъ по этому поводу, небо стало темнѣть. Послышался отдаленный шумъ вѣтра и воды. Дѣти прекратили свою игру, животныя подняли головы; мужчины и женщины остановились и стали кричать другъ другу: „Рѣка — рѣка вышла изъ береговъ! Мы погибли! Наши животныя потонутъ: мы сами потонемъ! Рѣка! Рѣка“! Женщины стояли, какъ изваянія, прислушиваясь, мужчины потрясали кулаками по направленію къ черному небу и къ все возрастающему ропоту воды; животныя фыркали.

И вдругъ я совершенно ясно услышалъ голосъ: „Братья! Плотина прорвалась! Рѣка идетъ! Соедините ваши руки, братья, плотиной изъ нашихъ тѣлъ мы спасемъ наши дома! Сестры, встаньте сзади насъ, соединивъ

рука! Дѣти, заполните всѣ промежутки между нами! Рѣка"!

И вся эта масса людей, которую я только что видѣлъ спокойно работающей, спѣша, съ глазами уже не опущенными внизъ, но вперенными съ горемъ и отчаяніемъ въ ужасную темноту бросились исполнять приказаніе. А Голосъ кричалъ: „Скорѣе, братья! Плотина прорвалась! Рѣка идетъ!"

Ему отвѣчали: „Братъ, мы идемъ"!

Тысячи и тысячи ихъ сомкнулись плечо къ плечу—мужчины, женщины, дѣти и даже животныя, которыя легли позади ихъ, пока не образовалась живая плотина. А тьма все надвигалась ближе и ближе, пока уже не стали замѣтны бѣлые гребни волнъ, прорѣзывающіе мракъ и сверкающіе, какъ бѣлки глазъ.

А голосъ кричалъ: „Держитесь, братья! держитесь!"

И живая плотина отвѣтила: „Братъ, мы держимся!"

Затѣмъ наступила полная темнота. Ужасныя, бушующія воды обрушились на живую плотину.

Но заглушая весь этотъ шумъ голосъ призывалъ: „Держитесь, мои храбрецы, держитесь!"

И каждый разъ слышался одинъ и тотъ же отвѣтъ мужчинъ, женщинъ, маленькихъ дѣтей и даже животныхъ: „Братъ мы держимся!“

Но черныя волны все катились и катились. Тамъ, среди ужаснаго бушующаго хаоса я видѣлъ мужчинъ, которые еще держались за руки; я видѣлъ женщинъ, припавшихъ на колѣняхъ къ землѣ; трупы маленькихъ дѣдей, сметенныхъ въ одну кучу; и погибшихъ животныхъ. Глаза ихъ все еще были открыты такъ же какъ, когда они встрѣчали смерть. А надъ ними кипѣли дикія воды. Но громко и ясно звучалъ Голосъ: „Братья держитесь! это не смерть! мы еще живы“ и приблизившись, я увидѣлъ тѣни уже умершихъ, все еще державшихся за руки, и услышалъ ихъ крикъ: „Братъ, мы держимся!...“

Я забылся.

Когда я снова увидѣлъ сонъ, было свѣтло. Въ долинѣ уже не было воды. Рѣка спавшая и укрощенная, снова вошла въ свои берега. Брезжилъ разсвѣтъ, но еще видны были звѣзды.

Сначала мнѣ показалось, что въ долинѣ возвышались только однѣ деревья, но когда я вглядѣлся, я увидѣлъ силуэты мужчинъ, женщинъ дѣтей и животныхъ, и снова я ходилъ между ними, заглядывая въ ихъ лица,

уже не широкія и довольныя лица, съ опущенными внизъ глазами, но заостренныя страданіями, сильныя и словно выточенныя. Ихъ глаза, устремленные къ небу, казались горящими.

Въ то время, какъ я наблюдалъ все это, поднялось солнце, наступило яркое утро. И, удивленный, я увидѣлъ, что звѣзды не исчезли, но блестѣли на голубомъ небѣ, какъ кристаллы безсмертія. И надъ долиной, раскрашенной весенними красками, прозвучалъ Голосъ: „Братья, смотрите, звѣзды зажглись навсегда!“

СЭРЪ ВАЛЕНТАЙНЪ ЧАЙРОЛЪ.

Я считаю за высокую честь присоединиться ко всякой дани королю Альберту и его народу. Король Альбертъ является единственнымъ въ мірѣ сувереномъ безъ территоріи. Онъ король не Бельгіи, а бельгійцевъ, и если было предопредѣлено, чтобы безпощадный побѣдитель изгналъ его изъ его собственнаго королевства, никто не можетъ лишить его королевскаго сана. Никогда еще съ такой гордостью не носилъ король Альбертъ свой блестящій титулъ, какъ теперь, когда его правительство должно искать убѣжище въ гостепріимной Франціи, а онъ во главѣ своей неустрашимой арміи стоитъ въ самомъ край-

немъ уголкѣ бельгійской территоріи. Онъ, король бельгійцевъ, героическій вождь героическаго народа.

СИДНЭЙ УЭБЪ.

Послѣ многихъ страданій и безчисленныхъ войнъ человѣчество пришло, наконецъ къ убѣжденію, что законъ — отецъ свободы. Бельгія раздавлена безпощаднымъ врагомъ. Пусть это не пройдетъ даромъ и пусть всѣ народы земли поймутъ, наконецъ, что только съ созданіемъ дѣйствительнаго международнаго права можетъ быть обезпечена національная свобода.

БЕНЖАМЭНЪ КИДЪ.

Никакая дань, которую въ состояніи принести цивилизація, не можетъ оплатить того, что долженъ человѣческій духъ бельгійскому народу и королю Альберту.

Когда Германія пыталась просить бельгійскій народъ помочь ей въ ея замыслахъ противъ Франціи и предлагала Бельгіи продать свою душу, король Альбертъ, поддерживаемый своимъ единодушнымъ народомъ, сразу принялъ рѣшеніе и далъ такой отвѣтъ, который облагородилъ все человѣчество.

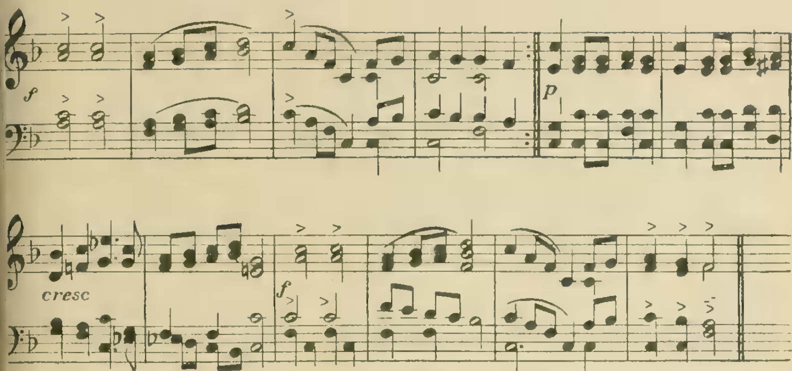
СЭРЪ ТОМАСЪ БАРКЛАЙ.

Нарушеніе бельгійскаго нейтралитета является собирательнымъ преступленіемъ, включающимъ въ себя все, что обезчещиваетъ человѣка. Убійство, грабежъ, клятвопреступленіе, поджогъ, обманъ и проч.

Убійство, а не война — проливать потоки крови беззащитныхъ людей. Разбой — поступать съ невиннымъ, какъ съ виновнымъ: поджогъ—предавать огню ихъ дома, хуже, чѣмъ клятвопреступленіе, безъ всякаго повода нарушить торжественное обѣщаніе и этимъ подорвать довѣріе всѣхъ другихъ.

Ужасъ преступленія Германіи еще не дошелъ до германскаго національнаго сознанія, но раньше или позже они поймутъ это и тогда всѣ честные и правдивые германцы почувствуютъ весь ужасъ того, что они потеряли уваженіе и довѣріе всего человѣчества. Они увидятъ всю низость ихъ поступка, который будетъ считаться грядущими поколѣніями самымъ подлымъ во всѣ времена—вѣроломное нарушеніе клятвы, соединенное съ безпощадной жестокостью. Никакая казуистика не избавитъ германскій народъ отъ сознанія, что они призвали на свою голову проклятіе маленькаго безобиднаго народа и безграничное осужденіе всего цивилизованнаго міра.

МАРШЪ ЖЕНЩИНЪ.

Безграничная благодарность и вѣчная слава Королю бельгійцевъ и его героическому народу, который, вѣря въ то, что право выше силы, сражался противъ безчисленныхъ полчищъ, защищая — такъ же, какъ англійскія женщины—свою честь и право.

КАРДИНАЛЪ ДЖИББОНСЪ.

Я съ радостью подписываюсь въ книгѣ короля Альберта.

Ж. Л. ГАРВИНЪ.

Мы, англичане, скорѣе позволимъ вычеркнуть себя изъ списка народовъ, чѣмъ не поможемъ Бельгіи воспрянуть и возстановить все, чего она лишилась.

Въ этомъ мы ручаемся всѣмъ, что имѣемъ, и пока наше обѣщаніе не будетъ исполнено, пока справедливость не будетъ возстановлена, мы не будемъ знать покоя въ нашей нетропутой войной странѣ, не прекратимъ нашихъ усилій облегчить горькую участь несчастнаго народа и поддерживать маленькую неустрашимую армію подъ предводительствомъ ея благороднаго и любимаго молодого Короля. Никакія наши восхваленія не достаточны и что бы мы ни сдѣлали, все будетъ мало. Сопротивленіе Бельгіи будетъ жить въ памяти людей, какъ одна изъ великихъ легендъ міра, и я твердо увѣренъ, что ея моральное значеніе будетъ усиляться съ теченіемъ вѣковъ. Все, что мы считаемъ въ прошломъ героическимъ, высокимъ, трагическимъ или укрѣпляющимъ нашу вѣру въ конечную побѣду добра, не превзойдетъ страданій, доблести и героизма бельгійцевъ XX-го вѣка. Они дали своей странѣ такое же безсмертное имя какъ Марофонъ.

Царство закона и мира еще утвердится на ненарушимости договоровъ и святости „клочковъ бумаги“ болѣе сильныхъ, чѣмъ орудія Круппа.

Чандлеръ Кристи.

На полѣ чести.

Д. А. СПЕНДАРЪ.

Къ нашему сочувствію Бельгіи примѣшивается зависть—зависть къ ея благородной храбрости и безподобному національному духу. который, въ часы горя, дѣлаетъ ее великой среди другихъ народовъ міра. Она защищала какъ бы Фермопилы союзниковъ и на ея братьяхъ по оружію лежитъ обязанность возместить ея жертву и возстановить ея страну. Слава храброму королю, который пожертвовалъ всѣмъ во имя чести и свободы своего народа.

ЛОРДЪ НОРТКЛИФЪ.

Рождественское пожеланіе, которое мы хотимъ послать на тотъ берегъ сѣвернаго моря таково: пусть мы, британцы, будемъ биться до конца за короля Бельгіи и бельгійскій народъ, ибо мы видимъ, что изъ зерна ихъ жертвы выростутъ прочный міръ и спокойствіе домашнихъ очаговъ облагороженнаго человѣчества.

Доблестный король настоящей демократіи вмѣстѣ со своимъ народомъ сражался противъ военной тираніи и жажды власти, какъ ни одинъ король и ни одна нація до сихъ поръ. Даже среди страданій и потерь слишкомъ большихъ, чтобы ихъ выразить словами,

Бельгія можетъ чувствовать, что плоды ея самопожертвованія превзойдутъ самую ея жертву и настанетъ день, когда весь міръ раздѣлитъ вмѣстѣ съ Бельгіей побѣду.

СЭРЪ ЭДУАРДЪ ПОЙНТЕРЪ.

Не только отъ своего имени, но и отъ имени того общества, гдѣ я состою президентомъ, я не колеблясь могу сказать, что всѣ мои коллеги по Королевской Академіи вмѣстѣ со мной чувствуютъ ужасъ отъ того, какъ съ безобиднымъ населеніемъ Бельгіи обошлись орды прусскихъ варваровъ, которыя опустошили эту прекрасную и мирную страну, опустошили самымъ дикимъ образомъ, прикрываясь выдуманными предлогами, выдуманными той расой, которая оказалась столь выдающейся въ отношеніи лжи и шпіонства.

Но выше нашего ужаса наше восхищеніе блестящей храбростью, съ которой бельгійцы противостояли нашествію безчисленныхъ полчищъ: ибо, благодаря ихъ замѣчательной отвагѣ они, подъ предводительствомъ ихъ героя-Короля, съ успѣхомъ отражали первыя атаки вѣроломной Пруссіи и сдѣлали то, что германскій планъ завоеванія міра до сихъ поръ не можетъ быть выполненъ.

ЛОРДЪ БЭРНГАМЪ.

Настоящее положеніе вещей не имѣетъ прецедентовъ въ нашей исторіи. Благородная и храбрая маленькая нація подвергла опасности самое свое существованіе и навлекла на себя неисчислимыя бѣдствія доблестнымъ сопротивленіемъ нашествію могущественнаго, заносчиваго и безсердечнаго врага. Она сдѣлала это съ такой храбростью и самоотверженіемъ, что вызвала восхищеніе всего міра. Независимость и неприкосновенность Бельгіи необходимы для Британіи. То, что Бельгія сдѣлала и то, что она выстрадала является требованіемъ, обращеннымъ къ британскому народу.

Безъ всякаго справедливаго повода германскія войска заняли и опустошили ея территорію, уничтоживъ тысячи ея сыновей и заставивъ сотни тысячъ бѣжать изъ родной страны.

Безчисленные дома разрушены, семьи разрознены, дѣти лишены родителей. Торговля и промышленность наиболѣе густо населенной и самой трудолюбивой страны континентальной Европы парализованы. Хаосъ и развалины тамъ, гдѣ царилъ миръ и счастье. Такова въ немногихъ чертахъ трагическая судьба,

постигшая храбрую и безобидную націю. Ни съ однимъ народомъ въ наши времена не обращались такъ жестоко.

Величіе самопожертвованія этого храбраго народа не меньше, чѣмъ безумная отвага Короля и его арміи, выказанная ими при сопротивленіи нашествію на ихъ страну, вопіютъ къ небу, также, какъ и отвратительный терроръ и низкія преступленія совершенныя завоевателями и столь несвойственныя войнѣ цивилизованныхъ народовъ.

Никѣмъ ни превзойденная храбрость бельгійцевъ вызвала восхищеніе всего міра, а ихъ великія страданія повергли всѣхъ насъ въ бездну горя.

Пусть эта книга вмѣститъ въ себѣ чувства всего міра и все таки этого будетъ недостаточно, чтобы прославить храбрость и облегчить страданія благороднаго и угнетеннаго бельгійскаго народа.

Но мы не можемъ думать только объ ужасномъ прошломъ, хотя и освѣщенномъ огнемъ патріотизма и доблести. Мы должны смотрѣть въ будущее. Мы должны принести Бельгіи, великой своимъ мученичествомъ, утѣшеніе и искупленіе за то зло, которое на нее обрушилось.

СЭРЪ АДОЛЬФЪ УИЛЬЯМЪ УОРДЪ.

Случилось такъ, что болѣе чѣмъ три четверти вѣка тому назадъ, мой отецъ былъ связанъ узами личной дружбы съ лидерами того движенія, которое привело къ признанію бельгійской независимости и къ гарантіи бельгійскаго нейтралитета европейскими великими державами. Онъ прекрасно помнилъ, какъ вскорѣ послѣ дня восшествія на престолъ знаменитаго дѣдушки короля Альберта, короля Леопольда І-го, который сдѣлалъ такъ много для благоденствія своего народа и для европейскаго міра, король, послѣ данной моему отцу аудіенціи, отпустилъ его со слѣдующими словами: „Вы знаете, мнѣ приходится довольно трудно; но я беру за образецъ Англію и стараюсь итти тѣмъ же конституціоннымъ путемъ, какъ и она". Въ теченіи трехъ поколѣній короли Бельгіи въ этомъ духѣ правили своимъ свободолюбивымъ народомъ, который, однако, не забывалъ уваженія къ авторитету церкви и государства.

Но между бельгійцами и нами есть нѣчто большее, чѣмъ международный договоръ и политическая симпатія. Таковы славныя преданія исторіи, которая на протяженіи многихъ вѣковъ установила между Англіей и Бельгіей болѣе тѣсную связь, чѣмъ между

первой и любой другой страной континентальной Европы. Степень родства британцевъ съ саксами и фризами до сихъ поръ привлекаетъ вниманіе ученыхъ спеціалистовъ, но во всякомъ случаѣ здѣсь идетъ вопросъ только о степени. Въ концѣ среднихъ вѣковъ Фландрія, съ ея обрабатывающей промышленностью, сдѣлалась главной потребительницей англійскаго сырья, что и послужило базисомъ сердечнаго политическаго согласія между вышеупомянутыми странами.

Времена измѣнялись съ упадкомъ торговаго и политическаго значенія ея городовъ; но коммерческія отношенія между Великобританіей и испанскими (австрійскими) Нидерландами продолжались къ выгодѣ обѣихъ странъ и составляли весьма существенный элементъ въ системѣ союзовъ и условіяхъ договоровъ, начиная съ XVI по XVIII вѣкъ.

Слава бельгійскаго искусства и бельгійской литературы — въ особенности трудовъ бельгійскихъ историковъ—поставила эту страну въ ряды лучшихъ государствъ. Но я не могу не упомянуть еще объ исторіи религіи вліяніе которой часто соединяется съ вліяніемъ торговли и политики, но дѣйствуетъ болѣе глубокимъ и таинственнымъ образомъ— и объ исторіи нравственнаго воспитанія, неотдѣлимаго отъ религіи. Въ этомъ отношеніи

Бельгія много поработала, въ особенности въ отношеніи углубленія человѣческаго духа и мысли. Начало христіанской мистической мысли и начала братства, изъ которыхъ Ренессансъ позаимствовалъ свою духовную силу, въ значительной мѣрѣ обязаны вліянію Руисброка, мѣсто рожденія котораго находились недалеко отъ современной столицы Бельгіи. Этотъ представитель такого ученія и мысли былъ профессоромъ самаго перваго и самаго почтеннаго изъ тѣхъ бельгійскихъ университетовъ, о которыхъ мы сейчасъ съ грустью вспоминаемъ и другомъ, Эразма Роттердамскаго. Можетъ казаться празднымъ дѣломъ въ эти дни потоковъ крови и разрушенія говорить о томъ, что было полъ тысячи лѣтъ тому назадъ. Но спокойствіе и глубокую серьезностью бельгійской духовной жизни съ XIV по XVI вѣкъ можно сравнить съ постоянными усиліями сохранить миръ между націями которыя, повидимому, являлись главнымъ содержаніемъ политической жизни конца XIX и начала XX вѣка; и въ этихъ усиліяхъ бельгійскіе публицисты и государственные дѣятели заняли руководящее положеніе.

Во имя долгой исторической связи между нашимъ и ихъ народомъ; во имя глубокаго сочувствія и восхищенія, которое заслужили бельгійцы своими страданіями и своими под-

вигами въ наши мрачные, дни, и во имя мира который они и мы носимъ въ сердцахъ — мы пріютили подданныхъ Родственника и Союзника нашего короля и мы молимъ Бога, чтобы они скорѣе могли вернуться въ свою прекрасную, благородную страну.

ЕПИСКОПЪ ЛОНДОНСКІЙ.

Когда пишеть о Бельгіи труднѣе всего найти такія слова, которыми можно было бы выразить всю ужасную несправедливость того, какъ съ нею обошлись. Бельгія не совершила ничего заслуживающаго столь тяжелыхъ бѣдствій; она сохранила свой нейтралитетъ съ замѣчательной безпристрастностью и нападеніе на нее должно считаться ужаснымъ преступленіемъ исторіи.

Но если нѣтъ словъ, чтобы описать несправедливо постигшее ее бѣдствіе, кто можетъ описать страданія этихъ людей, бездомныхъ, обездоленныхъ и боящихся за свою жизнь? Мы страдаемъ вмѣстѣ съ ними. Но къ жалости примѣшивается наше глубокое восхищеніе ихъ подвигами. Предводимые своимъ замѣчательнымъ Королемъ, они дали примѣръ высшей храбрости и рѣшительной доблести которая облагородила весь міръ. Они показали, чта душа народа можетъ остаться непо-

бѣжденной, даже когда вся его территорія опустошена, всѣ его города и деревни сожжены. Всякій, кто любитъ справедливость, долженъ молить Господа Бога, чтобы зло, сдѣланное Бельгіи было отомщено, а ея храбрость—вознаграждена.

СЭРЪ ГЕРБЕРТЪ ТРИ.

УЛЬТИМАТУМЪ ИЛИ КАЖДЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ ИМѢЕТЪ СВОЮ ЦѢНУ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Правитель большой страны; мозольный операторъ; принцы, великіе герцоги, государственные министры, пасторъ, профессоръ и доносчики.

(Сцена представляетъ собой мраморную ванную комнату во дворцѣ Правителя).

(При поднятіи занавѣса Правитель большой страны сидитъ въ халатѣ; мозольный операторъ дѣлаетъ то, что ему полагается).

Мозольный операторъ. Какіе замѣчательные мозоли у Вашего Величества.

Правитель. Да, онѣ наслѣдственные—всѣ мои предки были извѣстны своими мозолями.

Мозольный операторъ. Я слышалъ Ваше Величество, что въ XVII вѣкѣ многіе изъ придворныхъ нарочно носили узкіе ботинки, чтобы культивировать королевскій недостатокъ. (Поправляясь) прерогативу.

Правитель. Я думаю. Осторожнѣе, не дѣлайте мнѣ больно. (Мозольный операторъ беретъ съ подноса бутылочку съ надписью „ядъ“, льетъ нѣсколько капель на щетку, прикладываетъ къ королевской ногѣ и снова принимается за педикюръ). Вы можете продолжать разговаривать со мной.

Мозольный операторъ (послѣ паузы, подыскивая тему для разговора). Погода, Ваше Величество, весьма достойна сожалѣнія.

Правитель (съ чисто божественнымъ видомъ). Да, мы очень огорчены погодой.

Мозольный операторъ. А вѣдь крестьяне молили Бога послать ясную погоду по случаю дня ангела Вашего Величества.

Правитель. Молитвы крестьянъ не всегда бываютъ услышаны. Сегодня пятница, не такъ ли? Я вѣрю въ примѣту, что по пятницамъ приходятъ дурныя вѣсти. Сегодня вечеромъ ультиматумъ (поникнувъ головой). О, эта война! Каковы чувства народа? Вы можете говорить мнѣ правду.

Мозольный операторъ. Ваше Величество очень милостивы. Народъ, Ваше Величество, не хочетъ войны.

Правитель. А военный министръ увѣряетъ, что хочетъ.

Мозольный операторъ. Народъ, Ваше Величество, будетъ смотрѣть на рѣшеніе

своего короля, какъ на волю Бога. (Склоняется надъ королевской ногой).

Правитель. Ты умный малый. Ты можешь далеко пойти.

Мозольный операторъ (моментально преисполнившись чувствъ). Мой горбъ мѣшалъ мнѣ, Ваше Величество.

Правитель. Но вѣдь есть поговорка моего великаго предка: счастливъ тотъ, кто имѣетъ подлѣ себя горбуна.

Мозольный операторъ. Да, Ваше Величество, народная поговорка тоже говоритъ: „Горбъ несчастье для того, кто его имѣетъ, но наполняетъ чувствомъ удовлетворенія людей съ прямой спиной".

Правитель. Каждому свое.

Мозольный операторъ. Да, Ваше Величество, моя мать всегда была убѣждена, что передъ смертью на мою долю выпадутъ почести.

Правитель. Что жъ, не удивляюсь. Между прочимъ, я бы хотѣлъ, чтобы ты сегодня остался около меня. Твой горбъ можетъ принести мнѣ счастье. Я долженъ буду принять немедленно рѣшеніе. Теперь слушай меня: я тебѣ вѣрю—ты воспользовался моимъ разрѣшеніемъ быть искреннимъ. Всѣмъ моимъ слугамъ я не вѣрю. Ты бы хотѣлъ выпить вина? (Мозольный операторъ издаетъ звукъ,

означающій согласіе). Великіе герцоги и мои министры должны сегодня обѣдать за моимъ столомъ. Будь сегодня со мной мой маленькій горбунъ. (Мозольный операторъ цѣлуетъ королевскіе пальцы съ глубокой признательностью. Правитель большого государства уходитъ въ свою гардеробную. Мозольный операторъ поднимается).

Мозольный операторъ. Наступилъ, наконецъ, день, ихъ день, мой день! Богъ моихъ отцовъ, не дай мнѣ сойти съ ума. Мать, ты говорила мнѣ, что это наступитъ! Я могу утолить свой голодъ — я могу почти выпрямить свою спину отъ гордости. (Онъ склоняется передъ образомъ Богоматери). Помоги мнѣ, Господи. Передо мной открываются двѣ дороги. Какую мнѣ выбрать? Я учился льстить — это моя профессія — я отважился рискнуть и я достигъ цѣли. Мое честолюбіе, мое маленькое честолюбіе, можетъ быть удовлетворено. Я обманулъ весь міръ—я въ его дворцѣ. Передо мной лежитъ открытая дорога, дорога, по которой человѣчество съ трудомъ волочитъ ноги — дорога, на которую вступили мои отецъ и моя мать, пока я еще былъ ребенкомъ. Это была революція — мою мать вырвали изъ рукъ моего отца, на его глазахъ она была обезчещена солдатами, потомъ они застрѣлили его, какъ анархиста. У

меня появился горбъ — солдатъ ударилъ меня ружьемъ. Во время нашего изгнанія, моя мать каждую ночь гладила мнѣ спину и молила Бога, чтобы онъ сдѣлалъ меня стройнымъ. Она готова была умереть съ голоду, лишь бы окропить мой горбъ святой водой. И вотъ я здѣсь таковъ, какъ я есть. Мой часъ наступилъ. Буду ли я пользоваться комфортомъ, удобствами, счастьемъ? Я, отецъ котораго погибъ, провозглашая свободу. Я могу предупредить эту войну. Я вижу, что она приближается, я не такъ слѣпъ, какъ тѣ, которые создаютъ эту войну, войну во имя тщеславія короля, который видитъ въ себѣ Бога; войну изъ-за желанія наживы. Сотни, тысячи, милліоны жизней будутъ принесены въ жертву, чтобы удовлетворить алчность пяти человѣкъ! Могутъ ли пятьсотъ лѣтъ счастья возмѣстить одинъ годъ позорной забавы монарха. Я слышу крики несчастныхъ, обманутыхъ людей въ траншеяхъ—они называютъ этой славой. Я вижу ихъ тѣла, разбросанныя и скрюченныя въ замерзшей грязи—они называютъ это славой. Я чувствую зловоніе разлагающихся труповъ, поднимающееся весной отъ земли—они называютъ это славой. Я читаю воззванія ихъ наемныхъ профессоровъ, слышу Христовыхъ священниковъ, призывающихъ благословеніе на ихъ

головы—они называютъ это славой. Стоны милліоновъ матерей доходятъ до Господа и не замѣчаются человѣкомъ. Мнѣ чудятся разрушенные храмы, опустошенные дома, тѣни умершихъ отъ голода людей. Я вижу все это—а они называютъ это славой! И моя слабая рука можетъ не допустить всего этого. (Достаетъ изъ ящика маленькую бутылочку съ этикеткою „ядъ“). Вотъ мой союзникъ—нѣсколько капель этой жидкости въ его бокалъ и все будетъ кончено. Какъ сладка месть! Я буду навсегда благодѣтелемъ человѣчества. Въ концѣ концовъ онъ такой же человѣкъ, какъ и я. Тотъ, кто срѣзаетъ мозоли у монарха, знаетъ, что всѣ люди равны. Да—убійство. Убить одного человѣка—значитъ быть убійцей, убить десятки тысячъ—значитъ быть героемъ. Удивительная вещь человѣческая логика! Какъ же назвать того, кто убьетъ одного, чтобы спасти милліоны другихъ. (Онъ забираетъ свои инструменты и уходитъ).

Декорація мѣняется и сцена представляетъ маленькую столовую во внутреннихъ аппартаментахъ великаго Правителя. Вокругъ стола сидятъ принцы, кабинетъ — министры, профессоръ и пасторъ. Конецъ обѣда. Всѣ слегка навеселѣ. Правитель, размякшій отъ выпитаго вина, смотритъ на все мутными глазами. Передъ нимъ лежатъ бумаги и стоитъ чернильница, въ

которую онъ нерѣшительно обмакиваетъ перо. Часы бьютъ двѣнадцать.

Военный министръ. Въ двѣнадцать долженъ быть данъ отвѣтъ.

Первый принцъ. Октавіанъ, подпиши.

(Правитель колеблется и беретъ бокалъ изъ рукъ теперь уже сіяющаго золотомъ мозольнаго оператора).

Премьеръ-министръ. Ваше Величество, пора подписывать.

Правитель. Я размышляю.

Премьеръ-министръ. Король никогда не долженъ думать, Ваше Величество, когда онъ сознаетъ свою силу. Уже прошло двѣ минуты послѣ даннаго срока. Вы двумя минутами менѣе могущественны, чѣмъ вы были въ полночь.

Военный министръ. Сила есть право.

Правитель. Всегда ли? (Обращаясь къ пастору). Отецъ, вы часто говорили мнѣ, что настоящее божественное право королей охранять миръ. Вспомните, что вы говорили въ вашей проповѣди во время конференціи мира? Если бы священный глава государства заявилъ всему свѣту, какъ руководитель мира, если бы онъ объявилъ лично, если бы онъ провозгласилъ, что высочайшая прерогатива королей это ихъ божеское право охранять общій миръ, если бы благодаря своему вели-

чію, онъ провелъ бы этотъ идеалъ въ жизнь онъ остался бы жигь въ памяти грядущихъ поколѣній не только, какъ король своей страны, не только какъ императоръ всей нашей планеты, но какъ вѣчный спаситель человѣчества. Таковы были ваши слова, отецъ?

Пасторъ. Да, Ваше Величество, но мы теперь говоримъ о войнѣ. Нужды вашего народа освящаютъ принесеніе въ жертву вашихъ идеаловъ.

Правитель. Мнѣ странно, съ какой точки зрѣнія можно оправдать короля, жертвующаго своими идеалами во имя своей страны. (Беретъ новый бокалъ).

Пасторъ. Его сознаніе должно ему подсказать это.

Профессоръ. Идеалы являются только оффиціальными идеалами, когда они имѣютъ конкретное основаніе. Идеалы должны быть отодвинуты назадъ пушками. Съ вашего позволенія, Ваше Величество, человѣкъ только животное. Мы всѣ готовы уничтожить другъ друга, если хватитъ силъ. Наши противники погрузились съ головой въ то, что они называютъ человѣколюбіемъ. Новая религія такъ называемыхъ мыслителей и людей чувства грозитъ сдѣлаться силой, которая можетъ такъ испортить массы, что рабочіе всего міра уничтожать нашу собственную культуру

интеллектуальнаго матеріализма общей забастовкой противъ войны. Это новое движеніе, которому воспѣваютъ хвалу поэты и пророки, должно быть задавлено раньше, чѣмъ оно сдѣлается угрозой для нашего фатерланда. Уже люди поютъ гимны новой религіи гуманности, правда еще тайно. Соціализмъ господствуетъ въ нашей странѣ. Теперь наступилъ моментъ уничтожить его на сотни лѣтъ и такимъ образомъ спасти древнюю династію, главой которой Богъ выбралъ Ваше Величество, и обезпечить міровое господство нашей расы.

(Слышны громкіе крики тысячъ голосовъ. Иногда слышатся гнѣвные выкрики. Шумъ слышенъ все ближе и ближе. Внизу раздается бряцаніе приближающейся кавалеріи).

Правитель. Они привѣтствуютъ меня?

Министры и принцы (окружая правителя). Они привѣтствуютъ войну. Они привѣтствуютъ наслѣднаго принца—онъ машетъ имъ рукой.

Правитель. Неблагодарные—развѣ уменьшилась моя популярность?

Премьеръ-Министръ (съ часами въ рукахъ). Вы уже двѣнадцать минутъ пятнадцать секундъ менѣе популярны, чѣмъ были въ полночь, Ваше Величество.

Правитель (вертя перо въ рукахъ). Таковъ голосъ народа.

Пасторъ. Vox populi, vox Dei.

Военный министръ. Это голосъ арміи. (Великіе герцоги, министры, пасторъ и профессоръ окружаютъ правителя, то льстиво уговаривая, то угрожая. Солдаты поютъ національный гимнъ, къ которому присоединяются сотни голосовъ. Правитель берется снова за перо. Сильно нервничая, онъ подзываетъ мозольнаго оператора, который наливаетъ ему бокалъ).

Мозольный операторъ. Насталъ мой часъ. (Вынимаетъ изъ кармана маленькую бутылочку съ надписью „ядъ“ и уже готовъ влить нѣсколько капель въ бокалъ, когда къ нему приближается Великій Герцогъ съ чѣмъ то блестящимъ въ рукахъ).

Великій герцогъ (обращаясь къ мозольному оператору). Въ награду за ваши цѣнныя услуги, Его величество поручилъ мнѣ вручить вамъ орденъ золотого тельца второй степени. (Прикалываетъ орденъ ему на грудь).

Мозольный операторъ (ошеломленный, механически, какъ бы во снѣ сжимаетъ бутылочку въ рукахъ, потомъ вздрагиваетъ и говоритъ задыхаясь), О, мать моя!

Правитель. Итакъ, война.

Мозольный операторъ. Ну, пусть такъ! (Бросаетъ ядъ на полъ. Правитель

большой страны подписываетъ ультиматумъ. Мозольный операторъ пожимаеть своими горбатыми плечами).

(Занавѣсъ падаетъ).

И. К. КРИСТЕНСЕНЪ.

Судьба Бельгіи пробудила въ моей націи величайшее сочувствіе. Если бельгійскій король и его народъ не будутъ вознаграждены за всѣ свои страданія, то это значитъ, что нѣтъ на землѣ справедливости и что всѣ разговоры о европейской культурѣ должны прекратиться. Наши чувства къ Бельгіи тѣмъ сильнѣе, что мы сами являемся тоже маленькой націей, которая должна разсчитывать только на справедливость и великодушіе другихъ.

СИДЪ АМИРЪ АЛИ.

Я хочу выразить мое глубочайшее сочувствіе бельгійской націи, переносящей незаслуженныя страданія. Я не могу остаться равнодушнымъ при мысли, что Бельгія, которая никогда никому не дѣлала зла и стояла только на стражѣ своихъ правъ, была жестоко попрана могущественной націей, въ которой она должна была бы обращаться за покровительствомъ и помощью. Напрасно искать оправданія жестокостямъ, совершеннымъ солда-

тами Германіи, которая объявила себя стоящей во главѣ цивилизованнаго міра. Страна опустошена. Древніе храмы науки разрушены. Народъ изгналъ изъ своей родной земли и принужденъ искать убѣжища въ другихъ странахъ. Все это заставляетъ сжиматься наше сердце отъ горя и боли.

То, что я испытываю къ Бельгіи, испытываетъ весь міръ—мусульмане не меньше, чѣмъ христіане.

АРТУРЪ БЕНСОНЪ.

Прежде всего мы должны признать нашъ огромный долгъ Бельгіи за ея непоколебимую вѣрность и высшій героизмъ ея арміи. Никогда еще маленькая мирная нація не поступала при такихъ обстоятельствахъ болѣе благородно. Мы должны облегчить страданія Бельгіи всѣми способами, какіе находятся въ нашемъ распоряженіи; мы должны пріютить, накормить и устроить ея бѣженцевъ; мы должны также твердо рѣшить, когда придетъ время, пожертвовать всѣмъ, чтобы должнымъ образомъ вознаградить бельгійцевъ за ихъ удивительную силу духа и за ихъ благородную жертву; теперь мы не можемъ облегчить ихъ горя или прекратить ихъ страданія, но мы должны сдѣлать все, что велитъ намъ долгъ

человѣколюбія, чтобы отплатить за зло, причиненное имъ и доказать нашу благодарность за вѣрность, которую они сохраняли до самой своей смерти. Да благословитъ и да наградитъ Богъ Бельгію.

ГЕРТУРДА АТТЕРТОНЪ.

У насъ, въ Америкѣ, эта ужасная война вызвала столько разнообразныхъ эмоцій, что было бы довольно затруднительно опредѣлить преобладающее общественное мнѣніе страны, если бы Германія не нарушила нейтралитетъ Бельгіи. Но разъ это было сдѣлано, я думаю, я могу смѣло говорить за моихъ соотечественниковъ и утверждать, что ничто не привело насъ въ такой ужасъ и не вызвало такого негодованія и въ то же время сочувствія, какъ жестокая судьба, постигшая эту маленькую доблестную страну. Ни одинъ изъ эпизодовъ войны, извѣстныхъ намъ, не породилъ такого восхищенія и такого глубокаго уваженія. Мы, единственная страна, которая, благодаря географическому положенію, могла разсматривать со всѣхъ сторонъ европейскій конфликтъ съ самаго его начала; а всевозможная пропаганда не производила на насъ никакого впечатлѣнія. Мы имѣли возможность

вывести наши собственныя заключенія и мы твердо надѣемся, что мы останемся безпристрастными до конца. Мы знаемъ, между прочимъ, что замѣчательная защита Льежа разрушила всѣ тщательно обдуманные планы германскаго военнаго министерства и что, если бы Бельгія оказалась слабѣе, или менѣе благородна, теченіе войны, можетъ быть, было бы совершенно инымъ.

Я смѣло могу сказать, что въ каждомъ городѣ Соединенныхъ Штатовъ, большомъ или маленькомъ, есть свое общество оказанія помощи бельгійцамъ: и что самый закоренѣлый демократъ нашей страны почтительно обнажаетъ голову передъ королемъ Бельгіи Альбертомъ. Американцы всегда готовы признать *человѣка* и относятся совершенно безразлично къ титулу, данному ему рожденіемъ. Все дѣло въ томъ, какъ онъ пользуется своимъ титуломъ. Если бы результатомъ этой страшной войны явилась всеевропейская республика, я говорю, конечно, о континентѣ, я увѣрена, что американцы, будь они допущены къ голосованію, выбрали бы президентомъ Короля Альберта.

BERCEUSE HEROIQUE.

Музыка Клодъ Дебюсси.

Modéré (sans lenteur) ♩ = 72.

Grave et soutenu.

pp

p

pp

retenu.

pp

au mouvement. ♩ = 80.

sempre pp

simile

p expressif

piu p

un peu en dehors

en écho

pp

pp

en animant et en augmentant peu à peu

p

animez toujours

f

m.g. *m.d.*

ff

Plus calme.

p légèrement

Revenir progressivement au mouvement.

p

mf

p

m.g.

au mouvement. ♩ = 80.

p

pp

sf sec. *sf sec.*

p

più p

expressif.

En retenant jusqu'à la fin.

lointain

pp

m.g.

plus lointain.

più pp

m.g.

ppp

K**

РОБЕРТЪ ХИЧЕНСЪ. КОНЕЦЪ МАЛЕНЬКОЙ БЕЛЬГІИ.

Когда началась война и германская армія появилась передъ укрѣпленіями Льежа, весь міръ подумалъ: „Это будетъ концомъ маленькой Бельгіи“. Всѣ сердца были исполнены грустью, но къ ней присоединилась увѣренность въ полномъ безсиліи маленькой націи, вставшей поперекъ дороги огромнымъ силамъ Германіи.

Я слышалъ, какъ на одной изъ лондонскихъ улицъ два человѣка разсуждали объ открытіи военныхъ дѣйствій и трагическомъ положеніи бельгійцевъ. Одинъ изъ нихъ, пожимая плечами, сказалъ: „Что они могутъ сдѣлать?“ Другой отвѣтилъ: „они могутъ бороться за правое дѣло и они, кажется, намѣреваются это сдѣлать“.

Маленькая нація приняла рѣшеніе: орудія Льежа открыли огонь. „Мученичество Бельгіи“, какъ говорили, началось. Мужчины, женщины и даже дѣти предавались смерти. Деревни и города были разрушены. Тысячи были ранены, десятки тысячъ сдѣланы бездомными.

И люди говорили: „Несчастная Бельгія“.

Гдѣ не раздавались такія восклицанія? Даже въ Германіи можно было ихъ слышать

изъ устъ нѣкоторыхъ германцевъ и отъ времени до времени правительство Германіи посылало правительству Бельгіи предложеніе о мирѣ. „Неужели вы еще не достаточно защитили право“? И отвѣтъ былъ: „Нѣтъ“. И еще больше убивалось людей, еще больше сжигалось деревень, еще больше семей дѣлалось бездомными, голодающими и обреченными на ужасныя страданія.

Но уже никто не говорилъ больше: „Несчастная Бельгія“.

Удивительная вещь, чѣмъ трагичнѣе становилась судьба Бельгіи, тѣмъ меньше высказалась къ ней жалости. „Удивительная Бельгія“, говорили мы. Дни проходили за днями, и шумъ битвы подвигался все ближе и ближе къ нашимъ берегамъ. А бельгійцы все еще упорно защищали свое право. Антверпенъ палъ.

Бельгійская армія избѣжала плѣна и отступила, все, что отъ нея осталось, ушло во Францію, а англійскія газеты возвѣстили, что она нѣкоторое время будетъ отдыхать и собираться съ силами послѣ ужасныхъ испытаній и боевъ.

Спустя нѣсколько часовъ міръ узналъ, что бельгійцы снова атакуютъ германскую армію съ отчаяннымъ упорствомъ и оказываютъ незамѣнимую помощь союзникамъ.

Ихъ король былъ съ ними, ихъ королева была недалеко.

Съ тѣхъ поръ мы стали говорить: „Великая Бельгія“.

Крестный путь оконченъ. Достигнуты вершины.

Какъ же мы можемъ жалѣть Бельгію?

Я ходилъ среди толпы бѣженцевъ въ Фолькстонѣ; я сидѣлъ среди раненыхъ бельгійскихъ солдатъ; я разговаривалъ со стариками и съ юношами, съ мирными гражданами и съ военными и я вывелъ заключеніе, что преобладающимъ ихъ чувствомъ было во всякомъ случаѣ не чувство отчаянія. Я видѣлъ страданія тѣла: но гораздо болѣе глубокое и ужасное страданіе души встрѣчалось такъ рѣдко, что нельзя было сказать: „Эта нація отчаивается. Это погибшая нація“.

Ясно было видно, что въ теченіе всей ея трагедіи, Бельгію поддерживало сознаніе, что „маленькой Бельгіи“ уже нѣтъ. Когда съ фортовъ Льежа прогремѣлъ первый выстрѣлъ, маленькая нація умерла и родилась великая нація.

МИССЪ БРАДДОНЪ.

Что я могу сказать о королѣ Альбертѣ? Что я могу думать о немъ, кромѣ того, что всѣ мы высказываемъ въ эти ужасные часы кромѣ того, что находится у насъ въ самыхъ глубокихъ тайникахъ души, слишкомъ глубокихъ для слезъ? Съ кѣмъ я могу сравнить его?

Ему нѣтъ равнаго въ исторіи народовъ, нѣтъ равнаго въ сказаніяхъ и легендахъ. Онъ одиноко стоитъ на самой ужасной страницѣ міровой исторіи и будетъ стоять тамъ до послѣдняго часа суднаго дня, величественный и обожаемый, съ нимбомъ мученика и святого вокругъ головы.

УИЛЬЯМЪ ДИНЪ ГАУЭЛЬСЪ.

Предлагаемая дань есть только часть долга почтенія и уваженія всего міра передъ самымъ благороднымъ, героическимъ народомъ и монархомъ, который оказался достойнымъ своего народа. Трагедія ихъ великой маленькой страны не имѣетъ сравненія въ исторіи прошлаго, а въ будущемъ, когда, какъ мы всѣ надѣемся, милитаризмъ Германіи будетъ сломленъ, я увѣренъ, что сами германцы ужаснутся тѣхъ опустошеній которыя они произвели среди домовъ и храмовъ Бельгіи.

СЭРЪ РАЙДЕРЪ ХАГГАРДЪ.

Разгромъ Бельгіи является, пожалуй, самымъ ужаснымъ міровымъ преступленіемъ со временъ расправы герцога Альбы съ Нидерландами. Вслѣдъ за ней послѣдовалъ упадокъ Испаніи въ то время, какъ Голландія была возстановлена и сдѣлалась великой и свободной. Можетъ быть вѣчные законы справедливости и на этотъ разъ накажутъ гордость Германіи и дадутъ побѣду ея жертвѣ.

УИЛЬЯМЪ ДЕ-МОРГАНЪ. ПОСѢЩЕНІЕ ЛУВЕНА.

Пятьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ!

Мнѣ уже было двадцать пять лѣтъ, а я еще ни разу не выѣзжалъ изъ Англіи.

Я рѣшилъ поѣхать совершенно не ожиданно. Въ тѣ дни „Баронъ Ози" отходилъ отъ Лондонскаго моста въ Антверпенъ. Антверпенъ былъ на Континентѣ—и я рѣшительно вступилъ на палубу „Барона Ози". Я помню, что я почти всю ночь не смыкая глазъ лежалъ на открытой палубѣ парохода, смотря на небо. Дѣло было въ августѣ и падучія звѣзды проносились каждую минуту.

Заснулъ я только передъ самымъ разсвѣтомъ а когда проснулся, то увидѣлъ, что пароходъ

уже вошелъ въ устье Шельды и разрѣзалъ ея быстрыя волны. Вотъ и Антверпенъ. Въ гавани я зашелъ въ трактиръ. Его содержатель былъ англичаниномъ. Онъ былъ весьма низкаго мнѣнія о Континентѣ, хотя накормилъ меня очень вкусно.

На слѣдующій день я отправился путешествовать по Фландріи. Я не могу сейчасъ вспомнить названіе перваго города, въ который я попалъ, но я помню, что былъ въ Гентѣ, Брюггѣ, Ауденардѣ, Малинѣ, Лувенѣ и Ипрѣ. Самыя яркія воспоминанія у меня сохранились о Брюгге, Ауденардѣ и Лувенѣ.

Въ особенности о послѣднемъ; такъ какъ отель въ которомъ я остановился, находился поблизости отъ старой городской башни и ея куранты въ теченіе всей ночи отбивали часы и четверти. Въ теченіе каждаго часа они наигрывали слѣдующій мотивъ:

„Voici le sabre, le sabre, le sabre,
Voici le sabre, le sabre de mon pére,“

распредѣляя его по четвертямъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы одна сабля приходилась на первую четверть, двѣ сабли на половину, а вся строка на три четверти.

Ночь была жаркой и я не закрывалъ оконъ, поэтому мнѣ не удалось какъ слѣдуетъ выспаться.

На слѣдующій день я завелъ бесѣду съ моей очаровательной хозяйкой относительно этихъ часовъ. У меня была возможность показать ей мои познанія во французскомъ языкѣ.

— Я не могъ спать изъ-за звона часовъ. Они звонятъ такъ, что могутъ разбудить мертвыхъ.

— Пожалуйста, повторите мнѣ еще разъ. Я не поняла васъ. Вы говорите, что васъ разбудили часы? Не правда ли?

Я почувствовалъ, что мои познанія во французскомъ языкѣ изсякли и только отвѣтилъ.

— Да.

Мари (ея звали Мари) обернулась къ маленькой чистенькой старушкѣ, похожей на портреты Ванъ Эйка, и сказала:

— Э, бабушка, послушайте-ка! Мсье не могъ спать. Его будили все время наши часы"—на что старушка громко отвѣтила:

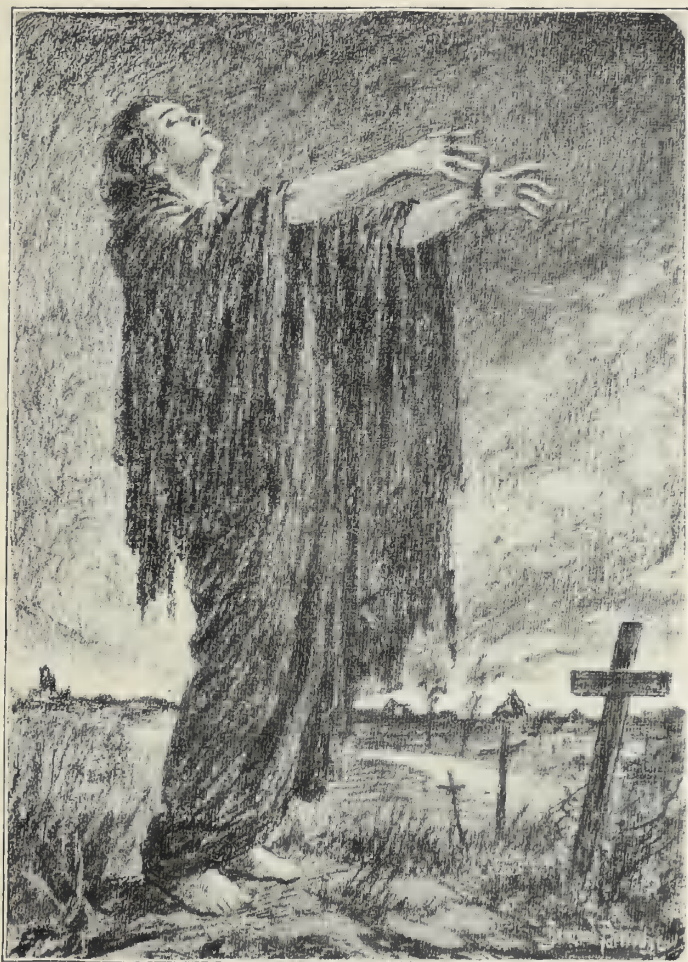
„Ахъ, Боже мой!"

Я попытался еще поговорить по французски:

„Я не скоро смогу привыкнуть"... и замолкъ.

Но Мари вывела меня изъ затруднительнаго положенія.

— „Привыкнуть къ часамъ? Да, въ самомъ дѣлѣ. Но мы, здѣшніе, слышимъ ихъ звонъ съ рожденія и до самой смерти. Я родилась

Бернардъ Партридже.

Бельгія 1914 г

въ этомъ домѣ; бабушка тоже. Мы не могли бы спать, ни она, ни я, если-бы не было этихъ часовъ".

По крайней мѣрѣ я такъ понялъ ее, а это было пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Мари было бы уже семьдесятъ лѣтъ, если бы... однимъ словомъ, если бы „германская культура" пощадила ее. Но ни она, ни другой житель Лувена никогда уже не будутъ спать подъ музыку этихъ часовъ и никогда ни одинъ ихъ постоялецъ не будетъ бодрствовать всю ночь по той же причинѣ. Ибо старая гостиница, какъ я узналъ, обращена въ груду развалинъ и пѣсенка старыхъ часовъ окончилась навсегда.

ПРОФЕССОРЪ АШЛИ.

До этого ужаснаго года города Бельгіи много сдѣлали для человѣчества. Только человѣкъ съ тупымъ воображеніемъ могъ безъ всякаго волненія пересѣчь площадь отъ статуи Ванъ Артевельде, героя ремесленниковъ Среднихъ вѣковъ, до дома Воруйта, благороднаго защитника современнаго рабочаго класса. Ни одинъ человѣкъ, знающій, что сдѣлалъ Ипръ въ эпоху возрожденія для улучшенія участи бѣдныхъ классовъ, не можетъ смотрѣть безъ глубокаго почтенія на памятныя фрески его ратуши.

Съ такими мыслями — усиленными чтеніемъ Кветелета, организатора и вдохновителя соціальной статистики—я отправился въ Бельгію за недѣлю до начала войны. Я взялъ съ собой томъ Пирена, такого знатока исторій, которымъ могла бы гордиться каждая страна, и въ дорогѣ читалъ, какъ объединялась Бельгія при царствованіи Бургундской династіи и какъ, сквозь тяжелыя испытанія вѣковъ, формировался духъ націи. Я сомнѣвался, было ли это такъ на самомъ дѣлѣ и могла ли Бельгія, если бы представился случай, доказать свою любовь къ независимости, какъ вдругъ была объявлена мобилизація. Я со стыдомъ сознаюсь, что я сначала не отнесся къ этому серьезно. Я зналъ, что военная партія Германіи уже давно говорила о томъ, чтобы двинуться на Францію черезъ Бельгію; но я былъ твердо увѣренъ, что Германское правительство съумѣетъ заставить замолчать эту партію. Я думалъ, что Германія не будетъ настолько недальновидной, чтобы нарушить бельгійскій нейтралитетъ, навлекая на себя осужденіе всего міра. Однако, я былъ слѣпъ. Маленькая страна во время начала вооружаться противъ гиганта. Съ трагической быстротой разыгрались событія, доказавшія, что Пиренъ былъ правъ: изъ различныхъ расъ, романской и тевтонской, совмѣстивъ

въ себѣ лучшія черты той и другой, создалась сильная и своеобразная нація, желающая быть хозяиномъ въ своемъ собственномъ домѣ и готовая пожертвовать всѣмъ, чтобы остаться сама собой.

СЭРЪ БЕРНАНДЪ.

Я очень радъ, что мнѣ представляется возможность выразить мое сердечное сочувствіе королю Альберту, его храбрымъ солдатамъ и его отважному народу, въ ваше время великихъ испытаній.

АДМИРАЛЪ СЭРЪ ДЖОНЪ ДЖЕЛИКО. ОТЪ ИМЕНИ БРИТАНСКАГО ФЛОТА.

Айронъ Дюкъ.

Октября 29 дня 1914 г

Я радъ, что могу передать отъ имени британскаго флота слѣдующее: такъ же какъ Бельгія доказала свой героизмъ на дѣлѣ, хотя ея страданія не поддаются никакимъ описаніямъ, такъ же и британскій флотъ надѣется показать свое сочувствіе на дѣлѣ, зная, что молчаніе всегда способствуетъ выполненію замысловъ.

ДЖЕКЪ ЛОНДОНЪ.

Бельгія — единственная, Бельгія—несравнима. Среди людей изрѣдка появляются великій человѣкъ, человѣкъ міровогозначенія; среди націи иногда появляются великія націи, націи мірового значенія. Такой націей является сейчасъ Бельгія. Этого положенія Бельгіи достигла въ одинъ день изумительнымъ, великолѣпнымъ, героическимъ подвигомъ. До тѣхъ поръ, пока будетъ существовать міръ, Бельгія будетъ жить въ памяти людей. Все человѣчество благодарно и будетъ благодарно Бельгіи, какъ ни одной націи на протяженіи исторіи. Этотъ долгъ признаютъ священнымъ всѣ народы.

АЛЬФРЕДЪ СУТРО.

Я перевелъ много книгъ Метерлинка-- вмѣстѣ съ нимъ я бродилъ вдоль каналовъ Брюгге и по цвѣтущимъ садомъ Гента. Я видѣлъ мѣста, гдѣ онъ мечталъ о Пелеасѣ и Мелизандѣ и пчелиные ульи, которые онъ такъ любилъ. Благодаря ему научился знать Бельгію я,—я теперь ее знаетъ весь міръ. Ея города опустошены и разрушены, ея народъ разсѣянъ—но придетъ время, онъ возвратиться и отстроитъ вновь свои города, а врагъ будетъ повергнутъ въ прахъ. Придетъ день,

когда война будетъ казаться отдаленнымъ событіемъ, событіемъ далекаго, забытаго прошлаго, но никогда, пока существуетъ человѣческій родъ и пока чтутъ героизмъ, не будетъ забыто то, что сдѣлала Бельгія во имя своей свободы и во имя своего короля Альберта.

СЭРЪ ДЖОРДЖЪ РИДЪ.

Парламентъ и правительство Австраліи, представляющіе чувства и желанія всего народа, дали блестящее доказательство ихъ невыразимаго восхищенія и сочувствія народу Бельгія, ассигнававъ два съ половиной милліона франковъ для помощи и облегченія страданій этого героическаго народа. Слѣдующая резолюція была принята австралійскимъ сенатомъ и палатой представителей:

По мнѣнію палатъ сумма въ сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ должна быть ассигнована для помощи Бельгіи въ качествѣ нашего признанія героическихъ услугъ гражданъ этой страны всему человѣчеству, оказанныхъ тѣмъ, что защищали свое національное право на мирную жизнь въ ихъ собственной странѣ. И эту резолюцію Его Превосходительству Генералъ-Губернатору представляется отправить къ министру колоній.

Сэръ Андрю Фишеръ, премьеръ-министръ, далъ мнѣ высокое порученіе вручить эту сумму императорскому правительству, что я и сдѣлалъ получивъ въ отвѣтъ слѣдующее посланіе, написанное мнѣ главой императорскаго правительства:

Дорогой сэръ Джорджъ. Я принимаю съ благодарностью чекъ на сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ, который вы были столь любезны вручить мнѣ. Я считаю за высокую честь быть посредникомъ въ передачѣ его нашимъ храбрымъ бельгійскимъ союзникамъ, дабы облегчить тѣ бѣдствія, которыя принесла ихъ народу война. Это пожертвованіе достаточно выражаетъ чувства Австраліи.

Г. Г. Асквитъ.

Я никогда не исполнялъ болѣе пріятной обязанности. Бельгійцы могутъ перестать быть нашими союзниками и возвратить себѣ снова свой нейтралитетъ, но они всегда останутся въ нашей памяти и мы всегда будемъ смотрѣть на нихъ, какъ на близкій намъ народъ, полныя права и національное существованіе, котораго вся британская имперія будетъ защищать.

ГУЛЬЕЛЬМО МАРКОНИ.

Когда передъ нашими умственными очами встаетъ въ блистающемъ свѣтѣ безпримѣрный героизмъ, терпѣніе и доблесть бельгійцевъ и ихъ короля, тускнѣютъ ужасы и горе войны. Матеріальныя потери и бѣдствія, перенесенныя этимъ маленькимъ народомъ, пожалуй никогда не смогутъ быть вознаграждены, но мы можемъ вмѣстѣ съ Лонгфелло сказать о бельгійцахъ:

„Благородныя души только закаляются
Благодаря страданіямъ и мученіямъ".

М. Г. СПИЛЬМЭНЪ.

Доблестный народъ, который въ своемъ прошломъ оставался неизмѣннымъ, несмотря на испанское, австрійское и наполеоновское владычество, оставался вѣрнымъ завѣтамъ своей исторіи, и на этотъ разъ съ честью выйдетъ изъ тяжелыхъ испытаній. Его искусство, выражающее его идеалы и обнаруживающее его духъ, всегда оставалось самостоятельнымъ и не подчинялось чужому господству.

Героическій предводитель Бельгіи воплощаетъ въ себѣ ея духъ.

Вполнѣ естественно поэтому, что восхваляемый всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, бо-

творимый своимъ удивительнымъ народомъ и освѣщенный блескомъ своего героизма, онъ будетъ служить вѣчной темой для искусства и литературы своей страны.

ПАДЕРЕВСКІЙ.

Нѣтъ въ мірѣ страны, въ которой трагедія Бельгіи вызвала столько горя и негодованія, какъ въ Польшѣ. Нигдѣ изумительный героизмъ бельгійцевъ и ихъ доблестнаго Короля не вызвалъ болѣе глубокаго восхищенія и преклоненія. И однако, еще не было дано явнаго доказательства этихъ чувствъ; не слышно было голоса Польши. Ужасная буря, пронесшаяся надъ Бельгіей, свирѣпствуетъ и въ нашей странѣ. И гдѣ она пройдетъ, тамъ не останется ничего — ничего, кромѣ глазъ, чтобы плакать. Нѣтъ страны, гдѣ бы судьба Бельгіи не взволновала столько сердецъ, какъ у насъ. Мы не плачемъ, мы не жалуемся, мы не отчаиваемся. Безсмертный примѣръ короля Альберта и его народа вливаетъ въ насъ храбрость и силу. И онъ всегда будетъ утѣшать, укрѣплять и ободрять всѣ страны и націи, жаждущія свободы.

ГЕНЕРАЛЪ БУТЪ.

Сиръ!

Во время высшаго напряженія силъ Вашихъ и вашего народа, утѣшьтесь тѣмъ, что вы дали новое подтвержденіе великаго принципа, что люди должны не только любить свое отечество, но и сохранять свое достоинство.

Армія спасенія молитъ Бога, чтобы Его великая Сила укрѣпила васъ для прославленія Его Милости и Справедливости.

ПРЕБЕНДЕРИ УИЛЬСОНЪ КАРЛАЙЛЬ.

Давидъ борется съ Галіафомъ. Побѣды еще нѣтъ, но уже она близка. Богъ битвъ отомститъ за свои потрясенные храмы, за разрушенные и сожженные дома, опустошенныя поля, убитыхъ, поруганныхъ, измученныхъ, изгнанныхъ людей, ибо ихъ крикъ достигъ Всевышняго. Можетъ быть и не скоро, но все-таки мы увидимъ новую Бельгію, возставшую изъ пепла войны, очищенную, облагороженную, сильную и закаленную огневымъ испытаніемъ. И хотя столькіе изъ ея солдатъ и другихъ храбрѣйшихъ и лучшихъ людей уснули до того дня, когда архангелъ возвѣститъ о Пробужденіи, ихъ кровь не пролилась напрасно, ибо ихъ духъ будетъ жить

всегда. Дай Господи силъ бельгійскому Королю, народу и союзникамъ биться за правое дѣло, пока полная побѣда не увѣнчаетъ ихъ усилія, освященная кровью и слезами такого количества людей.

АЛЬМА Е. БЕЛЬМОНТЪ.

Выражая свое сочувствіе бельгійской націи, я должна сказать, что нѣтъ человѣческаго существа ни въ одномъ государствѣ, называющемъ себя гуманнымъ, которое не чувствовало бы, что его кровь стынетъ въ жилахъ отъ ужаса и его сердце преисполняется любовью къ великому человѣческому достоинству этой несчастной націи. Слова кажутся бѣдными и убогими. Это проявленіе мужества, это желаніе противопоставить право силѣ, эта защита своей страны и своихъ домовъ требуетъ подражанія.

Что дѣлаютъ націи, что дѣлаютъ люди, стоящіе праздно въ сторонѣ, по своей инертности и изъ боязни повредить себѣ позволяющіе убивать, грабить и опустошать страну мирной, честной промышленности, страну богобоязненнаго народа? Что дѣлаемъ мы, въ Вашингтонѣ? Гдѣ наша хваленая цивилизація? Гдѣ наше Христіанство? Развѣ не истребляютъ нашихъ братьевъ? Почему наша рука

не протянута, чтобы защитить ихъ? Доколѣ же будетъ сильный и могущественный стоять въ сторонѣ и смотрѣть, какъ храбрый и свободный попирается ногами чудовищной державы, упоенной своимъ высокомѣріемъ? Если Соединенные Штаты вѣрятъ въ демократію, если она стоитъ на стражѣ правъ государства, если она защищаетъ національную честь и политическую свободу, преступленіе, совершенное противъ Бельгіи требуетъ отъ нашей великой республики такихъ дѣйствій, которыя прекратили бы эту ужасную бойню.

ФЛОРЕНСЪ Л. БАРКЛАЙ.

Симъ побѣдиши.

Его Величеству Королю бельгійцевъ.

Сиръ,

Чтобы вложить свою часть въ дань всеобщаго сочувствія и восхищенія, подносимую Вашему Величеству, меня просили написать маленькій разсказъ, касающійся великихъ событій нѣсколькихъ послѣднихъ мѣсяцевъ.

Съ радостью принимая эту честь, я не могу не сознаться, что сейчасъ не время для фантазій; поэтому разсказъ, который я имѣю честь предложить Вашему Величеству, является, до мельчайшихъ деталей, самой настоящей дѣйствительностью, которую я узнала

изъ возвышенно-простыхъ писемъ одного солдата дѣйствующей арміи.

Во время искуснаго отступленія союзныхъ силъ послѣ битвы при Монсѣ, молодому британскому офицеру было приказано захватить отсталыхъ солдатъ въ маленькомъ городкѣ, который только что былъ эвакуированъ нашими войсками.

Нельзя было терять времени. Врагъ въ подавляющемъ числѣ двигался впередъ по открытому мѣсту. Снаряды падали со всѣхъ сторонъ. Отдаленный гулъ неослабѣвающаго наступленія врага все приближался и приближался.

Молодой офицеръ, быстро ведя свой маленькій отрядъ по опустошеннымъ улицамъ, пересѣкъ небольшой скверъ и вышелъ къ зданію муниципалитета, временно обращеннаго въ госпиталь.

Онъ вошелъ внутрь.

— „Есть здѣсь кто-нибудь, кто можетъ итти?"—началъ онъ, но вдругъ внезапно остановился и оглянулся.

Здѣсь, конечно, не могло быть и рѣчи объ отставшихъ. Десятки раненыхъ и умирающихъ безпомощно лежали на полу тамъ же, гдѣ ихъ наскоро помѣстили.

Нѣсколько сестеръ милосердія Британскаго Краснаго Креста ходили среди нихъ, стараясь сдѣлать все возможное, чтобы облегчить ихъ страданія.

Пока этотъ высокій юноша, одѣтый въ хаки, молча стоялъ въ дверяхъ, надъ домомъ прожужжалъ снарядъ, ударилъ гдѣ то поблизости и разорвался съ оглушительнымъ шумомъ. Настало гробовое молчаніе. Вдругъ одинъ Томми *) засмѣялся.

„Это облегчитъ заботы докторовъ, если нѣсколько такихъ шутокъ попадутъ къ намъ сюда“,—сказалъ онъ.—„Они хотятъ даромъ сдѣлать намъ ампутацію“!

Сестра съ бѣлой повязкой на головѣ стояла на колѣняхъ недалеко отъ двери, поддерживая голову умирающаго солдата. Онъ оттолкнулъ чашку, которую она держала близъ его губъ и, съ внезапнымъ ужасомъ въ глазахъ, посмотрѣлъ ей въ лицо.

„Сестра, вѣдь они не будутъ стрѣлять въ Красный Крестъ“?—прошепталъ онъ.—„Развѣ мы не безопасны здѣсь“?

Ея спокойная улыбка была самымъ убѣдительнымъ отвѣтомъ.

„Конечно безопасны, мой милый. Не утомляйте себя, пейте это и лежите смирно“.

---

*) Томми—кличка англійскихъ солдатъ.

Затѣмъ, поднявъ глаза, она увидѣла молодого офицера, стоящаго въ дверяхъ.

Онъ приложилъ руку къ козырьку въ знакъ привѣтствія.

„Я думаю мнѣ здѣсь нечего дѣлать",— сказалъ онъ.—„Я собираю отставшихъ и веду ихъ съ собой, но изъ этихъ, кажется, никто не можетъ итти. Не дадите ли мнѣ какого-нибудь порученія? Я пошлю вамъ помощь, если будетъ возможно".

Сестра милосердія, стоя на колѣняхъ передъ умирающимъ солдатомъ и держа его голову въ своихъ рукахъ, внезапно посмотрѣла на офицера и его поразило то обстоятельство, что онъ никогда еще до сихъ поръ не встрѣчалъ глазъ, выражающихъ столько спокойствія и сознательной храбрости.

„Нѣтъ, намъ здѣсь превосходно",—сказала она, подсовывая сложенную куртку подъ голову солдата;—„совсѣмъ хорошо".

Но черезъ минуту она была уже около офицера и схватила его за руку.

„Не уходите",—прошептала она.—„Ради Господа Бога не уходите, мнѣ нужна помощь; и вы можете помочь мнѣ".

„Вы хотите уйти отсюда?" спросилъ молодой офицеръ, говоря быстро и очень тихо.

Англичанка только взглянула на него.

„О, прошу у васъ прощенія! Я знаю, конечно, что вы не оставите ихъ. Скажите мнѣ, чѣмъ я могу помочь? Что я могу сдѣлать?“

„Слушайте“, отвѣтила она. „Нельзя терять ни минуты. Обратили ли вы вниманіе на крышу этого зданія, когда пересѣкали скверъ? Тамъ есть палка, веревка, однимъ словомъ все; но нѣтъ флага. Вы понимаете? Нѣтъ флага Краснаго Креста. А германцы начинаютъ стрѣлять по городу. Вы должны мнѣ найти флагъ Краснаго Креста и скорѣе поднять его, пока вы не ушли“.

Молодой офицеръ стоялъ около нея въ нерѣшительности, смущенный; съ огорченіемъ въ своихъ честныхъ глазахъ.

„Мнѣ ужасно жаль“, сказалъ онъ, „но у меня нѣтъ флага Краснаго Креста; и клянусь жизнью я не знаю, гдѣ достать его“.

„Тогда вы должны сдѣлать его“, настаивала она. „У насъ на рукахъ около ста раненныхъ, въ этомъ домѣ“.

Она схватила его за рукавъ. „Не можете ли вы что нибудь изобрѣсти? Ну подумайте! Неужели вы не можете сдѣлать мнѣ флагъ Краснаго Креста?

Молодой человѣкъ на минуту погрузился въ раздумьѣ. Въ немъ пробудилось страстное желаніе исполнить просьбу молодой женщины.

Его глаза блуждали по пустой, неуютной комнатѣ и, наконецъ, устремились внизъ. Вдругъ его лицо озарилось внезапнымъ рѣшеніемъ.

„Дайте-ка мнѣ полъ-простыни и нѣсколько бинтовъ“.

Онъ помогъ ей разорвать простыню на двое.

Разложилъ простыню на полу и протянулъ руку за бинтомъ.

„Дайте мнѣ нѣсколько булавокъ, только побольше“, сказалъ онъ отрывисто. „Остальное предоставьте мнѣ. Я вамъ это устрою“.

Она сразу поняла, что онъ хотѣлъ сдѣлать; и она, которая безчисленное количество разъ спокойно смотрѣла на самыя ужасныя раны отвернулась, пока онъ, нагнувшись, обмакивалъ повязки въ крови, которая стояла лужицами на полу.

Когда она снова взглянула на него, онъ стоялъ на колѣняхъ, тщательно накалывая алыя полосы на простыню.

Она почувствовала, что у нея подкатывается къ горлу клубокъ.

Онъ ея не узналъ въ костюмѣ сестры милосердія, но она сразу узнала его, и теперь въ ея памяти встала яркая картина ихъ прежней встрѣчи—залитая солнцемъ площадка для крикета въ Англіи; онъ въ безукориз-

ненно бѣлой фланели, герой дня, побѣдитель матча, въ которомъ выступалъ за свою школу. Она сидѣла около его матери и съ гордостью смотрѣла на этого веселаго красиваго юношу. Глаза всѣхъ были устремлены на него, въ то время, какъ онъ давалъ послѣдній рѣшительный ударъ, заканчивающій матчъ побѣдой.

А теперь... Въ то время, какъ онъ стоялъ на колѣняхъ, глаза тяжело раненныхъ слѣдили, какъ изготовлялся флагъ Краснаго Креста. Легко раненные подползли, приподымаясь на локтяхъ, и одобрительно улыбались.

Флагъ былъ готовъ.

Онъ поднялся на ноги, „Ну, вотъ! Покажите мнѣ дорогу на крышу, пожалуйста.

— Нѣтъ, я самъ понесу его. Вамъ не нужно его касаться, сестра".

Она стояла около него на крышѣ.

Когда онъ натянулъ веревку и прикрѣпилъ флагъ, налетѣлъ легкій вѣтерокъ, заколебалъ тяжелыя складки простыни, понемногу развертывая Красный Крестъ въ лучахъ солнца.

Она положила ему руку на плечо.

„Да благословитъ васъ Богъ", сказала она, слегка взволнованнымъ голосомъ. „А когда вы будете писать домой, не забудьте разска-

зать вашей матери о томъ, что вы сдѣлали“.

Спустя полчаса, въ то время, какъ онъ велъ своихъ людей по лѣсу, онъ остановился на минуту и взглянулъ назадъ, по направленію маленькаго городка.

Германскіе снаряды падали справа и слѣва; но надъ госпиталемъ развѣвался по вѣтру флагъ Краснаго Креста, освѣщенный лучами заходящаго солнца; а раненные лежали внизу, защищенные краснымъ цвѣтомъ ихъ собственной крови.

ТОМАСЪ БЭРТЪ.

Я выражаю мое искреннее восхищеніе бельгійскимъ народомъ и его героемъ-Королемъ.

ЛОРДЪ РИДИНГЪ, ЛОРДЪ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СУДЬЯ АНГЛІИ.

Вѣчная слава бельгійцамъ и ихъ Королю.

Если бы существовалъ формальный судъ общественаго мнѣнія, его ужасъ передъ циничнымъ нарушеніемъ торжественныхъ договоровъ, совершенномъ Германіей во имя „культуры“, былъ бы безграниченъ.

Резолюція этого суда выразила бы его искренное восхищеніе храбростью и непоколебимостью Бельгіи подъ самыми ужасными

ударами, когда либо наносимыми націи. Германское нашествіе на Бельгію является страшною трагедіей въ исторіи прогресса человѣчества; это ударъ кинжаломъ въ сердце цивилизаціи. Къ счастью, Бельгія уменьшила тяжесть этого удара моральнымъ величіемъ, достигнутымъ ею во главѣ съ ея Королемъ.

Бельгія была безобидной, маленькой націей. Она не ссорилась съ Германіей, ея народъ былъ трудолюбивымъ, мирнымъ и желалъ только быть оставленнымъ въ покоѣ; онъ не искалъ и не хотѣлъ территоріальныхъ приращеній, онъ не принималъ участія въ конфликтѣ великихъ державъ.

Всей цѣлью и содержаніемъ бельгійской политики являлось только то, чтобы нейтралитетъ Бельгіи былъ сохраненъ, безъ различія, всѣми, кто его гарантировалъ. Самый тщательный германскій глазъ не могъ ни къ чему придраться.

Когда стало яснымъ, что готовится ужасное вѣроломство, Бельгія была глубоко и горестно удивлена. Она еще не постигла германской доктрины, что маленькія націи не имѣютъ правъ. Въ самомъ дѣлѣ, еще такъ недавно, въ 1911 году, Германія заявила черезъ господина фонъ-Бетманъ-Гольвега, что она не имѣетъ никакого намѣренія нарушить нейтралитетъ Бельгіи. Два года спустя, сно-

ва, господинъ фонъ-Яговъ заявилъ, что нейтралитетъ Бельгіи былъ установленъ международными конвенціями и что Германія рѣшила уважать эти конвенціи. Даже въ концѣ іюля 1914 года германскій министръ повторилъ Бельгіи увѣренія его предшественниковъ въ этомъ же смыслѣ. Германія, дѣйствительно настаивала на сохраненіи нейтралитета Бельгіи до тѣхъ поръ, пока ей самой не понадобилось нарушить его. Договоръ, до сихъ поръ считавшійся священнымъ, теперь сразу сдѣлался „клочкомъ бумаги". Не было и не могло быть никакого оправданія такой внезапной перемѣнѣ, кромѣ необходимости для интересовъ Германіи. Теперь, когда многое уже случилось, а Бельгія продолжаетъ еще оставаться театромъ военныхъ дѣйствій, всякій можетъ сказать, что интересы Германіи, не говоря уже о моральной репутаціи, были бы лучше сохранены, если бы она исполнила свои обѣщанія.

Вѣчная слава Бельгіи за то, что она отказалась, не смотря на заманчивыя предложенія, лишиться своего суверенитета и независимости. Она не поддалась ни ласкѣ, ни угрозамъ и рѣшительно отказалась помочь Германіи двинуться на Францію via Belgia. Король Альбертъ въ этотъ ужасный часъ обратился съ призывомъ къ намъ, и нашъ отвѣтъ былъ

рѣшительнымъ и быстрымъ—объявленіе войны Германіи. Бельгія разсчитывала на насъ и разсчитывала не напрасно; мы остались вѣрными своему слову. Возстановленіе ея правъ сдѣлалось нашей священной обязанностью. Тогда Бельгія удивила весь міръ. Ея маленькая армія, неожиданно вызванная на бой, въ теченіе многихъ дней сопротивлялась самому тщательно подготовленному нашествію такой могучей, въ военномъ смыслѣ, страны, какой еще міръ никогда не видѣлъ. Каждый выигранный день, больше того—каждый часъ и даже каждая минута могла оказать громадное значеніе. Молніеносный натискъ на Францію былъ во время остановленъ. Прежде чѣмъ германцы прорубили себѣ дорогу черезъ Льежъ, апологеты технической культуры поняли, что духъ націи является въ высшей степени важной боевой единицей и что эта элементарная истина была совершенно упущена изъ виду самыми точными, методическими вычисленіями германскаго штаба. Они, очевидно, не предполагали, что въ наши дни чисто научной постановки войны (дни цеппелиновъ, блиндированныхъ автомобилей и крупповскихъ осадныхъ орудій) маленькая армія вдохновляемая великими и благородными идеалами, можетъ успѣшно сопротивляться даже могущественнымъ германскимъ

арміямъ. Разграбленье и поджогъ Лувена, разрушеніе Малина, Термонда и многихъ тысячъ домовъ Бельгіи, опустошеніе всей страны, избіеніе ея обитателей и всѣ ужасныя звѣрства, записанныя въ донесеніяхъ бельгійской комиссіи, однимъ словомъ, вся политика „запугиванья" не могла увѣнчать лаврами чело Германіи; все это будетъ записано, что бы всякій могъ прочесть. Недовольная простымъ отрицаніемъ элементарныхъ принциповъ международнаго права и вѣроломнымъ нарушеніемъ ихъ, Германія еще и показала свое презрѣніе ко всему, кромѣ силы, безпощаднымъ поруганіемъ надъ законами и обычаями цивилизованной войны. Трагедія Германіи заключается въ этомъ презрѣніи къ праву и поклоненіи силѣ. Даже если бы она одержала самыя блестящія побѣды, ея имя останется запятнаннымъ навсегда. Въ то же время, нѣтъ такихъ пораженій, которыя могли бы отнять отъ бельгійскаго народа славу его героическаго сопротивленія; нѣтъ страданій, даже самыхъ ужасныхъ, которые могли бы лишить бельгійцевъ духовной мощи. До тѣхъ поръ, пока воспѣваются великіе подвиги и прославляются благородныя цѣли, героизмъ бельгійцевъ и ихъ Короля будетъ жить въ восторженной памяти міра.

19 14

БАРОНЕССА ОРСАЙ.

Солнечный свѣтъ и тѣни.
Отрывки изъ дневника сестры милосердія.

Октябрь 14.

Мой баловень, раненый бельгійскій солдатъ, поправляется очень медленно. Его сердце почти не бьется. Мнѣ кажется, нѣтъ никакой надежды на выздоровленіе. Онъ увѣренъ, что никогда снова не увидитъ свою жену и дѣтишекъ. Я хотѣла бы понимать, что онъ говоритъ, но онъ валлонецъ и едва-едва говоритъ по-французски.

Октября 15.

Сегодня мы пододвинули его кроват поближе къ окну и повернули ее такъ, чтобы онъ могъ видѣть возвращающихся изъ школы дѣтей. Они вскарабкиваются на ограду и что-то щебечутъ ему, а онъ улыбается имъ въ отвѣтъ, такъ трогательно, что у меня прямо разрывается сердце.

Октября 16.

Сегодня у насъ съ моимъ бѣднымъ раненымъ валлонцемъ довольно удачно идетъ бесѣда. Я знаю теперь, что его жена и пятеро дѣтишекъ были въ Льежѣ, вотъ почему онъ такъ увѣренъ, что не увидитъ ихъ снова. Когда я стараюсь поудобнѣе устроить его, онъ только безпомощно смотритъ на меня и

дѣлаетъ своей раненой рукой поясняющіе жесты, стараясь объяснить мнѣ, какіе ужасы онъ видѣлъ—убитыхъ женщинъ, изуродованныхъ дѣтей: „I'ai vu madame“—говоритъ онъ „I'ai vu!“

Октября 17.

Сегодня у насъ въ Ландрокѣ царитъ возбужденіе: прибыли рано утромъ пятьсотъ бельгійскихъ бѣженцевъ и мы надѣемся, что среди нихъ найдется кто нибудь, говорящій по-англійски, чтобы служить переводчикомъ между нами и нашими ранеными.

Октября 18.

Сегодня мой бѣдный раненый валлонецъ все утро смотрѣлъ на дѣтей. Я подошла къ нему и въ теченіе нѣкотораго времени тоже глядѣла въ окно. Одна крошка-дѣвочка подбѣжала къ окну неся въ рукахъ маленькій букетикъ цвѣтовъ, и протянула его моему раненому, котораго она замѣтила съ улицы. При видѣ цвѣтовъ и ребенка, онъ, какъ будто немного оживился. Онъ улыбнулся, а я открыла окно, чтобы взять цвѣты изъ маленькихъ ручекъ. Осенній воздухъ былъ тепелъ и спокоенъ и, оставивши окно открытымъ, я отошла въ сторону, чтобы мой раненый могъ посмотрѣть на улицу и подышать чистымъ воздухомъ. Я слѣдила за нимъ, въ

то время какъ онъ смотрѣлъ съ грустнымъ и безнадежнымъ видомъ на улицу, какъ вдругъ съ нимъ произошла внезапная перемѣна. Прежде чѣмъ я могла что либо сдѣлать, онъ на-половину приподнялся съ постели и вытянулъ руки; затѣмъ онъ съ громкимъ крикомъ упалъ назадъ на подушки.

Ко мнѣ на помощь прибѣжала другая сестра и я, оставивъ раненаго на ея попеченіи, сама выглянула въ окно и посмотрѣла на улицу. Грустная маленькая кучка мужчинъ, женщинъ и дѣтей безцѣльно блуждали по мостовой, удивленно осматривая маленькую, чистую улицу, столь типичную для англійскаго провинціальнаго городка.

Одна женщина еще совсѣмъ молодая несла на рукахъ малютку, закутаннаго въ разорванную шаль, въ то время какъ четверо другихъ усиленно цѣплялись за ея юбку

Это было вдохновеніе, интуиція, инстинктъ, называйте какъ хотите...

Я отбросила всякую мысль о порядкѣ, о дисциплинѣ, оставила свой постъ, выбѣжала на улицу схватила удивленную и даже испуганную женщину за руку и втащила ее по лѣстницѣ въ нашъ госпиталь. Никто не сказалъ ни слова, потому что всѣ инстинктивно почувствовали тоже, что и я, увидѣвъ эту женщину и вспомнивъ разсказы бѣднаго

валлонца о его женѣ. Женщина испустила крикъ и бросилась прямо къ нему. Онъ не сказалъ ни слова, только протянулъ свои руки и она упала, всхлипывая, поперекъ его постели.

Октября 29.

Мой бельгіецъ оставилъ сегодня госпиталь, чтобы отправиться въ домъ для выздоравливающихъ, находящійся по близости. Его жена и дѣтишки останутся съ нимъ въ Ландрокѣ. Онъ очень быстро поправляется, а его жена такая очаровательная маленькая женщина. Его дѣтишки прелестны, и онъ гордится ими.

ВАЙКАУНТЪ АЛЬВЕРСТОНЪ.

Въ теченіе многихъ лѣтъ я пользовался дружбой бельгійскихъ выдающихся людей въ наукѣ, юриспруденціи, литературѣ и искусствѣ. Мое сердце разрывается отъ горя, когда я подумаю о судьбѣ постигшей эту маленькую націю; ихъ бѣдствія явились результатомъ самаго ужаснаго преступленія, когда либо совершеннаго цивилизованной страной.

Германія никогда не смоетъ этого пятна со своей чести.

Каждому бельгійцу и его храброму Королю я выражаю мое искреннее и сердечное сочувствіе.

HAIL!

ГИМНЪ БЕЛЬГІИ.

Слова Д. Галсуэрси.

Музыка Фредерика Кауэна.

Moderato sostenuto

VOICE. — *mf*

1 Men of Bel-gium! Hon-our's own! Ye who saved the Ho-ly Grail, Ye who died f

Moderato sostenuto. ♩ = 62

PIANO OR ORGAN — *mf*

Free-dom's Crown, Hail, ye brave, for ev-er hail! 2. Wives of Bel-gium! who to Deat

Paid the toll of Mo-ther's wail, Bound with wid-owed sor-row's wreath The brows of Death, ye

dear saints hail! 3. Maids of Bel-gium! ye who gazed At worse than sul-len Death, and pale

N.B.—If it is desired to sing this as a simple Hymn, the Melody of the 3rd verse should be omitted and the words sung to the opening bars, as in the 1st and 2nd verses.

cres. mf

ter-ror, yet with eyes un - dazed,— Smiled on at Hope— ye sweet-hearts: Hail!.. Maids of

cres. mf

poco rall. Grandioso. a tempo.

Bel - gium! Sweet-hearts, Hail! 4. Land of Bel - gium! earth and sky For ev - er-more shall

Grandioso

poco rall. f rall f a tempo

sempre f

tell thy tale. The morn - ing comes! Thou shalt not die! Hail! Thou Sad Im - mor - tal: Hail!

sempre f f

molto marcato.

Hail! Thou Sad Im - mor - tal. Hail!

ff molto marcato. ff

Ped.

СЭРЪ ГАЙРЕМЪ МАКСИМЪ.

Среди ужасной и самой губительной войны, которую когда либо видѣлъ міръ, мы не можемъ не сознавать, что цивилизація требуетъ полнаго уничтоженія той системы, при которой одинъ честолюбивый человѣкъ, только для удовлетворенія своего тщеславія и властолюбія, можетъ посѣять столько страданій и горя.

Честь и слава храброй бельгійской націи и ея отважному доблестному Королю.

Нѣтъ словъ, чтобы выразить то горе, которое охватываетъ всѣхъ при мысли объ ужасныхъ страданіяхъ, причиненныхъ этой маленькой доблестной странѣ за ея благородную борьбу во имя чести и независимости.

Ты будешь жить, Король, навѣкъ съ этихъ поръ
На счастіе единому народу,
Тебѣ слились сердца и лиры наши въ хоръ
За короля, Законы и Свободу!

Г. А. Л. ФИШЕРЪ.

Пока на нашей планетѣ будетъ жить уваженіе къ праву, люди будутъ помнить, какъ однажды Король маленькой націи защищалъ права всей Европы противъ свирѣпаго нашествія могущественной державы, прекрасно

сознавая, что на его герояхъ подданныхъ лежитъ долгъ встрѣтить первый ужасъ атаки и подвергнуться жестокостямъ временныхъ завоевателей. Люди будутъ помнить, что паденіе фортовъ и крѣпостей, пораженіе армій, избіеніе женщинъ и дѣтей, сожженье храма и библіотеки, извѣстныхъ всѣму цивилизованному міру, ни ослабило его рѣшимость, ни сломило духъ его народа и что онъ и его нація упорно бились до конца, спасая честь и свободу Европы своей самоотверженной и великой доблестью.

МАРГАРЕТЪ ДЕЛАНДЪ.

Свободолюбивая Америка испытываетъ глубочайшую симпатію къ храбрымъ бельгійцамъ, которые отдали свою жизнь во имя свободы; она восхищается Королемъ, который не смотря на подавляющую силу врага, ведетъ свой народъ туда, куда его призываетъ честь. Она никогда не забудетъ своего долга благодарности націи-страдалицѣ, народъ и Король которой отдаютъ все, что они имѣютъ, чтобы духъ свободы не исчезъ навсегда изъ ихъ страны.

ДОНЪ АНТОНІО ЛОПЕЦЪ МУНОЦЪ.

Достаточно быть просто человѣкомъ, чтобы написать страницу въ честь Бельгіи: чтобы оплакивать ея убитыхъ сыновъ, ея погибшее благосостояніе, ея опустошенные луга, ея разрушенные памятники, ея сожженные дома, ея сиротъ. Да, достаточно быть только человѣкомъ. И во всякомъ случаѣ каждый сынъ Испаніи—страны Донъ-Кихота — воплощающаго въ себѣ идеализмъ — вдвойнѣ обязанъ принести дань уваженія той націи, которая жертвуетъ жизнью во имя идеи и даетъ примѣръ, которымъ все человѣчество будетъ гордиться.

Несчастенъ ты, король Альбертъ, тѣмъ, что тебѣ не удалось спасти твою націю отъ пораженія въ этой неравной борьбѣ, хотя ты и подвергалъ свою собственную жизнь опасности на передовыхъ позиціяхъ! Но счастливъ ты тѣмъ, что въ твоемъ образѣ воплотился героизмъ твоего народа! Вскорѣ ты увидишь нѣмой, безсмертный памятникъ ему, высѣченный изъ камня или изъ бронзы, который всегда будетъ свидѣтельствовать о нашемъ восхищеніи. Счастливъ ты также тѣмъ, что среди самыхъ ужасныхъ страданій и испытаній твоя королева была ангеломъ милосердія въ госпиталяхъ и на поляхъ

сраженій! Она является символомъ кротости и миролюбія, качествъ столь свойственныхъ трудолюбивому бельгійскому народу! И вѣчно будетъ горѣть факелъ, зажженный твоимъ народомъ.

Бельгія, страна героевъ и мучениковъ, ты пала подъ ударами Силы, но гораздо выше этой Силы поднялась твоя славная доблесть. Ты погибла, но ты завѣщала намъ, какъ слѣдуетъ умирать за правду. Если бы даже ты и не возродилась на своей землѣ, ты жила бы всегда въ сердцахъ всего человѣчества; Твоимъ храмомъ была бы человѣческая совѣсть.

СЭРЪ НОРМАНЪ ЛОКИРЪ.

Люди науки давно уже привыкли смотрѣть на методы Германіи въ воспитаніи и прикладной наукѣ, какъ на достойные подраженія; и въ моей рѣчи 1903 году, я, въ качествѣ президента Британской Ассоціаціи указалъ на ту серьезную опасность, который мы подвергаемся, допуская Германію превзойти насъ въ этихъ отношеніяхъ. Но теперь мы знаемъ, что ею руководило не стремленіе къ прогрессу и цивилизаціи, но предусмотрительность въ заготовленіи средствъ для уничтоженія всѣхъ, кто захотѣлъ бы противиться

безграничному честолюбію ея правящихъ классовъ.

Исторія о храбрости, выказанной королемъ Альбертомъ и его націей, принесшими въ жертву все, кромѣ чести, будетъ передаваться изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ вѣчный памятникъ великому народу. Настоящее полно страданій и бѣдствій, которымъ не было прецедента, причиненныхъ безпримѣрной жестокостью, грабежомъ, насиліемъ и подлостью, скорѣе чѣмъ хорошимъ предводительствомъ и чисто-военной силой. Но скоро придетъ время, когда Бельгія, какъ фениксъ, возродится изъ пепла, а пока да утѣшится она тѣмъ, что, даже въ самомъ отдаленномъ будущемъ, люди будутъ помнить, что исторія міра была облагорожена ея подвигами и ея рѣшительной защитой своей чести. Исторія ея борьбы будетъ лучшей главой въ анналахъ человѣческой расы.

ГЭМФИ УОРДЪ.

ДЕНЬ ВСѢХЪ СВЯТЫХЪ. 1914 года.

Я бродила по полямъ Англіи и по ея лѣсамъ при послѣднихъ грѣющихъ лучахъ осенняго солнца. Въ теченіе всего дня небо было совершенно чисто; ночью свѣтила полная луна. Неподвижно стояли дубы—большинство изъ нихъ еще совсѣмъ почти зеле-

ные; а тамъ, гдѣ лѣса густо заполняли углубленія между холмовъ, они казались узорами, разрисованными зеленью и яркимъ золотомъ, узорами самой природы. Дѣтишки собирали лѣсные орѣхи и жолуди; зеленый дятелъ нанесъ послѣдній осенній визитъ изумрудной лужайкѣ, разстилавшейся передъ моимъ окномъ; вокругъ моего дома пѣли птицы; медленно, медленно погружалось солнце въ густой туманъ, поднимавшійся ему навстрѣчу; славный день всѣхъ святыхъ приходилъ къ концу.

Такъ прошелъ этотъ день въ долинѣ Чильтерна. А между тѣмъ, въ какихъ нибудь ста пятидесяти миляхъ отсюда, бельгійцы, французы и англичане сражались въ забрызганныхъ кровью траншеяхъ западной Фландріи. У насъ же здѣсь ни капли крови! За исключеніемъ развѣ только тѣхъ мѣстъ, гдѣ солнечный лучъ падалъ на густой коверъ изъ опавшихъ листьевъ бука, придавая имъ кровавый оттѣнокъ и наводя насъ на грустныя размышленія. А тамъ люди лили кровь, точно воду, и все самое ужасное, что мы можемъ представить себѣ, тамъ существовало въ дѣйствительности, Французы и англичане сплошной стѣной отъ запада до востока, отъ моря до Вогезовъ, выдерживали страшныя атаки тѣхъ, въ которыхъ міръ видитъ заклей-

менную расу, измѣнившую цивилизаціи и человѣчности! А дальше, на сѣверо-западѣ, на узенькой приморской полосѣ земли, которая была вырвана у моря путемъ невѣроятныхъ усилій, маленькія кучки людей въ бельгійскихъ окопахъ, „защищающія проходъ“ противъ варваровъ такъ же доблестно, какъ греки при Фермопилахъ! Но здѣсь нѣтъ синеватыхъ горъ. Только плоская сѣрая земля и безбрежное сѣрое море и еще такіе же сѣрые потоки воды тамъ, гдѣ бельгійцы взяли себѣ въ союзники море и заплатили ему за это своими полями, своими плотинами, своими деревнями, чтобы оно помогло этой націи героевъ удержать врага, пока не будетъ выиграна битва. „Намъ сказали держаться въ окопахъ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, мы сдѣлали это; потомъ они сказали—держитесь еще сорокъ восемь часовъ—мы исполнили и это“. Они сдѣлали это! А теперь подошли на помощь французы и англичане и маленькая армія, спасшая лѣвый флангъ союзниковъ и защищавшая Калэ, можетъ отступить назадъ, чтобы отдохнуть и сосчитать свои потери. Одинъ изъ трехъ, они говорятъ, остался одинъ изъ трехъ! Не напишемъ ли мы о павшихъ бельгійцахъ то же, что было написано о спартанцахъ убитыхъ при Платеѣ.

— „Эти люди заслужили безсмертную славу и воздвигли себѣ памятникъ на той землѣ, гдѣ ихъ окутало темное облако смерти. Но будучи мертвыми, они не умерли. Тотъ, кто видѣлъ ихъ въ битвѣ, повѣдалъ объ этомъ всему міру и навсегда спасъ ихъ отъ забвенія и могилы“.

Что можемъ сдѣлать мы, англичанки, у себя на родинѣ, на нашемъ безопасномъ островѣ, для этой героической, маленькой націи? Днемъ и ночью безконечныя толпы женщинъ и дѣтей, стариковъ и мальчиковъ тянутся на сѣверъ, въ Голландію и на западъ, по морю, въ Англію. Я знаю женщину, корая однажды ночью встрѣчала въ London social settlement“ прибывшую партію бѣженцевъ - крестьянъ, въ ихъ sabots, мелкихъ горожанъ, несущихъ съ собой свои послѣдніе пожитки; дѣтей, до смерти усталыхъ и голодныхъ. Но сердца англичанъ были всегда открыты для нихъ, а руки готовы помочь имъ. Тутъ были отецъ и мать съ семью дѣтьми изъ Лувена, которые въ теченіе многихъ дней и ночей блуждали по полямъ Фландріи, прячась и скрываясь. Мать была наканунѣ разрѣшенія отъ бремени. У насъ не было для нея необходимыхъ удобствъ, такъ какъ большая зала была обращена въ общую палату для мужчинъ и женщинъ изъ просто-

народья, а отдѣльныя комнаты, выходящія окнами въ садъ, были предназначены для людей болѣе интеллигентныхъ. Бѣдная беременная женщина причинила много хлопотъ доброй шотландкѣ, завѣдывавшей хозяйственной частью въ „settlement'ѣ. Какъ вдругъ, эта послѣдняя вспомнила одинъ адресъ въ Кенсингтонѣ; она побѣжала къ телефону и куда то позвонила.

— Помните, вы однажды говорили, что возьмете бельгійскую женщину къ себѣ, если ей нужно будетъ родить?

— Конечно, развѣ сейчасъ представился такой случай?

Въ ея голосѣ звучали нотки неподдѣльной радости. Она разсказала подробности.

— Хорошо, я сейчасъ пришлю мой моторъ.

И спустя часъ, послѣ своего пріѣзда, больная измученная женщина мчалась въ великолѣпномъ автомобилѣ по направленію въ Куинсъ Гетъ. Теплая комната, удобная постель, сидѣлка, бѣлье, ѣда—все было готово. Черезъ нѣсколько дней она разрѣшилась и хорошенькій малютка лежалъ рядомъ со своей матерью. На третій день въ ней пробудилась душа крестьянки, служившей другимъ и не бывшей никогда предметомъ ничьихъ заботъ.

— Я всегда встаю, мадамъ, на третій день.

— На этотъ разъ вы будете лежать пять дней. Вы вѣдь такъ утомлены.

Въ высшей степени неохотно она остается еще нѣсколько дней въ постели, а затѣмъ переѣзжаетъ въ коттэджъ, приготовленный для нея въ англійской деревушкѣ. Ея дѣтишки ходятъ въ школу и вскорѣ становятся любимцами всей деревни. Они выучиваютъ нѣсколько словъ по англійски, англичане по фламандски и такимъ образомъ разговариваютъ, пока случайно не является переводчикъ и не подвигаетъ ихъ бесѣду значительно впередъ.

Но среди прибывшей въ эту октябрьскую ночь толпы бѣженцевъ встрѣчаются и люди другого типа. Мать и три дочери, вдова и дѣти бельгійскаго офицера, убѣжавшіе въ ужасѣ изъ Антверпена, захвативъ съ собой кое какой багажъ, въ томъ числѣ зеленаго попугая. Едва они устраиваются въ комнатѣ, предназначенной для нихъ, какъ начинаютъ разсказывать о неудобствахъ путешествія и жаловаться на бѣдствія, причиненныя „ужаснымъ Вильгельмомъ".

Они живутъ въ теченіе одной, двухъ недѣль въ „settlement'ѣ", а затѣмъ дѣлаются дорогими гостями въ какомъ нибудь англійскомъ помѣщичьемъ домѣ.

Если нѣжныя заботы могутъ вообще уменьшить страданія такихъ изгнанниковъ, ихъ страданія были бы смягчены: къ счастью, трое или четверо изъ этой толпы совсѣмъ еще молоды, а молодымъ свойственно улыбаться, когда они видятъ вокругъ себя добрыя лица, и ихъ трагическое бѣгство показалось бы имъ интереснымъ приключеніемъ, если бы тамъ, за сѣрой полосой моря, не лежала ихъ опустошенная страна, ихъ разрушенные города, ихъ раненые и мертвые солдаты и мирные жители, если бы все это не вставало ежеминутно въ ихъ памяти.

Такимъ образомъ по всей Англіи и по всей гостепріимной Голландіи разсѣяны несчастные бѣженцы и всюду имъ протянуты руки помощи и заботы. Но часы проходятъ, часы горя и мрака, понемногу уступая часамъ надежды и разсвѣта. Постепенно гунны будутъ отступать; защитники свободы и цивилизаціи будутъ упорно двигаться впередъ по опустошенной и окровавленной землѣ. И съ наступленіемъ весны живой потокъ бельгійцевъ потечетъ обратно на родину. Онъ вольется въ сожженные города и разрушенныя деревни, но вскорѣ прекрасная страна этого героическаго народа снова зацвѣтетъ юной жизнью, мирнымъ трудомъ и радостью семейнаго очага. Мертвыхъ тамъ не будетъ!—Они останутся въ

нашихъ сердцахъ, какъ траурное воспоминаніе.

А маленькая нація всегда будетъ воспѣваться, прославляться и поддерживать „святой духъ человѣка"—когда же минуютъ эти злые дни и мы будемъ учитывать ихъ послѣдствія, то, что случилось съ Бельгіей въ теченіе этой войны, будетъ отнесено не къ трагедіямъ исторіи, а скорѣе къ вѣчнымъ побѣдамъ человѣческаго духа.

У. К. КЛИФФОРДЪ. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ КОРОЛЮ АЛЬБЕРТУ.

Я осмѣливаюсь обращаться къ Вамъ, склонивъ голову, какъ дѣлаетъ весь міръ, Государь, къ вамъ и къ Вашей многострадальной странѣ, принявшей мученія, какъ Христосъ, чтобы спасти другихъ. Вы временно лишены Вашего королевства, а Вашъ народъ всего, чѣмъ онъ обладалъ; и тѣмъ не менѣе Вы и вашъ народъ получили много, хотя это и скрывается сейчасъ за разрушенными домами, за погибшими жизнями, однимъ словомъ за всѣми бѣдствіями, которыя принесъ Вамъ жестокій, безчестный врагъ.

Ибо вамъ принадлежитъ безсмертіе—даже здѣсь, въ этомъ бренномъ мірѣ—и никто не можетъ отнять его у Васъ. Вашъ врагъ при-

шелъ въ блестящихъ доспѣхахъ и теперь навсегда запятналъ ихъ преступленіемъ и запачкалъ кровью но Ваши доспѣхи никто не можетъ ни повредить, ни опозорить: они сдѣланы изъ правды и чести, изъ храбрости и терпѣнія и оно будутъ вѣчно свѣтить тѣмъ, кто живетъ во мракѣ, тѣмъ, кто колеблется и боится. Вы улучшили весь міръ тѣмъ, что Вы сдѣлали, и, при мысли о Васъ и о Вашемъ народѣ, многіе сдѣлаются великими и будутъ совершать доблестные подвиги; тысячи людей, храбрость которыхъ начнетъ колебаться, воспрянутъ духомъ, вспомнивъ, что нужно быть достойнымъ того міра, въ которомъ Вы жили, что нужно также вѣрить, какъ Вы вѣрили; и не думая о томъ, сильны или слабы ихъ мечи, они будутъ биться, какъ Вы, безъ колебанія. Понимаете ли Вы, Государь, и оцѣниваете ли тотъ божественный примѣръ, который Вы намъ дали; помогаетъ ли Вамъ это хоть немного, поддерживаетъ ли Васъ сознаніе, что наши сердца стремятся къ Вамъ, а наши головы почтительно склоняются передъ Вами, передъ Вашей королевой, передъ Вашими солдатами и передъ вашими павшими бельгійцами.

ВИНЧЕНТЕ БЛАСКО ИБАНЬЕСЪ.

Король рыцарь.

Такъ называемъ мы въ Испаніи Альберта бельгійскаго. Наша эпоха даетъ два различныхъ типа монарховъ:

Нѣкоторые изъ нихъ репетируютъ свои поступки и слова, какъ кемедіанды, принимая театральныя позы, стараясь сдѣлать тысячу различныхъ вещей сразу, все время стремясь получить дань народнаго восхищенія и удивить человѣчество. Они не задумываясь, сожгли бы полміра, если бы это могло хоть номного увеличить ихъ нероновскую славу и сдѣлать ихъ болѣе извѣстными. Всѣ ихъ пеступки могутъ только породить страхъ, но иногда не заслужатъ любви или восхищенія.

Альбертъ иногда не хотѣлъ поражать кого нибудь; онъ не знакомъ съ театральными позами; его желаніемъ было—жить въ мирѣ и промышленномъ благополучіи, окруженнымъ своимъ трудолюбивымъ народомъ и онъ самъ всегда велъ хорошій, правильный образъ жизни, благородный и мягкій въ то же время, какъ черты его лица. Онъ сдѣлался героемъ, не желая этого и не ища, величайшимъ и самымъ обязательнымъ героемъ всего двадцатаго вѣка. Онъ—король-рыцарь.

Этотъ монархъ неожиданно призванный къ командованію арміей, несмотря на свою неопытность, оказался въ состояніи вести войну такъ, какъ не могли бы, пожалуй, многіе старые боевые военноначальники. Его героическое сопротивленіе во главѣ маленькой, но храброй націи, оказалось въ силахъ въ первый моментъ отразить ужасное германское нашествіе и надломить его силу.

Какимъ замѣчательнымъ эпосомъ является этотъ эпизодъ съ Бельгіей и ея благороднымъ королемъ! Многіе изъ его подданныхъ погибли. Онъ самъ живъ только потому, что смерть захотѣла пощадить его. Какъ простой артиллеристъ, онъ обслуживалъ орудія въ Антверпенѣ подъ градомъ снарядовъ колоссальныхъ мортиръ врага. Взявъ винтовку солдата, онъ бился въ рядахъ своей пѣхоты, какъ ихъ товарищъ.

Бельгійскій народъ потерялъ свои дома, онъ потерялъ свое королевство! Не напоминаютъ ли намъ эти несравнимые примѣры рыцарства, развѣнчанныхъ королей среднихъ вѣковъ, странствующихъ и несчастныхъ, но извѣстныхъ въ поэзіи и драмѣ? Наша эпоха обыденной, матеріальной позы еще даетъ, оказывается, романтическихъ героевъ.

Альбертъ Безземельный достойнѣе всѣхъ безземельныхъ монаховъ исторіи. Тѣ поте-

ряли свои короны благодаря дѣламъ своихъ предшественниковъ, жаждѣ побѣдъ и большаго могущества. Король-рыцарь потерялъ свое королевство за свободу, за справедливость, за храброе сопротивленіе приказаніямъ подавляющей силы.

И съ благородной грустью героя, который можетъ быть угнетенъ, но не побѣжденъ, который знаетъ, что право на его сторонѣ, стоитъ онъ въ самомъ крайнемъ уголкѣ Фландріи во главѣ горсточки храбрецовъ, показывая всему міру, какъ можетъ биться миролюбивый человѣкъ, когда его честь обязываетъ сдѣлаться воиномъ, и какъ, если нужно, первый гражданинъ демократической монархіи умѣетъ умирать, защищая свое достоинство.

. . . .

Одинъ журналистъ видѣлъ его однажды въ сумерки, прислонившагося къ окну, въ ратушѣ въ Фюрнѣ, смотрящаго на заходъ солнца, вѣроятно грезящаго.

Онъ казался печальнымъ и смотрѣлъ на уходящаго Бога дня съ видомъ глубокой грусти.

Спускалась ночь и съ приближеніемъ ея темноты наступали часы неувѣренности, часы, когда близко отчаяніе.

Но ночь не можетъ быть вѣчной и когда она пройдетъ, наступитъ новый день, несущій съ собой новое солнце.

ЗА РОДИНУ.

Поэма В. Гюго.

Музыка А. Мессансэ.

Дань уваженія и восхищенія Королю-герою Альберту I, Королю Бельгіи.

Maestoso, non troppo lento

Chant.

Maestoso, non troppo lento. 𝅗𝅥 = 70

Ceux qui pi - eu - se - ment, sont morts pour la pa - tri - - - e Ont droit qu'à leur cer - cueil la fou - le vienne et pri - - e, Ont

Piano. *Grave.* *mf* *cres.*

droit qu'a leur cer - cueil . . . la fou - le vienne et pri - - - e.

p

En - tre les plus beaux noms leur nom est le plus beau. . . . .

cres. *f*

f

Tou - te gloi - re près d'eux passe et tombe é - phé - mè - re.

8va *lointain.*

ff *dim* *p*

dolce. *cres.*

Et, com - me fe - rait u - ne mè re, Et,

tranquillo espress.

pp *cres.*

com - me fe-rait u - ne mè - re, La voix d'un peuple en - tier les berce en leur tom -

pp *8va*

beau, La voix d'un peuple en - tier les berce en leur tom beau, les

dim.

pp *8va*

poco rit.

berce en leur tom - beau.

poco rit.

p *pp*

Д-ръ ЛИМАНЪ АББОТЪ.

Каковы бы ни были наши мнѣнія объ этой ужасной европейской войнѣ и о причинахъ, вызвавшихъ ее, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Бельгія, до сихъ поръ пострадавшая больше другихъ, совершенно невинна. Война пронеслась, какъ буря, надъ ея страной. Ея города были разрушены, дома уничтожены, тысячи бельгійцевъ убиты, потому что она отказалась забыть свое обѣщаніе и предпочла сражаться въ отчаянной попыткѣ удержать свой нейтралитетъ, за который ручалась она и всѣ европейскія державы. Страданія бельгійцевъ вопіютъ ко всѣмъ, кто любитъ своихъ ближнихъ безъ различія ихъ расы, ихъ вѣроисповѣданія и ихъ симпатій въ этой войнѣ.

ЛЭДИ ЛУГАРДЪ.

Я почтена высокой честью, выпавшей на мою долю — выразить мое глубокое уваженіе къ націи, которая подняла обыденную жизни на уровень героическаго. Времена неожиданно сдѣлались великими. Мы всѣ молимся, чтобы и мы сами сдѣлались такими-же. Молитва Бельгіи дала результаты—она стала великой націей. Она поднялась до такихъ высотъ духа, что міръ лежитъ у ея ногъ.

Никакой врагъ не можетъ лишить ее этой побѣды. Ея молодой король вправѣ гордиться и радоваться. До тѣхъ поръ, пока будетъ записываться исторія человѣчества, люди будутъ помнить, что подъ его предводительствомъ Бельгія готова была пойти на мученія за свою вѣру. Она вынесла такія страданія, какихъ еще не бывало въ исторіи цивилизаціи. И вѣра, за которую она страдала, не только ея вѣра, но также и наша. Это — вѣра въ честь, въ правду, въ доблесть, въ справедливость, въ свободу—вѣра во все то, что дѣлаетъ человѣчество возвышеннымъ и вдохновеннымъ. Во имя этой вѣры поднялись и мы. Націи чувствуютъ, ихъ правительства уже сказали, что оружіе не будетъ сложено до тѣхъ поръ, пока эта вѣра не будетъ защищена. Вмѣстѣ съ этой защитой должна прійти и побѣда Бельгіи и ея возстановленіе.

На долю Англіи выпало счастье принять участіе въ облегченіи страданій несчастныхъ бельгійцевъ, въ оказаніи имъ гостепріимства и помощи. Моей скромной частью въ этой работѣ было утѣшеніе ихъ. Мы знаемъ, увы, слишкомъ хорошо, какъ трудно облегчить ужасныя страданія, которыя мы видимъ. Но находясь все время среди бѣдствій и горя, которыя могли бы растрогать самое каменное сердце, и видя съ возрастающимъ восхище-

ніемъ замѣчательное терпѣніе, простодушіе и благодарность за доброту, со стороны бельгійцевъ, которыхъ мы пріютили у себя, мы перестали только надѣяться, но пришли къ полному убѣжденію, что благородное обѣщаніе возстановить Бельгію, будетъ исполнено: „Тѣ, кто сѣялъ въ слезахъ, пожнутъ въ радости, и тотъ, кто шелъ по дорогѣ рыдая, и несъ съ собой добрыя сѣмена, тотъ, несомнѣнно, будетъ возвращаться съ радостью и нести съ собой снопы". „Несомнѣнно".—Во имя этого „несомнѣнно", я думаю, наша нація рѣшилась биться до тѣхъ поръ, пока въ Британской имперіи останется хоть одинъ человѣкъ.

ІОГАННЪ БОЙЕРЪ.

Въ концѣ концовъ мы стоимъ опять передъ эпохой героизма, когда король занимаетъ высшее мѣсто среди своей націи. Буря смела парламентъ и ораторовъ, правительства и выборы, партіи и партійныя программы. Остались только—нація и отецъ націи.

Король Альбертъ — богатый, когда богата была его страна, счастливый, когда процвѣтала Бельгія, бѣдный, когда его королевство обращено въ развалины, изгнанникъ, когда его подданные изгнаны. Храбрый между храбрыми, раненый среди раненыхъ, но всегда гордо стоящій, какъ символъ жизнеспо-

собности своего народа, который хотѣлъ жить и мирно работать на поляхъ Фландріи. Онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы сдѣлаться мученикомъ, слишкомъ силенъ, чтобы молить о жалости; онъ отважно встрѣтилъ разрушеніе, непобѣдимой, ибо на его сторонѣ справедливость и право. Тамъ, гдѣ показывается онъ, изгнанники—находятъ свой домъ, лишенные отца—находятъ брата, бездомные—находятъ отечество, отчаявшіеся—находятъ руководителя, которому они могутъ довѣрять и который самъ полонъ вѣры. Онъ далъ новый блескъ увядшимъ листьямъ королевской короны; онъ единственный, который, въ этой гигантской войнѣ, носитъ на своемъ челѣ печать божественной чистоты.

Около него стоитъ его супруга, превратившаяся изъ королевы государства въ мать націи.

ФРЕДЕРИКЪ ВАНЪ-ЭЙДЕНЪ.

Честь и слава бельгійцамъ и ихъ королю.

ЛУИДЖИ КАПУАНА.

До сихъ поръ все мнѣ казалось только ужаснымъ кошмаромъ, отъ котораго я никакъ не могъ отдѣлаться.

Поэтому я принялся за чтеніе сильныхъ новеллъ моего друга Камилла Лемонье, изящныхъ мелодій моего друга Велеръ Жилля,

странныхъ, но потрясающихъ драмъ Мориса Метерлинка, въ которыхъ я такъ любилъ и во многихъ отношеніяхъ восхищался счастливой, трудовой Бельгіей съ ея цвѣтущей промышленностью, торговлей, искусствомъ и литературой.

Я спрашивалъ самъ себя: „Неужели это возможно? Неужели это возможно?

И дрожащими руками я переворачивалъ благородныя страницы, которыя „La Belgique artistique ef litieraire“ за апрѣль 1909 года, посвятила пострадавшимъ отъ Мессинскаго и Калабрійскаго землетрясеній рядъ горячихъ статей и великолѣпныхъ рисунковъ, начинающихся гравюрой Ея Королевскаго Высочества Маріи герцогини Фландрской. Моя Сицилія еще помнитъ проявленіе этой братской доброты и конечно постарается отплатить достойнымъ образомъ.

Неужели это возможно? Неужели это возможно? Я все еще спрашиваю самъ себя.

Неужели Бельгія уже не существуетъ?

Свирѣпое безумство монарха, который считаетъ себя намѣстникомъ Бога на землѣ, послало урганъ огня и желѣза, на ея столицу на ея ботатѣйшіе и мирные города, на ея плодороднѣйшія поля и равнины, обрекая на изгнаніе тысячи стариковъ, женщинъ и дѣтей, которые бѣжали отъ варварскихъ на-

силій полчищъ, недостойныхъ имени солдатъ.

Бельгія больше не существуетъ?

О, этого не можетъ быть!

Никто бы не могъ предположить, что у этой мирной націи хватило бы силъ и храбрости бороться съ ужаснымъ германскимъ нашествіемъ, упорно защищая каждую пядь земли, несмотря на безчисленное количество врага и на постепенное уменьшеніе маленькой гордой арміи, собранной вокругъ своего героическаго короля.

Каждый вѣритъ, что часъ великаго возмездія скоро придетъ; часъ когда ненавистные завоеватели будутъ вытѣснены со священной земли Бельгіи и тотъ, кто не колебался рисковать своей жизнью такъ же легко и просто, какъ любой изъ его солдатъ, вернется въ свой королевскій дворецъ въ Брюсселѣ, увѣнчанный ореоломъ славы.

Франція, Англія и Россія гордятся и всегда будутъ гордиться доблестнымъ дѣломъ возстановленія Бельгіи и я надѣюсь видѣть въ побѣдномъ шествіи вмѣстѣ съ ними мою Италію, которая не можетъ и не должна перенести того, чтобы Бельгія была стерта съ лица земли.

А теперь обратимся опять къ воспоминаніямъ!

Опубликованіе этого замѣчательнаго номера „La Belgique artistique et litteraire предшествовало военному празднику, данному брюссельскимъ гарнизономъ въ пользу жертвъ землетрясенія; ловкіе молодые солдаты демонстрировали различныя конныя упражненія и маневры артиллеріи... Я съ ужасомъ думаю, сколькихъ изъ этихъ молодцовъ уже не стало, сколькихъ ихъ скосила вѣроломная война, навязанная имъ германцами. Я думаю также, сколько писателей, какъ Поль Андрэ, Жоржъ Экгудъ, Анри Давиньонъ; поэтовъ, какъ Эмиль Верханъ, Жоржъ Марло, Огюстъ Вьерсэ, Тео Ганнонъ; художниковъ и скульпторовъ, какъ Эдмондъ Пикаръ, Ксавье Меллери, Фердинандъ Жоржъ Леммеръ, Анри Вотье; музыкантовъ, какъ Поль Жильсонъ, Эмиль Матье, баронъ Бюффенъ — я называю первыя, пришедшія мнѣ въ голову имена,— я думаю, сколькіе изъ нихъ, неожиданно сдѣлавшись солдатами, заплатили цѣной своихъ жизней за патріотическій огонь своихъ сердецъ. Тѣмъ не менѣе, какъ удивительно величіе духа этихъ измученныхъ, страдающихъ, умирающихъ съ голода бельгійцевъ, столпившихся вокругъ своего благороднаго короля и короловы и почти забывающихъ свои страданія передъ страданіями этой избранной четы, являющейся символомъ угнетенной, но не побѣжденной страны.

И какъ я страдаю, что не могу создавать хвалебнаго гимна, ибо мои губы скованы, мои мысли смѣшаны отъ ужаснаго зрѣлища варварскаго нашествія!

Но все это не въ силахъ сломить мою твердую вѣру въ скоро грядущее наступленіе славной и полной побѣды.

Съ сердцемъ полнымъ такой надежды, рукой дрожащей отъ волненія я пишу:

„Да здравствуетъ король Альбертъ! Да здравствуетъ королева Елизавета! Да здравствуетъ героическая и безсмертная Бельгія.

ЕПИСКОПЪ ЛУНДСКІЙ.

Среди неисчислимыхъ страданій и бѣдствій, причиной которыхъ явилась эта ужасная война, есть нѣчто поднимающее нашъ духъ. Ибо населеніе страны, вовлеченной въ войну, должно быть объединено. Тамъ не можетъ существовать раскола среди партій и классовъ, тамъ всѣ граждане составляютъ одно и, какъ одинъ, жертвуютъ всѣмъ, что можетъ потребоваться для спасенія чести своей родины.

Тотъ, кто стоитъ далеко отъ войны не можетъ вполнѣ оцѣнить, сколько страданій она уже причинила и сколько еще причинитъ, пока будетъ продолжаться. Чтобы понять весь этотъ ужасъ, надо жить день за днемъ

среди бѣдствій, потерь и испытаній. Но мы можемъ сочувствовать отъ глубины всего нашего сердца націямъ, которыя участвуютъ въ этой войнѣ. И больше всего Бельгія, повидимому, сильнѣе другихъ пострадавшей.

Мы безконечно привѣтствуемъ всякое усиліе, направленное къ тому, чтобы прекратить эту бойню.

СЭРЪ КАРРЮТЕРСЪ ГУЛЬДЪ.

Когда на судъ безпристрастныхъ историковъ предстанутъ событія ужасной войны, которая свирѣпствуетъ сейчасъ, самой доблестной страницей исторіи, безъ сомнѣнія, будетъ признана та, которая повѣствуетъ о благородномъ самопожертвованіи, совершенномъ мученицей-Бельгіей не только для того, чтобы защитить себя отъ безсовѣстнаго и жестокаго нашествія, но и для того, чтобы подтвердить священныя права на свою независимость и не сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ Германіи для выполненія ея низкихъ замысловъ относительно военнаго господства надъ Европой.

Война въ XX вѣкѣ, спустя 1914 лѣтъ со времени принятія человѣчествомъ христіанства, кажется чудовищнымъ поруганіемъ надъ цивилизаціей, но мы, англичане, не смотря на нашу ненависть къ войнѣ вообще, дума-

емъ, что христіанство было бы еще больше поругано, если бы мы не обнажили мечъ и не встали на защиту Бельгіи, ея героическаго монарха, ея отважнаго народа и вѣчныхъ принциповъ Справедливости и Чести.

ЭРЛЬ БРАССЕЙ.

Бельгійскій народъ можетъ быть увѣренъ, что мы, англичане, являемся его вѣрными друзьями. Мы глубоко сочувствуемъ его страданіямъ. Мы искренно жалѣемъ, что не успѣли раньше прійти къ нему на помощь. Мы цѣнимъ пламенный патріотизмъ бельгійцевъ и неустрашимую доблесть и храбрыхъ солдатъ. Мы питаемъ надежду, что недалекъ тотъ день, когда они получатъ достойную награду за свои тяжелыя потери и за свои жестокія жертвы.

ЭЛЛЕНЪ КЭЙ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Бельгія была плодородна и невыразимо прекрасна. Это была страна спокойно текущихъ рѣкъ, густыхъ лѣсовъ, широкихъ полей: красивыхъ во всякое время дня и величественныхъ, когда они окутываются золотымъ туманомъ заходящаго солнца. Это была страна замѣчательныхъ старыхъ городовъ, гдѣ звонъ колоколовъ радовалъ наши сердца и гдѣ великія

творенія искусства—старыхъ и новыхъ мастеровъ—наполняли душу радостью.

Теперь Бельгія полна страданій и горя. Садъ обращенъ въ пустыню. Громадное количество ея жителей умерщвлено; еще больше изгнано и находитъ пріютъ въ чужихъ странахъ. Для остальныхъ—начиная съ короля и кончая послѣднимъ нищимъ—жизнь является трагедіей слишкомъ глубокой для слезъ. Такая судьба постигла Бельгію, потому что міръ управляется еще силой, а не справедливостью.

Но имя Бельгіи запечатлѣно въ сознаніи всего міра. Человѣчество не можетъ знать покоя, видя судьбу этого народа. Эта судьба должна быть измѣнена или иначе мы станемъ свидѣтелями гибели нашихъ высшихъ идеаловъ, свидѣтелями гибели тѣхъ великихъ принциповъ, во имя которыхъ жили и умирали наши лучшіе мужчины и женщины, и мы должны предотвратить эту гибель, такъ же не щадя силъ, какъ если бы дѣло шло о защитѣ нашей собственной родины.

ЛЕОНАРДО БИСТОЛЬФИ.

Беликая жертва бельгійскаго народа освятитъ окровавленную землю, какъ алтарь, воздвигнутый руками Смерти во имя чистой и ненарушимой красоты Жизни.

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ СЭРЪ РОБЕРТЪ БАДЕНЪ-ПАУЭЛЬ.

Сравненіе Давида и Голіафа было бы слишкомъ шабланнымъ въ данномъ случаѣ, когда отважная маленькая Бельгія вступила въ бой съ чудовищемъ прусскаго милитаризма, но эта историческая борьба приходитъ всегда намъ на память, когда мирный, трудолюбивый и маленькій портной подвергается нападенію большого и толстаго бродяги. Сосѣди, которые изъ чувства жалости и справедливости приготовились броситься на выручку, а пока что стояли сзади и одобрительно покрикивали, не успѣли моргнуть глазомъ, какъ маленькій человѣкъ одинъ бросился на хвастуна, ударилъ его кулакомъ, далъ подъ ножку, свалилъ на землю и держалъ такъ, пока не прибѣжали на помощь. И сразу незначительный маленькій портной сдѣлался героемъ въ глазахъ всей деревни.

Есть двѣ вещи, которыя британцы, съ перваго до послѣдняго человѣка по самому своему характеру цѣнятъ больше всего. Это— Мужество и Честность. Поэтому они испытываютъ горячее и сильное сочувствіе къ маленькой націи, выступившей борцомъ за свободу противъ грубой, подавляющей силы.

АРМАНДО ПАЛАЦЦО ВАЛЬДЕСЪ.
СКАЗКА О КОРОЛѢ АЛЬБЕРТѢ.

Въ грядущія времена, въ долгіе зимніе вечера матери будутъ разсказывать своимъ дѣтямъ „Сказку о королѣ Альбертѣ“.

„Давно давно, дѣти, жилъ на свѣтѣ король, который правилъ маленькимъ, трудолюбивымъ, благороднымъ и доблестнымъ народомъ; король этотъ былъ благороднѣйшимъ изъ благородныхъ, храбрѣйшимъ изъ храбрыхъ. Близъ его страны жилъ страшный великанъ, который управлялъ большимъ, воинственнымъ народомъ. Этотъ великанъ держалъ всѣхъ въ страхѣ и ужасѣ. Онъ былъ могуществененъ и гордъ. Кромѣ того, у него была удивительная пушка, такой величины, какъ башня, съ помощью которой онъ могъ разрушить любую страну и обратить въ прахъ самые большіе города. Эта маленькая нація имѣла своимъ сосѣдомъ съ другой стороны богатое и счастливое государство, на которое давно покушался великанъ.

— Пропусти меня черезъ твои владѣнія,— сказалъ онъ однажды, храброму королю:—Я хочу побѣдить и поработить ту націю, которая живетъ около тебя. Если ты меня пропустишь, ты будешь богатъ; мы раздѣлимъ

съ тобой добычу, которую я возьму; многія области этой націи я отдамъ тебѣ. Если же ты меня не пропустишь, я сокрушу твой народъ, а тебя и всѣхъ твоихъ подданныхъ сдѣлаю рабами.

— Ты пройдешь только по нашимъ тѣламъ—отвѣтилъ доблестный король—Мой народъ самый счастливый на землѣ. Онъ любитъ свою промышленность, свои богатства, свои большіе города, свои прекрасные памятники, но честь свою онъ любитъ еще больше. Разрушенныя зданія можно снова отстроить, но если честь погибла, какъ ее можно возвратить? Держи при себѣ свои деньги; если тебѣ нужно еще, возьми у меня и у моего народа! Возьми наши жизни! Поработи насъ! Но ты не сдѣлаешь насъ подлыми!

Тогда жестокій великанъ напалъ на эту маленькую страну, разрушилъ ея города, сжегъ ея деревни, убилъ многихъ жителей и всюду посѣялъ горе и несчастье.

Доблестный король былъ лишенъ своихъ владѣній, но—удивительная вещь!—они только увеличились. Всѣ объявили себя его вассалами. Всюду, куда бы онъ ни приходилъ, его прославляли, какъ если бы онъ былъ торжествующимъ побѣдителемъ, женщины бросали въ него цвѣтами, мужчины махали шапками и кричали: „Да здравствуетъ король!"

Наконецъ окруженный горсточкой героевъ-солдатъ, онъ двинулся обратно въ свое королевство и началъ постепенно отбивать его у врага. Многіе помогали ему: одни — мечами, другіе — словами, третьи—молитвами. Небесные ангелы шли впереди него. И послѣ отчаянной и кровавой борьбы, наступая шагъ за шагомъ, онъ снова вернулъ свое потерянное королевство. Когда, наконецъ, онъ опять взошелъ на свой тронъ, весь міръ издалъ кликъ ликованія. Ибо справедливость восторжествовала, Божье слово было исполнено, а темныя силы—побѣждены.

Дѣти мои, король этотъ былъ потомъ долго счастливъ на землѣ, а теперь счастливъ на небесахъ".

Т. П. О'КОННОРЪ.

„Вы спасли Европу" таковы были первые слова, инстинктивно сорвавшіяся съ моихъ губъ, когда я встрѣтилъ моего друга Эдмонда де-Прелль изъ бельгійскаго посольства, вскорѣ послѣ начала войны; и эти слова до сихъ поръ все еще выражаютъ мои чувства и чувства милліоновъ англичанъ по отношенію къ роли, которую сыграла Бельгія въ великой трагедіи европейской войны. Восхваляйте храброе наступленіе французской арміи, вос-

хваляйте замѣчательное отступленіе французовъ и все таки вы опять вернетесь къ тому, что именно Бельгія встрѣтила и удержала первый натискъ германцевъ при ихъ нашествіи на западную Европу. Героическая защита Льежа и такая же героическая, упорная, отважная защита другихъ частей Бельгіи имѣла неисчислимыя послѣдствія для всего будущаго хода войны—для пріостановки германскаго наступленія, для сокрушенія честолюбиваго намѣренія германскихъ военноначальниковъ „позавтракать" въ Парижѣ—и, такимъ образомъ, дала возможность Франціи и Англіи приготовиться для встрѣчи германскихъ полчищъ, когда они двинулись на французскую территорію. Если Парижъ находится сейчасъ въ безопасности, если французскія и британскія войска неизмѣнно отбрасываютъ назадъ германцевъ, однимъ словомъ, если успѣхъ перешелъ на сторону союзниковъ, то именно Бельгіи принадлежитъ слава въ нанесеніи перваго и рѣшительнаго удара, повлекшаго за собой эти блестящіе результаты.

Героизмъ бельгійскаго сопротивленія тѣмъ больше, что между силами Бельгіи я ея могущественнаго врага существуетъ колоссальное неравенство; чѣмъ больше несоотвѣтствіе силъ, тѣмъ больше героизмъ. Для храброй

арміи сравнительно легко вступить въ бой съ такой же, равной по силамъ, арміей; но для войскъ, безконечно малыхъ по количеству выступить противъ гигантской арміи Германіи и завязать съ ней бой, это, какъ называютъ солдаты, безнадежное дѣло,—иначе говоря, такое предпріятіе, за которое возьмется только храбрѣйшій изъ храбрыхъ, и Бельгіи, какъ и Греціи въ дни ея былой борьбы противъ азіатскихъ ордъ, цивилизованный міръ будетъ вѣчно благодаренъ, а Льежъ будетъ помѣщенъ въ томъ же спискѣ, гдѣ и Фермопилы.

Европа и цивилизація безконечно должны Бельгіи за ея сопротивленіе Германіи; но я добавлю, что будущія поколѣнія бельгійцевъ станутъ благословлять своихъ предковъ за ихъ героическую борьбу, которая вознесла свободу и независимость Бельгіи на недоступныя высоты. И никогда уже ни одна держава, какъ бы она ни была могущественна, безсовѣстна и жестока, не осмѣлится вторгнуться въ предѣлы Бельгіи или попытаться уничтожить національное и независимое существованіе этой страны. Мужчины,—а также женщины и дѣти,—Бельгіи, которые погибли, кровью своей закрѣпили Божественное право Бельгіи на свою свободу и независимость.

ЛУИ КУПЕРУСЪ.

Къ Бельгіи, жертвѣ міровой трагедіи, отовсюду тянутся заботливыя материнскія руки, стремящіяся облегчить ея горькія страданія. Ея благороднымъ суверенамъ—королю Альберту и королевѣ Елизаветѣ—міръ кричитъ утѣшительныя слова: „Не отчаивайтесь, ибо рано или поздно справедливость и судьба отомстятъ за васъ".

СЭРЪ ДЖЕМСЪ БАРЪ.

Какъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые не смотрятъ на войну, какъ на сплошное зло, и которые думаютъ, что иногда для націи бываетъ полезно какъ бы очиститься ея огнемъ, я чувствую увѣренность, что такая прекрасная нація, какъ бельгійцы, еще побѣдитъ „германскую культуру" и съ помощью своихъ союзнаковъ раздавитъ ужасное чудовище, которое хочетъ править міромъ при помощи грубой силы. Война, несомнѣнно, играла важную роль въ эволюціи человѣческой расы, такъ же какъ и борьба за существованіе среди низшихъ организмовъ, существовавшихъ задолго до появленія человѣка на землѣ. И конечно, эта борьба въ той или другой формѣ еще будетъ продолжаться.

Тысячелѣтній міръ, какъ бы его ни понимали, скрытъ еще въ далекомъ будущемъ.

Безплодны надежды тѣхъ, кто думаетъ, что это послѣдняя великая война и что люди уже не будутъ изучать военнаго искусства. Это только желанный идеалъ, но онъ не можетъ быть достигнутъ, пока мы находимся еще на границѣ съ животной дикостью. Я надѣюсь, что правительства союзниковъ не попадутъ подъ вліяніе такихъ безсмысленныхъ идей, но будутъ считаться съ фактами и не позволятъ ввести себя въ заблужденіе лживыми заявленіями, которыя противорѣчатъ фактамъ и ложность которыхъ ясна для каждаго разумнаго человѣка.

Я давно уже предчувствовалъ, что между Великобританіей и Германіей произойдетъ борьба не на жизнь, а на смерть, но я никогда не думалъ, что это случится при столь благопріятныхъ, для моей страны, условіяхъ. И разъ эта борьба началась, долгомъ всѣхъ союзниковъ является создать такое положеніе вещей, при которомъ она не могла бы уже повториться. Для предупрежденія ея необходимо съ корнемъ вырвать гогенцолерновскій и габсбургскій царствующіе дома и на ихъ мѣсто поставить здравыхъ правителей. Необходимо изъять изъ власти нѣкоторыхъ мегаломаніаковъ возможность нарушать общій міръ.

„Германская культура“, проявившая себя въ Лувенѣ и во всей Бельгіи грабежомъ и разбоемъ, должна быть раздавлена и эта дикая порода сметена съ лица земли, но здѣсь встаетъ передъ нами неодолимое затрудненіе. Метерлинкъ говоритъ правду, что всѣ германцы виноваты и различаются только степенью своей вины, а вѣдь нельзя уничтожить сто милліоновъ, тѣмъ болѣе, что такая попытка унизила бы союзниковъ до уровня германскаго поведенія. Мы должны вести честную войну, которая не запятнала бы нашъ щитъ. Мы должны благородно побѣдить и заставить Германію отдать ея послѣдній грошъ, чтобы заплатить за войну, которую она такъ безжалостно вела. Мы должны уничтожить только худшихъ изъ варваровъ, этихъ коронованныхъ грабителей съ ихъ прусской военной бандой, проявившей себя столь позорно. Когда германцы поймутъ что безчестное поведеніе не приноситъ пользы, тогда мы увидимъ, вѣроятно, обновленную и улучшенную Германію.

Лично я ничего не имѣю противъ германскаго вліянія, если Германія дастъ лучшую расу, чѣмъ наша, но я не хочу подчиняться грубой силѣ. Я никогда не любилъ германскихъ методовъ, но я всегда отдавалъ германцамъ должное за ихъ упорство и способ-

ности. Къ несчастью мы все принимали на вѣру ихъ достоинства, судя по ихъ лицевой сторонѣ и не стараясь изучить ихъ настоящую внутреннюю подкладку. Германія давно уже не даетъ ни одного генія. Въ ней нѣтъ простора для проявленія своей индивидуальности, ея работа есть коллективная мысль ученыхъ средней руки. Она никогди не дарила намъ, да и не могла подарить, сверхъчеловѣка. Тамъ не было эволюціи высшей и благороднѣйшей природы человѣка. Ея раса не получила внутренняго толчка, какъ сказалъ бы Бергсонъ, который двигалъ бы жизнь все къ болѣе и болѣе совершеннымъ формамъ все къ высшимъ и высшимъ достиженіямъ. Тамъ не культивировался духъ альтруизма, этотъ высшій продуктъ человѣческой эволюціи, сказывающейся въ нашемъ сочувствіи къ нашимъ страдающимъ ближнимъ. Наоборотъ, злой и жестокій характеръ этихъ гунновъ такъ явно проявился въ франко-прусской войнѣ 1870 года, а въ настоящую войну сказывается въ еще большей степени. Германскій императоръ своимъ поведеніемъ равняется Атиллѣ „бичу Божьему“. Когда же о, Господи, когда же, наконецъ, будутъ уничтожены эти бичи? Вѣдь ихъ существованіе не необходимо для эволюціи міра. Богохульныя рѣчи этого монарха не могутъ имѣть боже-

ственной санкціи и не должны вводить въ обманъ и заблужденіе всѣ націи; единственное благотворное дѣйствіе, которое они могутъ оказать, это—разоблаченіе и уничтоженіе того, кто ихъ произноситъ.

Союзники уже проявили свою человѣчность и способность править, поэтому, мы не должны успокоиться съ пораженіемъ Германіи, съ утвержденіемъ мира и возстановленіемъ Бельгіи, но мы должны также возвысить тѣ расы, доброе вліяніе которыхъ несомнѣнно.

Мы должны создать здоровую, сильную мужественность и женственность, мужчинъ и женщинъ которые могли бы постоять за себя въ борьбѣ за жизнь съ любой другой націей—намъ нужно сильныхъ людей. Этого можно быстро достигнуть разумнымъ и искусснымъ подборомъ и та нація, которая дастъ утонченное, благороднѣйшее поколѣніе съ наиболѣе развитымъ интелектомъ, та нація первая достигнетъ цѣли. Бэконъ говорилъ: „То государство достигнетъ наибольшаго величія, у котораго всѣ мужчины будутъ военными". Онъ тогда не имѣлъ въ виду прусскихъ забіякъ. Со временъ Бэкона мы сдѣлались болѣе миролюбивыми. Нѣкоторые даже мечтаютъ о вѣчномъ мирѣ, совершенно забывая, что со времени перваго появленія жизни на землѣ шла постоянная, безпре-

рывная борьба и что самый вѣрный способъ сохранить миръ—всегда быть готовымъ къ войнѣ. Германія никогда бы не осмѣлилась напасть на союзниковъ, если бы они были достаточно подготовлены. Здоровье націи самая большая цѣнность и я хотѣлъ бы видѣть каждаго мужчину между двадцатью и шестидесятью годами способнымъ владѣть винтовкой и штыкомъ и если потребуется стать на защиту своей родины.

Король Альбертъ является достойнымъ правителемъ господствующаго народа и я надѣюсь что онъ долго будетъ жить и править своей самоотверженной и благородной націей.

ЭММЕЛИНА ПАНКХЭРСТЪ.

Женщины Великобританіи никогда не забудутъ сдѣланнаго Бельгіей для тѣхъ цѣнностей, которыя считаются всѣми женщинами самыми высокими.

Придетъ время и матери будутъ разсказывать своимъ дѣтямъ, какъ маленькая, но великая нація билась до смерти противъ безчисленныхъ полчищъ и принесла въ жертву все, что имѣла, чтобы спасти міръ отъ невыносимой тираніи.

Исторія защиты бельгійскимъ народомъ своей свободы будетъ вдохновлять безчисленныя грядущія поколѣнія.

ЭДМУНДЪ ГОССЪ. БЕЛЬГІЙСКІЕ ПОЭТЫ.

Какъ привидѣнія въ Макбетѣ, сокровища, то появляясь, то исчезая, кровавой чередой проходятъ передъ моими глазами искусства и науки, и храмы Бельгіи и обвиняютъ своихъ убійцъ въ подлой и вѣроломной обидѣ. Я буду говорить объ одномъ изъ этихъ призраковъ. Въ то время, какъ остальные призываютъ месть на голову Германіи за другія преступленія, я буду говорить съ гнѣвомъ и болью о загубленной ею бельгійской литературѣ. Какъ это ни невѣроятно, литература, эта часть фантазіи націи, можетъ быть убита. Послѣ битвы при Бѣлой горѣ, цвѣтущая и геніальная литература Бельгіи была уничтожена австрійцами и вотъ уже 150 лѣтъ, какъ лежитъ обращенная въ пепелъ. Такова-же была-бы судьба поэзіи и прозы Нидерландовъ, если-бы Германіи удалось выполнить свое жестокое намѣреніе; и хотя неизбѣжный часъ возстановленія не заставитъ себя ждать, въ настоящій моментъ врагу Бельгіи почти удалось заставить замолчать голосъ ея литературы. Если и нельзя сказать, что Германія совершенно заглушила этотъ голосъ, то во всякомъ случаѣ она развѣяла его по вѣтру; если онъ еще и звучитъ, то только, какъ жалобный ропотъ изгнанниковъ.

Новѣйшая литература Бельгіи — созданіе нашей эпохи.

Она начинается съ 1880 г., когда группа молодыхъ людей, во главѣ съ Максомъ Валлеромъ, имя котораго заслуживаетъ уваженія, какъ имена всѣхъ предтечъ, создала новое литературное направленіе. Валлеръ началъ издавать журналъ „La jeune Belgique", въ которомъ самые блестящіе изъ его современниковъ, утомленные ничтожествомъ интеллектуальной жизни предыдущей эпохи, развивали мысли и формы выраженія, въ которыхъ впервые отражались эмоціи, свойственные только Фламандскому темпераменту.

Они писали на французскомъ языкѣ и всегда тяготѣли къ латинскому духу, хотя тщательно избѣгали денаціонализаціи и не теряли горячаго и мистическаго характера, свойственнаго ихъ родной націи. Менѣе чѣмъ въ 35 лѣтъ Бельгія стала во главѣ Европейской литературы. Здѣсь ни время и не мѣсто анализировать и описывать достиженія бельгійской литературы. Но каждому ясно, что наибольшихъ высотъ она достигла въ поэзіи. Въ нѣсколькихъ словахъ, которыя я буду имѣть честь сказать здѣсь, я попытаюсь лишь выразить мое преклоненіе передъ братьями-поэтами Бельгіи. Двое изъ нихъ, по милости Провидѣнія, своей ранней смертью,

были избавлены отъ участи испить горькую чашу. Мы почтительно называемъ имя вождя этой блестящей плеяды, вдохновеннаго Шарля Ванъ-Лерберга; его перо всегда купалось въ лунномъ свѣтѣ; а его эфирный геній превращалъ въ стихи все, что было въ тончайшей гармоніи съ духомъ старыхъ фламандскихъ иллюминатовъ, картины Рая которыхъ кажутся написанными вдохновеннымъ монахомъ на чистомъ листкѣ требника.

Мы называемъ другое имя — Жоржа Роденбаха, въ которомъ меланхолія Фландріи, и главнымъ образомъ задумчивая красота Брюгге, нашла такого нѣжнаго выразителя.

Но живущимъ мы въ особенности приносимъ наше почтительное и взволнованное сочувствіе. Они изгнаны изъ своихъ домовъ, ихъ книги разсѣяны, ихъ рукописи сожжены, они какъ прекрасные листья закружились въ ураганѣ поднятомъ тевтонскими богами войны.

Мы привѣтствуемъ благороднаго Эмиля Верхарна, лучшаго изъ живущаго нынѣ поэтовъ Европы. Въ немъ религіозная углубленность Бельгіи, отличная отъ мистицизма нашла своего выразителя.

Но этимъ не ограничивается содержаніе его разнообразныхъ и выдающихся произведеній выражающихъ кромѣ того и цѣлый національныхъ чертъ. Если-бы мы захотѣли

понять жизнь и душу Бельгіи, toute la Flandre, мы должны были-бы обратиться за указаніями къ этому вдохновенному и многогранному уму. 35 лѣтъ тому назадъ три молодыхъ человѣка, тогда еще студенты коллэджа Sainte Barbe въ Гентѣ, рѣшили посвятить свои жизни созданію поэтической драмы въ Бельгіи: это были Ванъ Лерберге, Ле Руа и и Морисъ Метерлинкъ. Весь міръ находится подъ обаяніемъ Мориса Метерлинка. Одинъ восхищенный парижанинъ, не совсѣмъ остроумно назвалъ его Бельгійскимъ Шекспиромъ. Это невѣрно, онъ — одинъ и единственный бельгійскій Метерлинкъ.

Сочувственно привѣтствуемъ мы и другія имена менѣе всемірно-извѣстные. Брюссель— родина Андре Фонтена, очарованные сады котораго похожи на фонъ картинъ Рубенса. Максъ Ельскампъ изъ Антверпена, создалъ идилліи мирной Фландріи. Не забудемъ еще, что Льежъ далъ намъ нѣжнаго и трепетнаго Альберта Мокеля, а Лувенъ, до послѣдняго часа своей гибели, гордился законченнымъ талантомъ Альберта Жиро.

Если я не называю другихъ именъ, то лишь по недостатку мѣста и незнанію.

Мы протестуемъ не только за эти великія имена, но и за всю интеллектуальную культуру Бельгіи, такую цвѣтущую и полную

жизни какихъ-нибудь два мѣсяца тому назадъ, а теперь попранную и раздавленную, какъ осенняя роза подъ копытомъ тупого быка.

АНДРЮ КАРНЕДЖИ.

Бельгійцы оказались достойными своихъ предковъ, о которыхъ еще Юлій Цезарь сказалъ: Omnium fortissimi sunt Belgae. Король Альбертъ доказалъ, что онъ обладаетъ храбростью, которую Фарквaръ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

Отвага—давный даръ, сгибаться презираетъ
Предъ низкимъ замысломъ—залогомъ грязныхъ дѣлъ,
Съ Престола Неба къ намъ она слетаетъ,
Лишь ею духъ высокъ и одиноко-смѣлъ.

УИЛЬЯМЪ КАНТОНЪ.

Произошло въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ,—будетъ жить вѣка,—одно изъ славнѣйшихъ историческихъ событій: въ этой мiровой войнѣ одна маленькая нацiя, неустрашимая и неподкупная, рискуя громадными потерями, приняла на себя первый ударъ великой державы и остановила ее голыми руками. Она была раздавлена тяжестью дикихъ полчищъ; ея цвѣтущіе города, ея деревни, ея плодородныя поля были опустошены, залиты кровью,

сожжены; но она одиноко продолжала биться, съ неослабѣвающей вѣрой: она не была побѣждена. Ея несчастія даже сдѣлались матеріальными и моральными побѣдами; плодомъ ея безумной храбрости явился гигантскій боевой фронтъ союзниковъ, отъ моря до Вогезовъ. Каждая капля крови, пролитая Бельгіей, свидѣтельствуетъ передъ небесами; является защитой человѣческихъ идеаловъ свободы, справедливости, милосердія, чести, рыцарства; взываетъ къ совѣсти всего христіанскаго міра. А каждое насиліе пьяныхъ, грязныхъ берлинскихъ полчищъ кричитъ объ отмщеніи. Нашъ матеріальный долгъ Бельгіи—громаденъ; нашъ нравственный — неисчислимъ. И не только нашъ,—но и всего міра.

Передъ моими глазами встаетъ героизмъ старыхъ дней — Леонидъ при Фермопилахъ, Бэрнотъ, защищающій Блэкуотерскій бродъ подъ Мальдономъ, швейцарскіе крестьяне, вооруженные дубинами и камнями, при Моргартенѣ. Они всѣ блѣднѣютъ передъ этимъ маленькимъ народомъ, у котораго даже женщины и дѣти—герои. Я вижу ихъ Короля въ траншеяхъ, дѣлящаго опасности и трудности боевой жизни вмѣстѣ со своими товарищами по оружію и воодушевляющаго ихъ своей бодростью и неустрашимостью. И я вижу другого монарха, безумно мечащагося съ

фронта на фронтъ подъ прикрытіемъ флага Краснаго Креста и спящаго ночью, если онъ *можетъ* спать, въ громадной желѣзной клѣткѣ, охраняемой уланами и отрядомъ авіаторовъ.

Его желѣзная клѣтка! Эти слова вызываютъ во мнѣ другое воспоминаніе. Изъ далекаго прошлаго я слышу голосъ болѣе великаго царя, испуганнаго ночнымъ сновидѣніемъ:

Се святой стражъ сошелъ съ неба; онъ громко кричитъ, онъ говоритъ такъ: Сруби дерево и срѣжь его вѣтви; сорви его листья и разбросай его плоды; прогони звѣрей изъ-подъ него и птицъ съ его вѣтвей.

Однако, оставь его корневище въ землѣ, окруживъ даже его обручемъ изъ желѣза или мѣди, средь нѣжной травы; и дай ему ороситься небесной росой; и обмѣни его сердце, и вложи въ него сердце звѣря; и семь разъ пройди надъ нимъ.

Такіе же святые стражи и теперь смотрятъ съ облаковъ. Конечно ни одинъ человѣкъ, каковы бы ни были его миролюбіе и ужасъ передъ войной, не согласится ни съ какимъ инымъ исходомъ этого ничѣмъ не вызваннаго и варварскаго нашествія, какъ только съ

„борьбой до конца“, и когда трибуналъ націй засядетъ въ судилищѣ, пусть ни жалость, ни высшія политическія соображенія, ни дипломатическая цѣлесообразность, ни родственныя связи не удержатъ руки правосудія и возмездія.

Что сказать объ этой несчастной націи, обреченной на изгнаніе? Что нужно объ ней сказать? Ея судьба наполняетъ сердца всѣхъ горемъ и печалью. Эти бездомные мужчины, женщины и дѣти, въ буквальномъ, полномъ горькаго значенія, смыслѣ являются нашими братьями и сестрами по крови. Вся матеріальная помощь, какая имъ понадобится, будетъ дана имъ съ радостью и благодарностью. Но имъ нужно еще и укрѣпленіе ихъ духа восхищеніемъ, почестями и силой личной любви.

Придетъ новая весна для опустошенной страны; новые города и деревни вырастутъ на мѣсто старыхъ. Не надо слишкомъ оплакивать великое и прекрасное искусство, которое погибло,—оно живетъ на небесахъ и въ памяти людей. А мертвые—плачьте о нихъ, но съ гордымъ сознаніемъ, что они пали за то, что дѣлаетъ нашу жизнь достойной.

О Король! О народъ! надъ твоей страной раздается звонъ великаго колокола, болѣе

сильнаго, чѣмъ труба Роланда: это—колоколъ вѣчной справедливости и права, гласящій, что „Страна побѣдила“.

АНТОНІО МАСІЕЙРА.

И разсудишь тогда, что лучше; Быть Королемъ всего міра или Королемъ такого народа.

Камоенсъ. Лузіада, пѣснь I. 1. 10.

„Варварство, умноженное наукой“, какъ назвалъ, съ чисто-научной краткостью, М. Бутру германское поведеніе, причинило смертельные муки великому народу маленькой страны. Эти „цивилизованные варвары“, презирающіе торжественные договоры, послѣ неудачной попытки подкупа, стали убивать, жечь и грабить маленькій промышленный народъ, не испытывающій никакихъ честолюбивыхъ стремленій, не дающій никому повода для ненависти и самъ никого не ненавидящій,— однимъ словомъ, народъ, насиліе надъ которымъ ничѣмъ не можетъ быть оправдано.

Ничто не могло удежать Германію,—ни долгъ человѣчности, ни простая жалость, ни эстетическое чувство.

Изъ ужасной трагедіи, глубоко ранившей всѣ сердца, способныя къ состраданію, мы

можемъ почерпнуть замѣчательный урокъ высочайшей доблести; внимать ему,—значитъ разрывать свое сердце болью,—думать объ немъ,—значитъ чувствовать величайшее и сильнѣйшее восхищеніе, смѣшанное съ благодарностью.

Великая ты Бельгія, какъ въ мирѣ, такъ и въ войнѣ! Героическая нація, остановившая молотъ занесенный надъ головой Франціи! Стонущая подъ гнетомъ страданій, причиненныхъ величайшей несправедливостью!

Благословляемая всѣми, кто любитъ свободу, кто поклоняется красотѣ мыслей и формъ твоего искусства!

Германія не побѣдила Бельгію, ибо нельзя побѣдить народныхъ страданій: благодаря имъ нація дѣлается еще сильнѣе.

Бельгія тамъ, гдѣ находится ея отважный Король; Бельгія тамъ, гдѣ ея Королева, странствующая по своему королевству, вмѣстѣ съ его героическими защитниками.

И если, во время войны, когда ея поля опустошены, ея памятники разрушены, а ея народъ изгнанъ изъ своихъ домовъ, Бельгія любима, уважаема и сильна, то когда наступитъ миръ, а это должно быть скоро, она останется какъ образецъ для всѣхъ націй, сражающихся за свою честь, за свою независимость, за великое дѣло человѣчества.

Гражданинъ славной страны, любящій родину, какъ свою собственную плоть и кровь! Республиканецъ сердцемъ и мыслью! Тебѣ, храброму представителю храбраго народа должна быть воздана честь и хвала, и, я надѣюсь, португальская нація это докажетъ вскорѣ на дѣлѣ.

ДЖОРДЖЪ Г. ПЕРЛЕЙ: (ПРЕДСТАВИТЕЛЬ КАНАДСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВЪ ЛОНДОНѢ).

Честь и хвала безграничной храбрости бельгійцевъ и ихъ доблестнаго Короля! Они дали міру самый блестящій примѣръ того, какъ маленькая нація можетъ биться противъ подавляющихъ силъ врага, защищая свою родину и вѣчные принципы свободы. Мы никогда не сможемъ отплатить имъ за ихъ ужасныя жертвы, но нашъ долгъ какъ можно скорѣе выгнать врага изъ Бельгіи и наказать его за безжалостное нашествіе и дикія разрушенія.

СЭРЪ Е. РЭЙ ЛАНКЕСТЕРЪ.

Я считаю за высокую привилегію—разрѣшеніе выразить Его Величеству Королю Альберту и героическому народу Бельгіи мое искреннее восхищеніе ихъ несравненной доблестью. Съ безпримѣрной въ исторіи, хра-

бростью и самоотверженностью, всего нѣсколько недѣль тому назадъ, они остановили вѣроломное нашествіе германскихъ ордъ на ихъ страну—подвигъ, благодаря которому низкіе замыслы врага Европы противъ Британіи и нашей союзницы—Франціи были сокрушены. Варварскія жестокости, въ которыхъ германцы срывали свой гнѣвъ на Бельгіи за неудачу своихъ плановъ, наполнили сердце каждаго британца желаніемъ облегчить страданія бельгійцевъ и заставить Вильгельма Прусскаго заплатить дорогой цѣной за его невыразимую жестокость.

Все человѣчество прославляетъ другого человѣка, человѣка достойнаго имени Короля. Короля, сражающагося бокъ-о-бокъ со своимъ народомъ, готоваго скорѣе отдать свою жизнь, чѣмъ потерять честь, скорѣе умереть, чѣмъ принять позорныя предложенія германскихъ воякъ. Мое знаніе Бельгіи и дружба съ ея народомъ начинаются съ того времени, когда я, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, увлекаемый геологіей, посѣтилъ раскопки близъ Антверпена, когда строились его новыя укрѣпленія и былъ принятъ какъ гость въ зданіи Лувенскаго университета, великимъ натуралистомъ профессоромъ П. Ванъ Бенеденомъ. Его сынъ, юноша моихъ лѣтъ, сдѣлался моимъ близкимъ другомъ. Позже, когда Эду-

ардъ Ванъ Беденъ сдѣлался профессоромъ Льежскаго университета и стяжалъ міровую извѣстность благодаря своимъ открытіямъ въ біологіи, я пріѣзжалъ къ нему въ Льежъ, а онъ, въ свою очередь, былъ моимъ гостемъ въ Оксфордѣ и въ Лондонѣ. У меня было много друзей среди бельгійскихъ натуралистовъ—и я имѣю честь состоять даже иностраннымъ членомъ бельгійской Королевской Академіи наукъ. Поэтому мое восхищеніе и любовь къ бельгійской націи родились не только сейчасъ, но я являюсь ихъ старымъ и вѣрнымъ другомъ, который хорошо знакомъ со славой старой Фландріи и съ великими достиженіями ея сыновъ въ наукѣ и искусствѣ.

Я осмѣливаюсь принести дань моего восхищенія и уваженія Королю Альберту и его народу, какъ человѣкъ, который знаетъ и любитъ непобѣдимый духъ, и непоколебимую вѣрность свободной и независимой бельгійской націи.

ИЗРАЭЛЬ ЗАНГУИЛЬ. (Глава сіонизма). ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ.

Благодаря письмамъ одного молодого морского офицера я до нѣкоторой степени получилъ возможность судить о томъ, какъ „Британія правитъ морями“. Истинное мѣ-

стонахожденіе ея трезубца остается тщательно скрытымъ—даже названіе судна удалено съ почтовой бумаги—но и тѣхъ немногихъ свѣдѣній, которыя я получилъ достаточно, чтобы понять величіе и безуміе человѣчества. Тамъ идетъ жизнь напряженная и возбужденная до послѣдней степени, жизнь каждую минуту готовая перейти въ смерть, если взорвется какая-нибудь подводная мина. Каждый спитъ не раздѣваясь причемъ полночи не спитъ совсѣмъ. Кромѣ самого необходимаго съ ихъ громаднаго судна, удалено все. Зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ тонуть многимъ хорошимъ вещамъ, если тонуть все равно неизбѣжно?

Иногда напряженіе вѣчнаго ожиданія ослабѣваетъ, смѣняясь другимъ напряженіемъ. Начинаютъ искать смерти, вмѣсто того чтобы ждать ее. Происходитъ напримѣръ, схватка съ германскимъ крейсеромъ, и всѣ тѣ, которые не заняты у орудій, собираются на верхней палубѣ, чтобы слѣдить, со свойственной британцамъ любовью къ спорту, за происходящимъ поединкомъ. Они сравниваютъ пальбу, считая число выстрѣловъ своего и вражескаго судна.

Но ничто не произвело на меня такого неизгладимаго впечатлѣнія, какъ то, что мой молодой другъ—морякъ читаетъ, въ свободное

отъ вахты время, не какія нибудь разоблаченія о Бисмаркѣ, но—„Потерянный рай“. Въ первый разъ у него явилось желаніе прочесть этотъ замѣчательный эпосъ съ начала до конца и онъ съ головой погрузился въ красоты Мильтона. Такимъ образомъ среди необъятныхъ, бѣлыхъ водъ, подъ жужжанье шрапнелей, онъ нашелъ для себя спокойный Рай прекрасныхъ словъ и дивныхъ картинъ, и онъ существуетъ для него, не смотря на напряженную и трагическую дѣйствительность. И какое чтеніе можетъ болѣе подходящимъ, чѣмъ этотъ эпосъ.

Of man's first disobediance and the fruit
Of that forbiden tree whose mortal taste
Brought death into the world and all our woe?

Дѣйствительно, первое что случилось послѣ того, какъ Рай былъ потерянъ, было убійство; и эта братоубійственная борьба Авеля и Каина повторяется въ каждомъ поколѣніи придавая фразѣ „братство людей“ зловѣщее значеніе. Но иногда, на протяженіи всей исторіи, столько милліоновъ братьевъ не выступали на бой, братьевъ, готовыхъ пронзить другъ друга сталью и уничтожить дьявольскими снарядами, какъ въ двадцатомъ вѣкѣ христіанской эры.

Каковы бы ни были наши мнѣнія о злѣ и добрѣ борьбы, одно совершенно ясно: оружіе зло. Мой молодой другъ съ утонченнымъ

умомъ, восхищающійся красотами Мильтона, не долженъ быть уничтоженъ кускомъ тупого метала. Нельзя разбивать Севрскую вазу камнемъ. Разбейте ее китайской вазой и это будетъ битва красоты. На всѣхъ языкахъ вы найдете одно ужасное выраженіе—„пушечное мясо“. Оно подразумѣваетъ, что масса, такъ тупы по своему существу, такъ примитивно—грубы и низки, что лучшее употребленіе изъ нихъ--подставлять ихъ подъ орудія, какъ заслонку для высшихъ класовъ. Но, хотя и грубо, эта фраза все таки говоритъ правду, — для тѣхъ, кто вышелъ уже изъ первобытнаго состоянія, борьбы при помощи зубовъ и когтей совершенно устарѣла.

Войну, если она вообще должна существовать, намъ надо вести оружіемъ болѣе соотвѣтствующимъ достоинству человѣка, съ такимъ трудомъ проложившаго себѣ дорогу сквозь грязь животныхъ импульсовъ. Не для человѣка—ядовитая слюна змѣи и клыки тигра. А орудійный снарядъ—только плевокъ смертельной слюной, штыкъ — только болѣе свирѣпый зубъ. Не стоило человѣку выходить изъ животнаго состоянія для того только, чтобы сила его мысли дѣлала его еще болѣе грубымъ животнымъ. „Человѣкъ при орудіи“,—15-ти дюймовомъ орудіи, выбрасывающемъ тонну металла на разстояніе 12-ти

миль,—ужаснѣе и страшнѣе всякаго животнаго доисторической эпохи и то, что онъ не сохраняется въ какомъ нибудь музеѣ, какъ птеродактилъ, является невыносимымъ анахронизмомъ. Міръ, въ которомъ цѣлое собраніе поклонниковъ Мильтона, можетъ быть уничтожено однимъ движеніемъ лапы такого животнаго, долженъ исчезнуть. Нѣтъ, если ужъ необходима борьба, пусть мой молодой другъ будетъ биться съ поклонниками Ницше— пусть чистыя линіи пуританскаго поэта смѣшаются съ безформенными эскадронами языческаго дифирамбиста. Умъ противъ ума; душа противъ души, мысль противъ мысли, искусство противъ искусства, однимъ словомъ, человѣкъ противъ человѣка—такова будетъ война будущаго. Если бы мой молодой другъ былъ человѣкомъ науки, его заставляли-бы бодрствовать не германскія торпеды, а германскіе ученые трактаты: будь онъ просто портнымъ, онъ не перемѣнилъ бы свой аршинъ на копье, но при помощи добрыхъ старыхъ ножницъ затмилъ-бы германскаго портного.

Англо-германское соревновеніе уже давно велось такимъ цивилизованнымъ путемъ и германцевъ побѣждалъ на всемъ фронтѣ. Его терпѣніе, его промышленность, его прекрасное знаніе своихъ покупателей всюду устра-

няло англичанина. Передъ его музыкой британцевъ преклонялся; его драма совершала среди насъ побѣдное шествіе. Почему Германія не удовольствовались побѣдной кампаніей, кампаніей достойной имени человѣка? Германское вліяніе, германская культура—распространялась миромъ, а не мечомъ, Мнѣ напримѣръ, маленькіе города, какъ Мюнхенъ, Дрезденъ, съ ихъ искусствомъ, казались образцами цивилизаціи. Зачѣмъ Германіи понадобилось низвести міръ до низшей ступени животнаго состоянія? Только низшія рассы нуждаются въ мечѣ. Турки должны были управлять желѣзными батогами—они признавали силу, а не право. Но огонь потухаетъ, кровь высыхаетъ, и лишь сила духа вѣчна.

Фатальная ошибка Германіи — непониманіе собственнаго величія! Гордая своей псевдо-философіей, она повторила непослушаніе перваго человѣка на землѣ,—она не вняла гласу Бога, она соблазнилась низкими нашептываніями Змія. И пока человѣкъ не станетъ прислушиваться кь болѣе истинному философу, чѣмъ Тречке, къ царю мира, онъ не вернетъ себѣ потеряннаго Рая.

ОГЮСТИНЪ БИРЕЛЬ.

Когда меня, впервые, просили написать что нибудь въ этой книгѣ, мнѣ показалось весьма печальной задачей сѣсть и набросать нѣсколько фразъ о преступленіи, столь гнусномъ, столь ужасномъ и совершенномъ на нашихъ глазахъ, какъ нашествіе на мирную и благоденствующую Бельгію. Проливать чернила едва-ли соотвѣтствуетъ такому событію—не перья, но пики стали девизомъ нашихъ дней. И всетаки кто не постарается сдѣлать все что въ его силахъ, чтобы облегчить великія бѣдствія и мучетельныя страданія?

Однажды, когда я пріискивалъ, въ компаніи со своими друзьям, въ Ирландіи помѣщеніи для временнаго пребыванія бельгійскихъ бѣженцевъ, мое вниманіе остановилось на обширномъ, прочномъ и къ счастью наполовину пустомъ работномъ домѣ, съ большой столовой и высокими свѣтлыми спальнями. Вдругъ я замѣтилъ стараго, но еще бодраго, бѣдняка, стоящаго около и прислушивающагося къ нашей бесѣдѣ; онъ опирался на вилы. Узнавъ въ немъ законнаго притязателя на помѣщеніе, я выразилъ ему надежду, что онъ окажетъ на нѣсколько дней широкое гостепріимство бѣдныхъ изгнанникамъ, пока для нихъ не будетъ готово другое помѣщеніе. Старикъ со страстностью отвѣтилъ, что онъ

только и ждалъ, чтобы ему представилась эта великая возможность. Его отвѣтъ, мнѣ кажется, касается всѣхъ насъ.

Бельгія только что достигла полноты своего развитія, когда на нее обрушилось это ужасное бѣдствіе. Въ торговлѣ и промышленности она уже создала себѣ великое имя. Ея желѣзо и ленъ сдѣлали ее опасной для Бирмингама и необходимой для Бельфаста и всюду гдѣ цѣнятся дешовые торговые договоры, честно исполняемые, имя Бельгіи высоко стояло во мнѣніи людей. Но не только въ промышленности, а и въ царствѣ мысли и духа, Бельгія быстро заняла первое мѣсто, соперничная съ Франціей и почти совершенно затмевая Германію· Ея артисты, поэты, писатели, философы, теологи, также такъ ученые и математики, создали Бельгіи выдающееся положеніе среди другихъ націй.

Но какъ чудесно дѣйствіе этой катастрофы на духъ Фландріи! Кровь и слезы—могущественные ингредіенты въ развитіи человѣчества и можетъ быть, некогда, тѣ, которые родятся послѣ этой кровавой эпохи, будутъ видѣть въ великихъ твореніяхъ новаго Фламандскаго искусства и литературы слѣды героической рѣшимости и невѣроятнаго терпѣнія въ перенесеніе жестокихъ страданій, восхищенными свидѣтелями которыхъ являемся сейчасъ мы.

МЭРИ ЧЭМЛИ ПОЛИДОРЪ ВЪ АНГЛІИ.

Когда Полидоръ прибылъ къ намъ, онъ былъ не одинъ, съ нимъ были Несторъ Марія, Рене, Ахиллъ и несчастный Жанъ который вовсе и не былъ солдатомъ, но былъ раненъ когда помогалъ въ траншеяхъ.

Всѣ они были, такъ сказать, только фономъ для Полидора. Полидоръ неизмѣнно первымъ бросался въ глаза, съ того самаго момента, когда завѣдующій отрядомъ Краснаго Креста препроводилъ его и его товарищей къ намъ. Полидоръ первый приблизился къ намъ, въ то время какъ остальные составляли группу сзади него. Полидоръ, смуглый, съ круглыми сѣрыми глазами, ничего не удивляющійся, съ перваго же момента сдѣлался какъ бы представителемъ всей компаніи, переводчикомъ и знатокомъ въ дѣлахъ этикета. Вѣроятно онъ чувствовалъ за собой право на такое положеніе, такъ какъ только онъ одинъ былъ одѣтъ въ полную бельгійскую форму. Темно-синяя куртка, просторныя легкіе синіе брюки и остроконечная шапочка. Несторъ Марія и Ахиллъ носили англійскіе „sweaters" *) и синіе брюки. У Жана, конечно не было формы; одѣтъ онъ былъ въ дешевый

*) Sweater—теплая фуфайка.

англійскій костюмъ, нѣсколько узкій въ таліи. Ни у кого у нихъ, кромѣ Полидора, не было остроконечной шапочки. Но всѣ пятеро были закутаны въ длиннѣйшія шерстяныя кашне.

Всѣ они были серьезно ранены и препровождены къ намъ на поправку изъ госпиталя въ Е—.И, хотя Рене и Ахиллъ, сильно хромали, они не теряли веселаго расположенія духа, и были веселы не менѣе, чѣмъ Несторъ Марія и самъ Полидоръ. Только одинъ Жанъ никогда не улыбался и почти не разговаривалъ. Онъ не имѣлъ никакихъ вѣстей о своей старухѣ-матери, о которой онъ послѣдній разъ слышалъ въ Остендѣ.

Наши гости не принесли съ собой никакого багажа, кромѣ пачки англійскихъ художественныхъ открытокъ, подаренныхъ Полидору въ госпиталѣ и одной трубки на всѣхъ пятерыхъ.

Я не знаю почему, но они слѣпо исполняли велѣнія Полидора. Когда они ложились спать, онъ приказывалъ имъ влѣзать подъ тщательно подоткнутыя одѣяла сверху, не открывая ихъ сбоку.

Это было, конечно, не легко для хромыхъ— Рене и Ахилла, тѣмъ не менѣе они это безропотно исполняли. Спустя два дня послѣ ихъ, прибытія, Полидоръ вѣжливо спросилъ,

какъ долго имъ придется пить за завтракомъ наше ужасное англійское лѣкарство. Это относилось къ крѣпкому чаю, которымъ мы ихъ поили. Когда, вмѣсто чая, имъ было предложено кофе, ихъ лица засіяли улыбками. Даже Жанъ признесъ по фламандски два—три слова, означавшія, вѣроятно одобреніе.

Единственной вещью, удивлявшей даже Полидора, была сѣнокосильная машина работающая на нашемъ лугу. Она, очевидно, ихъ поражала, такъ какъ имъ никогда не надоѣдало смотрѣть на эту мишину. Я думаю имъ все таки весьма наскучила-бы англійская деревенская жизнь, если-бы не Доукинсъ. Доукинсъ тоже только что выбылъ изъ госпиталя и жилъ въ домѣ своей матери въ деревнѣ. Бравый, съ солдатско выправкой, онъ часто заходилъ навѣщать своихъ союзниковъ. То что они говорили на разныхъ, языкахъ, не представляло большого затрудненія. Немедленно налаживалась пріятная бесѣда и Полидоръ съ Доукинсономъ, сопровождаемые остальными, отправлялись гулять.

Доукинсъ вводилъ товарищей въ кругъ своихъ знакомыхъ, навѣщая вмѣстѣ съ ними всѣ коттэджи деревни.

Когда Полидоръ узналъ насъ ближе, онъ сталъ разсказывать о сраженіяхъ въ Бельгіи,

въ то время какъ остальные, усаживаясь вокругъ него, образовывали нѣчто вродѣ хора. Съ безстрастнымъ лицомъ, онъ разсказывалъ, какъ однажды, когда плотины были взорваны, германцы, потерявъ всѣ свои орудія, принуждены были влѣзать на деревья, гдѣ ихъ брали въ плѣнъ цѣлыми массами.

Но онъ и его товарищи разсказывали и другіе случаи, слишкомъ ужасные, чтобы описывать ихъ здѣсь. Свидѣтелями ихъ были и Полидоръ и Рене и Ахиллъ—и, когда они вспоминали эти случаи, ихъ безстрастные лица начинали темнѣть, ихъ глаза загорались мрачнымъ блескомъ. Мы сейчасъ же отвлекли ихъ отъ этой темы и упрашивали Полидора еще разъ повторить разсказъ о скверной стрѣльбѣ германской пѣхоты. Намъ сейчасъ же наглядно показывалось, какъ плохо стрѣляли германцы. А, затѣмъ, Полидоръ вытаскивалъ Рене, заставляя его встать передъ собой, хватался рукой за вторую пуговицу голубой куртки Рене и объяснялъ намъ, что бельгійскій солдатъ, стрѣляя во врага, всегда попадаетъ въ это мѣсто, всегда— въ грудь.

Наши бельгійцы пробыли у насъ всего нѣсколько недѣль. Они совершенно поправились, а ихъ родина призывала ихъ. Доукинса послали въ дѣйствующую армію въ

тотъ же день, когда ѣзжали и они. Въ послѣдній разъ я видѣла Полидора, когда онъ высунулся изъ окна вагона третьяго класса вмѣстѣ съ Доукинсомъ, махая намъ своей остроконечной шапочкой, въ то время какъ остальные тѣснились сзади него. Передъ ихъ отъѣздомъ мы навели справки и узнали, что мать Жана была въ безопасности въ Alexandra Palace, со всѣмъ своимъ багажомъ — пятью пакетиками кофе.

Итакъ, прощайте Полидоръ, Несторъ Марія, Рене, Ахиллъ и Жанъ. И дай Богъ вамъ всякаго счастья!

КАРДИНАЛЪ — АРХІЕПИСКОПЪ ПАРИЖА.

Отъ всей души приношу хвалы мужественной Бельгійской націи и ея великодушному повелителю—Его Величеству—Альберту Первому. Поставленная въ необходимость или попрать клятву, или подвергнуться кровавому и разрушительному нашествію, Бельгія и ея король отвѣтили, лучше смерть чѣмъ низость. Чтобъ сопротивляться варварской жестокости, жертвами которой они являются, они бросились и продолжаютъ боротся съ непобѣдимымъ мужествомъ. Они выносятъ безропотно величайшія несчастія. Честь и слава имъ. Ихъ героизмъ достоинъ величайшаго восхищенія, а ихъ страданія

заслуживаютъ всеобщую симпатію. Солдаты павшіе въ громадномъ количествѣ на полѣ битвы, убитые мирные жители, спаленные города и деревни, разрушенные памятники, изгнанное народонаселеніе: всѣ эти несчастія дѣлаютъ изъ Бельгіи націю мучениковъ и возбуждаютъ состраданіе во всѣхъ благородныхъ сердцахъ и это состраданіе наиболѣе ярко во Франціи. Пожертвовавъ собой, чтобы защищать свою честь и свою независимость, Бельгія преградила путь завоевателю, который хотѣлъ раздавить Францію. Этимъ она пріобрѣла право на безграничную благодарность всѣхъ французовъ и французы не окажутся неблагородными. Съ бельгійцами и англичанами—нашими славными союзниками, наши арміи будутъ сражаться до конца, чтобы изгнать завоевателя. Нашимъ долгомъ будетъ широко притти на помощь вашимъ братьямъ въ несчастіи. Наконецъ мы будемъ молить Бога справедливости, взять въ свои руки судьбы этого народа, столь вѣрнаго завѣтамъ Христа и его Церкви и возвратить ему, вмѣстѣ съ его освобожденной территоріей, міръ и благосостояніе.

ŚUNT ŁACRYMAE ṘEBUM!

Пietро Масканьи.

Andante mesto. p grave. più p un poco rall. a tempo. con espress. p p

di tristezza. dolce e legato. cres. ed un poco animato. Ped. * Ped. * Ped *

calando. rall. e dim. sostenuto. lamentoso mp più p

Ped. * Ped. * Ped. * Ped. * Ped. * Ped. * Ped. * Ped. * Ped * Ped. * Ped. * Ped.

a tempo. rall. p espress. dolce e legato. p

* Ped. *

più p un poco più lento. pp pp dim. e rall. ppp ppp

Ped. * Ped. * Ped. * Ped. * Ped. *

ПЬЕРЪ ЛОТИ. ДВѢ БѢДНЫЯ БЕЛЬГІЙСКІЯ ПТИЧКИ.

Однажды вечеромъ, въ одномъ изъ нашихъ южныхъ городовъ на станцію прибылъ поѣздъ съ бельгійскими бѣженцами; одинъ за другимъ бѣдные мученики, истощенные и ошеломленные входили на платформу, гдѣ французы ожидали ихъ, чтобы встрѣтить. Таща съ собой кое какія пожитки, случайно захваченные, они садились въ экипажи, даже не спрашивая — куда ихъ повезутъ, они садились туда, охваченные серемленіемъ бѣжать отъ ужаса и смерти, отъ огня, отъ невыразимыхъ униженій и садистическихъ насилій, отъ всего того, что казалось ужъ болѣе невозможнымъ на землѣ, но что гнѣздилось еще повидимому въ глубинѣ лицемѣрныхъ нѣмецкихъ мозговъ и вдругъ излилось на ихъ страну, а также и на нашу, какъ послѣднее изрыганіе первобытнаго варварства. У нихъ не было больше ни деревень, ни очаговъ, ни семей, они прибыли сюда безъ цѣли, какъ выброшенные на мостовую и ихъ глаза были полны отчаянія и ужаса. Много дѣтей, маленькихъ дѣвочекъ, родители которыхъ погибли, въ пожарахъ и въ битвахъ! Много дряхлыхъ стариковъ, теперь одинокихъ въ мірѣ, которые бѣжали, даже не зная

зачѣмъ, уже не дорожа жизнью, но движимые темнымъ инстинктомъ самосохраненія; лица этихъ послѣднихъ уже не выражали ничего, на нихъ не было даже отчаянія, какъ будто бы на самомъ дѣлѣ ихъ души уже отлетѣли и ихъ головы были пусты. Въ этой печальной толпѣ, крѣпко взявшись за руки, стояли два совсѣмъ маленькихъ мальчика—очевидно—два брата, старшій—лѣтъ пяти казалось оберегалъ младшаго, которому было не больше трехъ. Никто ихъ не искалъ, никто ихъ не зналъ. Какимъ образомъ поняли они, когда оказались одни, что имъ такъ нужно войти въ этотъ поѣздъ, чтобы спастись отъ смерти? Ихъ костюмы были опрятны и на нихъ были одѣты теплые шерстяные чулочки. Ясно было, что ихъ родители были людьми скромными, но заботливыми, по всей вѣроятности это были дѣти одного изъ славныхъ бельгійскихъ солдатъ, который героически палъ на полѣ чести и послѣдней нѣжной мыслью котораго въ моментъ смерти была мысль о нихъ. Они даже не плакали, такъ они были обезсилены усталостью — они едва держались на ногахъ. Они даже не могли отвѣчать на вопросы, но ни за что не хотѣли разъединиться, о, нѣтъ! Старшій, все время не выпуская изъ своей руки младшаго, какъ бы боясь его потерять, вдругъ словно понялъ

свои обязанности покровителя и нашелъ въ себѣ силы отвѣтить дамѣ, склонившейся къ нему: „Мадамъ“, сказалъ онъ умоляющимъ полусоннымъ голоскомъ, „мадамъ, насъ уложатъ спать?“ Въ эту минуту это было все, чего они желали, чего они ожидали отъ человѣческаго состраданія: чтобы имъ позволили заснуть. Конечно ихъ очень скоро уложили, конечно—вмѣстѣ, и они тотчасъ же заснули прижавшись другъ къ другу и все время держась за руку; въ одну минуту оба они погрузились въ спокойную безсознательность дѣтскаго сна.

Однажды, давно тому назадъ, во время войны въ Китайскомъ морѣ, двѣ крошечныя заблудившіяся птички, не знаю—какимъ образомъ появились на борту нашего броненосца, въ помѣщеніи адмирала и весь день онѣ порхали изъ стороны въ сторону, никѣмъ не тревожимыя, присаживаясь на карнизы. Подошла ночь и совершенно о нихъ забылъ когда адмиралъ позвалъ меня къ себѣ. Онъ показалъ мнѣ съ умиленіемъ на своихъ маленькихъ гостей, которые расположились на ночлегъ въ его комнатѣ, умѣстившись на зыбкомъ шелковомъ шнурѣ, который проходилъ надъ его кроватью, близко, близко другъ къ другу, какъ два клубочка перьевъ, почти слившіеся въ одинъ; они спали безъ малѣй-

шаго страха, какъ будто были вполнѣ увѣрены въ нашемъ состраданіи.

И этми два маленькихъ бельгійца, заснувшіе другъ около друга, напоминали мнѣ двухъ птичекъ, затерянныхъ посреди Китайскаго моря. Это было то же самое довѣріе и тотъ же невинный сонъ;—но на этотъ разъ надъ ними бодрствовала гораздо болѣе нѣжная заботливость.

РЕНЕ БАЗЕНЪ.

Я думаю, что Король Альбертъ и Бельгія, пожертвовавъ собой за право—спасли Европу.

Я думаю, что для того, чтобы дѣйствовать съ такой рѣшимостью, нуженъ былъ король т.-е. отвѣтственный передъ исторіей вождь, происходящій изъ старинной подготовленной семьи.

Я думаю, что нуженъ былъ народъ—христіанинъ, способный понять, принять и вынести испытаніе.

Я думаю также, что Союзники обязаны прежде всего возстановить бельгійское королевство, и что примѣръ, данный королемъ и его народомъ, будетъ прославляемъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, пока міръ читаетъ исторію.

ЭМИЛЬ ВЕРХАРНЪ.

Его Величеству Альберту I Королю Бельгіи.

Государь.

Со времени прекрасныхъ дней подъ Льежемъ, это быть можетъ первая радость, которую мнѣ дали случай испытать, обратившись ко мнѣ съ просьбой—воздать Вамъ хвалу. Въ настоящую минуту Вы—единственный въ мірѣ король, котораго всѣ его подданные безъ малѣйшаго исключенія, любятъ всѣми силами души. Эта поистинѣ исключительная судьба—Ваша судьба Государь. И ни одинъ изъ правителей государствъ на землѣ не имѣлъ ее въ такой степени, какъ Вы.

Несмотря на свою безконечность траура, которымъ Вы окружены,—мнѣ кажется, Вы имѣете право быть радостнымъ также, какъ и Ея Величество Ваша подруга, имѣющая свою долю въ Вашей рѣдчайшей привелегіи, Государь. Ваше имя нѣкогда будетъ Великимъ. Вы до такой степени слились со своимъ народомъ, что стали какъ бы его символомъ. Его мужество, его гордость, его стойкость, его боль, его гордость, его будущее величіе и наконецъ безсмертіе — воплощены въ Васъ. Наша глубокая душа—она—Ваша. Вы вмѣщаете въ себѣ всѣхъ насъ, оставаясь

въ то же время самимъ собой. И такимъ Вы останетесь навсегда. Впослѣдствіи, когда Вы вернетесь въ Вашу страну, возстановленную и безконечно прославленную, Вамъ достаточно будетъ заговорить, чтобъ прекратились всѣ ссоры, исчезли всѣ противорѣчія. Послѣ того, какъ Вы были тѣмъ, кто поддерживаетъ и защищаетъ, Вы будете тѣмъ, кто сближаетъ и примиряетъ.

Примите, Государь мое пламенное уваженіе.

РАМОНЪ Д. ПЕРЭЗЪ.

Какая прекрасная мечта быть творцомъ великой эпопеи, какая восхитительная дѣйствительность—быть ея героемъ. Съ безконечнымъ состраданіемъ и со слезами на глазахъ, слѣдилъ я за испытаніями молодого и мужественнаго Короля—правителя маленькаго Бельгійскаго народа, котораго исторія поставитъ на ряду съ величайшими націями Міра. Я горжусь тѣмъ, что я плакалъ, потому что понимать красоту и героизмъ—это единственное скромное утѣшеніе для тѣхъ, кто не можетъ быть героями, ни творить совершенную и ослѣпительную красоту. Бельгія имѣла поэтовъ—трогательныхъ, глубокихъ, съ дерзкимъ полетомъ; она можетъ теперь гордиться тѣмъ, что имѣла смѣлость совер-

шить прекрасное дѣяніе въ античномъ духѣ: отдать жизнь, чтобы сохранить независимость и достоинство. Испанія имѣетъ нѣкоторое право любоваться этой тѣнью, одѣтой въ трауръ, которая гордо проходитъ среди руинъ, а я, скромный испанскій писатель, преклоняюсь передъ нею съ тѣмъ трепетомъ, который вызываетъ въ каждомъ человѣкѣ съ сердцемъ, все величественное, благородное и въ то же время ужасное.

СОЛОМОНЪ РЕЙНАХЪ.

Если бы Бельгія принуждена была сдѣлаться нѣмецкой провинціей — безчеловѣчность раздѣла Польши поблѣднѣла бы въ исторіи отъ сравненія съ этой, для которой не нашлось бы имени ни на какомъ языкѣ. О Польшѣ можно сказать, что она вызвала раздѣлъ своимъ поведеніемъ по отношенію къ ея могущественнымъ сосѣдямъ, но что можно сказать о Бельгіи, кромѣ того, что она пострадала за право, за честь, что она сдѣлала изъ своего тѣла заслонъ противъ варварства и клятвопреступленія, что она предпочла быть замученной и стертой съ лица земли, но незапятнанной. Все это говорятъ теперь и снова скажутъ Бельгія, когда она будетъ утѣшена, отомщена и безконечно возвеличена.

Эта маленькая страна равнинъ — Фермопилы Европы, а героическій человѣкъ, который имѣетъ безпримѣрную честь сражаться, какъ король, за справедливѣйшее дѣло и за благороднѣйшую отчизну, — скажите, развѣ онъ ни болѣе достоинъ восхищенія, чѣмъ Леонидъ.

АЛЕКСАНДРЪ Ф. РИБО.

Міръ долженъ съ восхищеніемъ преклониться передъ народомъ Бельгіи и его удивительнымъ вождемъ—Королемъ Альбертомъ, которые подаютъ такой высокій примѣръ всѣхъ цивилизованнымъ націямъ. Ихъ дѣло—дѣло Права: оно не можетъ погибнуть, потому что за него—совѣсть міра.

АНАТОЛЬ ФРАНСЪ. КОРОЛЬ АЛЬБЕРТЪ.

Онъ родился съ душой героя и праведника. Съ самаго своего восшествія на престолъ, онъ былъ уважаемъ (я могъ въ этомъ убѣдиться всѣмъ своимъ народомъ и почитаемъ всѣми соціальными и политическими партіями, даже тѣми изъ нихъ, которые обычно менѣе всего расположены склониться передъ королевскими привилегіями. Онъ внушалъ довѣріе всѣмъ. Въ немъ признавали духъ правдивости, мудрости, справедливости

и мягкости. Въ немъ любили эту простоту, которая была ему такъ свойственна и которая у принца, почти всегда обнаруживаетъ возвышенный характеръ. Ужасное испытаніе вдругъ обрушилось на него, еще очень молодого, и на его народъ и дало ему случай показать себя во весь ростъ. Когда нѣмцы чудовищнымъ покушеніемъ совершили насиліе надъ нейтралитетомъ Бельгіи, король Альбертъ не склонился передъ силой и не ограничился протестомъ противъ поруганія надъ священнѣйшимъ договоромъ. Онъ обнажилъ оружіе и не ограничился только симуляціей защиты; онъ не думалъ, что честь Бельгіи можетъ удовлетвориться однодневной демонстраціей. Глухой къ обѣщаніямъ завоевателя, онъ остался такимъ же къ его угрозамъ. Онъ смотрѣлъ не блѣднѣя, какъ варвары обрушились на него и предали огню и крови страну, виновную лишь въ томъ, что она была послушна законамъ чести. Король Альбертъ противопоставилъ безчисленнымъ ордамъ Кайзера, маленькую бельгійскую армію и свою шпагу, свѣтлую и чистую, обнаженную за правое дѣло. Онъ оказался достойнымъ своего народа, а его народъ—достойнымъ своего короля. Бельгія не дала Германіи ходу и показала на что способны отважные люди, которые бьются за

право. Въ этой священной войнѣ король Альбертъ проявилъ себя, какъ прекрасный военачальникъ и хорошій солдатъ. Его видѣли на баттареѣ въ Антверпенѣ, наводящимъ собственноручно орудіе и попадающимъ въ позицію, которая казалась внѣ линіи обстрѣла. Въ другой разъ въ траншеяхъ, вооруженный ружьемъ, онъ стрѣлялъ въ рядахъ своей пѣхоты. Какое прекрасное зрѣлище далъ этотъ молодой принцъ, который равенъ мудростью лучшимъ властителямъ, храбростью—самымъ суровымъ служакамъ. Великія дѣянія бельгійскаго народа и его короля совершены не напрасно. Не напрасно Альбертъ и Бельгія сдѣлали изъ Льежа Фермопилы европейской цивилизаціи. Они сломили натискъ варваровъ, оказали мощное содѣйствіе побѣдѣ союзниковъ, обезпечили торжество права и свободы. Моя родина обязалась передъ королемъ Альбертомъ и его народомъ долгомъ благодарности, который она всегда будетъ считать священнымъ, Она выполнитъ его, когда вмѣстѣ со своими благородными союзниками, послѣ побѣды, она обратитъ свои силы на созданіе гармонической Европы.

РОМЕНЪ РОЛЛАНДЪ.

Бельгія только что написала свою эпическую поэму, эхо которой будетъ звучать въ вѣкахъ. Какъ триста спартанцевъ, маленькая бельгійская армія три мѣсяца сопротивляющаяся германскому колоссу, и—Леманъ—Леонидъ, Фермопилы—Льежъ, Лувенъ сожженный какъ Троя, подвигъ короля Альберта окруженнаго своими богатырями, — какихъ легендарныхъ размѣровъ эти образы, которые исторія еще не перестала рисовать. Героизмъ этого народа, который безропотно пожертвовалъ собой, чтобы спасти свою честь, разразился какъ ударъ грома въ то самое время, когда торжествующій духъ Германіи воцарилъ въ мірѣ концепцію политическаго реализма, тяжко опирающагося на силу и на интересы. Это было освобожденіемъ угнетеннаго идеализма запада, и что сигналъ къ нему былъ данъ этимъ маленькимъ народомъ, всѣмъ показалось чудомъ. Люди зовутъ чудомъ внезапное выявленіе скрытой реальности. Внезапная опасность даетъ наилучшую возможность къ познанію личностей и народа.— Сколько открытій произвела эта война среди окружающихъ и даже среди тѣхъ, кто ею затронутъ всего ближе. Какое количество героевъ и сколько дикихъ звѣрей. Обнаружи-

лась величайшая душа, но эта душа не нова. Въ этотъ страшный часъ Бельгія увидѣла, какъ въ ней внезапно вспыхнулъ скрытый геній ея расы. Она выказала въ эти послѣдніе три мѣсяца свою цѣнность, которая восхищаетъ, но не должна поражать удивленіемъ, тотъ кто знаетъ какъ на протяженіи исторіи во всѣ времена протекали плодотворные соки этого народа, маленькаго по количеству и по пространству и одного изъ величайшихъ въ Европѣ по своей жизнеспособности, подобной разлившейся рѣкѣ. Героизмъ бельгійцевъ нынѣшняго дня тотъ же что̀ и фламандцевъ при Куртре. Люди этой страны никогда не боялись встрѣтить лицомъ къ лицу своихъ могучихъ сосѣдей—королей Франціи или Испаніи,—то какъ герои, то какъ мученики,—Артевельде и Эгмонтъ. Эта почва, орошенная кровью милліоновъ борцовъ самая плодоносная въ Европѣ для жатвы духа. Изъ нея вышло искусство современной живописи, которымъ школа Ванъ Эйка озарила міръ въ эпоху Возрожденія. Изъ нея вышло искусство современной музыки, этой полифоніи, которая струилась втеченіе двухъ вѣковъ на Францію, Германію и Италію. Изъ нея вышелъ чудесный цвѣтъ поэзіи нашихъ дней—писатели, являющіеся въ настоящую минуту самыми блестящими представителями француз-

ской литературы, Метерлинкъ и Верхаренъ— сыны Бельгіи.

Это—народъ, который болѣе всего страдалъ и который наиболѣе мужественно и весело перенесъ страданія; народъ—мученикъ Филиппа II-го и Кайзера Вильгельма и народъ давшій Рубенса, Кермессы и Тиля Уленшпигеля. Кто знакомъ съ удивительной эпопеей, воспѣтой Шарлемъ де Костеръ: „Героическія веселыя и славныя приключенія Уленшпигеля и Ламма Гедіака“ этихъ двухъ весельчаковъ Фландріи, достойныхъ итти въ парѣ съ безсмертнымъ Донъ Кихотомъ и его Санхо Панчо, кто видѣлъ на дѣлѣ этотъ неукротимый духъ суровый и шутливый, революціонный по природѣ, порицающій всякую власть, который проходитъ черезъ всѣ испытанія и выходитъ изъ нихъ вольнымъ и смѣющимся— тотъ знаетъ судьбы народа, усыновившаго Уленшпигеля и безбоязненно смотритъ, даже въ самые мрачные часы, на зарю грядущихъ дней богатства и славы. Бельгія можетъ подвергнуться нашествію; но бельгійскій народъ умереть не можетъ. Въ концѣ разсказа о Тиллѣ Уленшпигелѣ его собираются хоронить, считая мертвымъ, но онъ пробуждается:—„Развѣ можно похоронить, говоритъ онъ, Уленшпигеля—умъ, Нелэ—сердце—матери—Фландріи. Уснуть—да, но умереть—

нѣтъ. Пойдемъ Нелэ. И онъ уходитъ съ ней запѣвъ свою шестую пѣсню. Но никто не знаетъ, гдѣ онъ пропѣлъ свою послѣднюю“.

КАМИЛЛЪ СЕНЪ САНСЪ.

(Изъ личныхъ воспоминаній о королѣ Альбертѣ).

Это было у другого друга Франціи у Его Свѣтлости князя Монакскаго, когда я былъ представленъ Ихъ Королевскимъ Высочествамъ Принцу Альберту и Принцессѣ Елизаветѣ Бельгійскимъ будущимъ повелителямъ Бельгіи. Большіе любители музыки, они оказали мнѣ самый милостивый пріемъ и выразили желаніе услышать меня на органѣ Монакскаго Собора, безъ сомнѣнія превосходномъ, но маленькомъ по размѣрамъ, болѣе приспособленномъ къ аккомпанименту голосовъ, чѣмъ, собственно говоря, къ исполненію сольныхъ вещей. Я сдѣлалъ все, что могъ, а снисходительность моихъ слушателей дополнила остальное.

Во время прогулки по Лазурному Краю на своемъ изящномъ автомобилѣ, Принцъ и Принцесса представляли собой очаровательнѣйшій образъ четы, соединенной для совершеннаго счастья. Принцесса была всегда одѣта съ большой простотой—этой неподражаемой простотой аристократокъ. Ее очень за-

нимало дѣлать снимки и я часто бывалъ мишенью для ея аппарата и даже имѣлъ однажды высокую честь—составить, по ея просьбѣ, группу съ ея благороднымъ супругомъ.

Очень высокій, стройный, изящный сдержанный, медленно говорящій своимъ мягкимъ голосомъ, Бельгійскій Король вначалѣ смущаетъ какъ загадка; тѣмъ, кто его не знаетъ онъ кажется окружающимъ свое лицо, всю свою особу, непроницаемой завѣсой, но нѣтъ ни загадки, ни завѣсы, съ тѣмъ же холоднымъ и непроницаемымъ взглядомъ, онъ оказывается привѣтливымъ собесѣдникомъ въ разговорѣ, человѣкомъ высшаго разряда, все изучившимъ до самыхъ глубинъ, которому ничто не чуждо. Ему обязана своими превосходными качествами бельгійская армія, давшая такіе блестящіе доказательства ихъ въ этой неравной и славной борьбѣ противъ Германіи. Ничего не утаивъ въ своемъ спокойствіи, юный повелитель, извѣстный до настоящаго времени, какъ дипломатъ, какъ ученый, какъ артистъ, проявилъ себя вдругъ, къ удивленію и восхищенію всего міра и какъ герой.

А эта очаровательная королева, съ виду такая хрупкая, такая изящная,—какую неукротимую энергію проявила она въ своей роли повелительницы, супруги и матери! Ка-

кимъ величественнымъ образомъ предстанетъ въ исторіи эта королевская чета, озаренная двойнымъ ореоломъ—мученичества и юности!

АНРИ ЛАВЕДАНЪ, КОРОЛЬ АЛЬБЕРТЪ.

Король Альбертъ—величайшая личность нашего времени. Для достиженія безсмертія ему не нужно было умирать, хотя онъ всегда къ этому готовъ. Въ одинъ день святаго возмущенія, увѣковѣчилъ онъ себя въ памяти людей и достигъ при жизни нетлѣнности статуи. Мраморъ и бронза ожили въ немъ и тѣнь лавра покоится на его челѣ. Когда мы произносимъ его имя,—мы видимъ его какъ бы вознесеннымъ на пьедесталъ или на вершину коллоны, онъ господствуетъ надъ всѣмъ онъ виденъ со всѣхъ горизонтовъ, черезъ пожарища войны и надъ ними. Чистый и прекрасный, какъ идея, сильный и мягкій, какъ вѣра, спокойный и пламенный, какъ воля, глубокій, какъ религія, полный достоинства, какъ долгъ, умѣющій молчать при шумѣ и заговорить, чтобы произнести рѣшительное слово, какъ заповѣдь права и предписаніе чести: Шекспировскій персонажъ исторіи и легенды, грезы и дѣйствительности пламенной и грустной, эпической и поэтической, странствующій довѣрчивый принцъ-рыцарь

великаго крестоваго похода, идущій вдоль дюнъ въ изгнаніе, даже не стремясь угадать— куда приведетъ его господь... Король-рыцарь, король-крестоносецъ, король—простой солдатъ, у котораго ничего не осталось, кромѣ его разсѣяннаго народа и его арміи въ лохмотьяхъ; король—безъ королевства... Альбертъ безземельный, Альбертъ Бельгійскій и Французскій, является въ настоящую минуту тѣмъ не менѣе, самымъ славнымъ, самымъ любимымъ, самымъ могущественнымъ изъ королей, потому что онъ царствуетъ абсолютно и простираетъ свою магическую власть надъ нашими умами и сердцами преисполнеными благодарности. Его царство—царство духа и морали, неразрушимое и безграничное, котораго нельзя у него отнять и которое будетъ ему принадлежать и тогда, когда съ нашей помощью, онъ снова завоюетъ и увеличитъ свое земное царство. Зачѣмъ ему сейчасъ тронъ и дворецъ—повсюду, куда бы онъ ни пришелъ —онъ у себя, встрѣчаемый и окружаемый любовью и уваженіемъ цивилизованныхъ націй, гордыхъ тѣмъ, что принимаютъ его у себя. Всѣ тѣ, чье общее дѣло онъ первый началъ, смотрятъ на себя, какъ на вѣрныхъ подданныхъ Его дважды священнаго Величества, а вмѣсто скипетра, онъ держитъ свою незапятнанную шпагу, онъ—герой, чья

свободная обнаженная голова, въ битвѣ подымается надъ коронами, чтобы приблизиться къ звѣздамъ. Да здравствуетъ навѣки Альбертъ Первый, нашъ спаситель, дивный монархъ-страдалецъ, весь сіяющій идеаломъ!

ЖАНЪ РИШПЕНЪ.

Бельгійскому народу и его Королю.

На мѣсто коварной могущественной націи, которая намѣревалась, поработить другія, пересоздать ихъ по образу и подобію своихъ сварливыхъ и педантичныхъ палачей,—тебя доблестная, вѣрная, великодушная, прекрасная маленькая страна,—твой образъ нужно возвести въ примѣръ всѣмъ странамъ. Народъ, исторія котораго есть нескончаемый примѣръ трудолюбія, независимости и героизма, народъ, земля котораго является наиболѣе населенной въ мірѣ, гдѣ процвѣтаетъ въ одно и то же время и матеріальная и моральная культура, промышленность, коммерція, искусства, литература; народъ, создавшій прекрасные соборы, великолѣпныя ратуши, несравненные музеи, народъ, насчитывающій между своими сынами, поэта и философа Метерлинка, обрекшаго на погибель душу Германіи и благороднаго бургомистра Макса, оказавшаго такое сопротивленіе фонъ-деръ-Гольцу, наконецъ Великаго

Короля Альберта, который спитъ въ траншеяхъ послѣ боя, рядомъ со своими солдатами. Король Альбертъ — совершеннѣйшее воплощеніе бельгійской души. О, народъ полезныхъ работниковъ, великихъ артистовъ, отважныхъ воиновъ, народъ истинныхъ людей, ты въ этотъ историческій часъ несешь въ твоихъ рукахъ мученика и героя, святой стягъ Человѣчности.

М. ЖЮССЕРАНЪ.

Грандіозныя международныя бойни становились все болѣе рѣдкими, торжество грубой силы—болѣе затруднительнымъ, можно было ихъ считать отошедшими въ прошлое; подписывались соглашенія, признающія, что между народами, какъ и между отдѣльными людьми можетъ царить справедливость,

Въ прошломъ варварскія звѣрства, въ будущемъ Справедливость.

Бельгіи, маленькой территоріально, но великой сердцемъ, трудолюбивой, образованной, точной блюстительницѣ договоровъ, странѣ мыслителей, работниковъ, артистовъ; съ городами, знаменитыми своей промышленностью и красотой; Льежемъ, гдѣ родился Гретри, Лувеномъ, гдѣ училъ Везаль, Антверпеномъ, гдѣ умеръ Рубенсъ, Бельгіи была предложена альтернатива.

На чью сторону станетъ она—прошлаго или будущаго, Звѣрской Силы или Справедливости? Звѣрская Сила была передъ ней со своими обѣщаніями и со своими угрозами;—или спокойствіе и благоденствіе подчиненности, или опустошенія, кровавыя экзекуціи, погромы, быть можетъ смерть?

Бельгіи, трепещущей, Бельгіи, окровавленной, Бельгіи умирающей, но безсмертной, трижды, четырежды были предоставлена эта альтернатива.

Никакія страданія, самыя тяжкія, ни скорбь женщинъ и дѣтей, ни бѣдняковъ безъ крова, безъ хлѣба, безъ алтаря,—не могли измѣнить рѣшенія Бельгіи и ея короля; для нихъ не было даже сомнѣнія:—долгъ—есть долгъ и его надо исполнить,—вотъ и все. Еще разъ передъ нашими глазами Давидъ всталъ передъ Голіафомъ.

Придетъ день, когда даже врагъ преклонится передъ такой доблестью и позавидуетъ славѣ столь чистой, славѣ какъ Короля, такъ и самаго скромнаго изъ его подданныхъ; Короля достойнаго такого народа, народа, достойнаго такого Короля!

ГИМНЪ.

(Дань Бельгіи, 1914 г.).

Эдуардъ Джерма

p

mf

pp

cresc

f

rit

3

3

МОРИСЪ ДОННЕ.

Елизаветы.

Я люблю перезвонъ въ твоихъ старинныхъ городахъ
О, старая страна—стражъ очаговъ домашнихъ
Благородная Фландрія, въ которой сѣверъ, согрѣтый
Горячимъ Кастильскимъ солнцемъ, сочетается съ югомъ.

Конечно и до великой войны, мы любили Бельгію, за ея исторію, такъ часто переплетавшуюся съ нашей, за ея народъ, гостепріимный и ласковый; мы ее любили, потому что среди вооруженныхъ націй, она символизировала спокойную увѣренность въ мирѣ. О, Бельгія, земля почернѣвшая отъ угля, морскіе берега, покрытые бѣлымъ пескомъ, зеленые луга, вода, дремлющая въ каналахъ и такъ много старыхъ городовъ съ чудесами архитектурнаго искусства: прекрасными соборами изъ прочнаго камня, высокими колокольнями, колокола которыхъ при приближеніи непріятеля сзывали буржуа, въ теченіе вѣковъ соединявшихся въ битвахъ за свою свободу; старыхъ рынковъ ратушъ съ фасадами изъ камня и золота, являющихъ намъ готическій стиль во всемъ его богатствѣ, без-

молвныхъ монастырей. Бельгія, она какъ и Италія—священная родина искусства. Есть три строчки латинскихъ стиховъ, въ которыхъ говорится: Брюссель гордится своими благородными людьми, Антверпенъ—своими богатствами, Гентъ своими гражданами, Брюгге—своими красивыми дѣвушками, Лувенъ—своими докторами и Малинъ—своими придворными шутами. Но эти города гордятся также и храмами св. Гетруды, св. Бавонъ и св. Ромбо и своими большими площадями, и своими древними домами корпорацій, а также и великими, старыми мастерами: Губертъ и Жанъ Ванъ Эйкъ, Роже ванъ-деръ-Вейденъ Жанъ Мемлинкъ, Жероръ Давидъ, Квинтентъ Матсисъ, удивительные художники, чьи безсмертныя произведенія, призываютъ къ искреннему и страстному патріотизму. Безсмертные, можно ли написать это слово теперь, когда тамъ властвуютъ варвары. Сколько памятниковъ уже превращено въ развалины. Малинъ, Лувенъ, вашъ веселый перезвонъ не зазвучитъ больше въ прозрачномъ воздухѣ. Гнусная война, въ которой приходится оплакивать не только людей, но и камни. Да, мы любили Бельгію и до великой войны, но сейчасъ мы ее обожаемъ, любимъ ее страстно, мы восхищаемся ею. Артистичная, мирная, промышленная и торговая,

она вдругъ дѣлается воинственной и подымается, чтобы защищать свои права, наши права, Право. Ея территорія невелика, но она не допускаетъ, чтобы чужеземецъ прошелъ черезъ нее безпрепятственно; ея армія немногочисленна и однако она противопоставляетъ ее безчисленнымъ полчищамъ. Эта нація-мученица, которая готова умереть, если нужно—умереть за свою вѣру. Левъ Брабанта зарычалъ, Льежъ палъ; потомъ Намюръ, Брюссель и наконецъ Антверпенъ. Но бельгійцы все еще сопротивляются. Это сопротивленіе вызываетъ восхищеніе народовъ, но оно внушаетъ только бѣшенство нѣмцамъ, неспособнымъ ни на уваженіе, ни на великодушіе, чувства, которыя даже при ужасахъ войны свойственны человѣку, достойному называться человѣкомъ. Города и деревни ограблены и сожжены, женщины, дѣти и старики изувѣчены съ утонченностью, которой не придумала бы и горилла, это самое жестокое и похотливое животное. Когда будутъ опубликованы во всѣхъ деталяхъ донесенія и свидѣтельства очевидцевъ, когда весь цивилизованный міръ это узнаетъ — онъ содрогнется отъ ужаса, а между тѣмъ король, молодой, обаятельный и отважный присутствуетъ и въ лагерѣ, и въ траншеяхъ вмѣстѣ со своими солдатами, а смѣлая и муже-

ственная королева стоитъ рядомъ со своимъ рыцаремъ.

. . . .

Сегодня послѣ полудня въ осеннемъ Парижѣ, подернутомъ туманомъ, по улицамъ проходитъ группа молодыхъ людей. Одинъ изъ нихъ несетъ знамя изъ трехъ вертикальныхъ лентъ—красной, желтой, черной — это цвѣта стараго брабантскаго графства и революціи, которая въ 1789 г. восторжествовала надъ австрійскимъ режимомъ. На концѣ древка—букетъ изъ бѣлыхъ розъ. И населеніе Парижа, улыбаясь, съ братскимъ чувствомъ смотритъ на этихъ молодыхъ людей, которые завтра будутъ солдатами и будутъ биться за освобожденіе своей страны.

Сто лѣтъ тому назадъ въ 1813 г. рекруты Франціи назывались общимъ именемъ—Марія-Луиза. Рекруты и добровольцы Бельгіи, во имя Вашей королевы, которая стала бельгійской не только благодаря коронѣ, но и сердцемъ—нельзя ли вамъ дать имя — Елизавета?

КАРДИНАЛЪ АРХІЕПИСКОПЪ РЕЙМСА.

Я отъ всей души присоединяюсь къ счастливой мысли воздать дань восхищенія и почтительнаго сочувствія—Его Величеству Королю Альберту, его арміи и его народу. Да,

честь и слава королю бельгійцевъ! Всѣ наши симпатіи на сторонѣ этого государя съ великой душой, который въ глазахъ всего міра олицетворяетъ въ этотъ часъ попранное право, котораго гнѣвъ могущественнаго соперника нисколько не смутилъ и который, не смотря на превратности судьбы, настойчиво и непоколебимо защищаетъ независимость своей страны. Какъ только онъ почуялъ угрозу, онъ тотчасъ принялъ рѣшеніе. Предложеніямъ то вкрадчивымъ, то высокомѣрнымъ — предоставить свободный проходъ для вторженія, готоваго обрушиться на дружественную Бельгіи націю и поразить ее внезапнымъ нападеніемъ раньше, чѣмъ она успѣетъ сосредоточить свои войска, онъ смѣло отвѣтилъ формальнымъ отказомъ, продиктованнымъ ему — его совѣстью. Для него нейтралитетъ Бельгіи не былъ пустымъ словомъ, а трактатъ, который его обусловливалъ — простымъ клочкомъ бумаги, съ которымъ считаются только, пока онъ полезенъ. Не поддаваясь ни угрозамъ насильника, ни страху передъ неизбѣжными послѣдствіями его отвѣта, онъ слушалъ только голосъ справедливости и чести. Принявъ рѣшеніе онъ сталъ его приводить въ исполненіе съ удивительной энергіей; „Если надо сопротивляться вторженію,“ воскликнулъ онъ, „долгъ найдетъ насъ

вооруженными и готовыми къ величайшимъ жертвамъ. На насъ лежитъ только одна обязанность—упорное сопротивленіе... Чужеземецъ найдетъ всѣхъ бельгійцевъ собравшимися вокругъ государя, который никогда не измѣнитъ своей конституціонной присягѣ.“ Вотъ гордый языкъ, которому весь міръ по заслугамъ рукоплескалъ. „Честь и слава бельгійской арміи“ — таковъ былъ общій крикъ удивленія и восхищенія, когда увидѣли, какъ, внезапно ввергнутая въ войну противъ сильнѣйшей арміи Европы, она задерживала легіоны своего могущественнаго врага подъ Льежемъ и Намюромъ, разбила его натискъ и разрушила его планъ нападенія, помѣшавъ ему получить преимущество, на которое онъ разсчитывалъ. Принужденная тѣмъ не менѣе отступить передъ численнымъ превосходствомъ, она собралась подъ Антверпеномъ и, даже когда принуждена была покинуть послѣдній оплотъ своего сопротивленія, она не положила оружія; она присоединилась къ арміямъ Франціи и Англіи, чтобы дѣлить съ ними опасности войны въ ожиданіи часа, когда она раздѣлитъ честь окончательной побѣды. Бельгійская армія вписала въ исторію міра—одну изъ славнѣйшихъ страницъ. Честь и слава бельгійскому народу. Онъ оказался достойнымъ довѣрія, которое его король

имѣлъ къ его патріотизму; онъ благородно подтвердилъ рѣшеніе своего государя, великодушно принявъ на себя всѣ жертвы войны.

Призывъ всѣхъ способныхъ носить оружіе, осада и бомбардировка крѣпостей, опустошеніе городовъ и деревень, разрушеніе памятниковъ и шедевровъ искусства, насилія врага, взбѣшеннаго сопротивленіемъ, предвидѣнная и тѣмъ не менѣе печальная неудача, постигшая его оружіе, все это онъ вынесъ съ благородной покорностью и не утративъ мужества. Льежъ, Намюръ, Турне, Гентъ, Брюгге, Антверпенъ — всѣ его города, такіе цвѣтущіе, такіе мирные, Брюссель—его столица, пали одинъ за другимъ подъ ударами врага, вдесятеро превосходящаго численностью, но его непобѣдимое постоянство—не поколебалось. Въ настоящую минуту онъ являетъ міру мучительное зрѣлище, какого не видали со временъ нашествія варваровъ, — зрѣлище народа, прогнаннаго отъ своихъ очаговъ и принужденнаго эмигрировать, чтобы избѣжать ига, котораго онъ не хочетъ нести. Полный вѣры въ Бога и въ свое дѣло, онъ ждетъ что побѣда вернется подъ его знамена, потому что это — знамена справедливости и свободы. Настоящая война показала міру, что въ маленькой бельгійской странѣ живетъ великій народъ. Королю бельгійцевъ, его арміи

и его народу мы почтительно приносимъ дань нашего восхищенія и нашей благодарности. Да будетъ позволено кардиналу и Архіепископу Реймса обратиться съ братскимъ привѣтомъ къ досточтимому Архіепископу Малина Его Высокопреосвященству — кардиналу Мерсье. Возвращаясь оба съ конклава, мы нашли двери нашихъ, подвергшихся набѣгу, епархій— запертыми. Мы явились туда только для того, чтобы плакать надъ развалинами и мы могли бы надъ нашими опустошенными епархіями и сожженными соборами пѣть плачъ пророка на дымящихся останкахъ Іерусалима и его храма. Объединенные въ горѣ, мы объединены и въ молитвѣ, призывая благосклонное покровительство неба на наши два народа, которые всегда были братьями по католической вѣрѣ и отнынѣ будутъ ими по воспоминанію о вмѣстѣ перенесенныхъ страданіяхъ и по узамъ несокрушимой дружбы.

САРА БЕРНАРЪ.

Да здравствуетъ король Альбертъ, непорочный герой, мученикъ клятвы!

Онъ бросился, сопровождаемый своимъ народомъ такимъ маленькимъ и такимъ великимъ, навстрѣчу безчисленной ордѣ варваровъ. Отвергнувъ всѣ дары, оттолкнувъ всѣ обѣщанія, безстрастный передъ угрозами, дни и

ночи онъ противостоялъ германскимъ пиратамъ. Франція никогда не забудетъ своего долга благодарности, но часъ торжества приближается и побѣда, которая держитъ въ своихъ славныхъ рукахъ вѣсы справедливости, отдастъ королю Альберту и его мужественному народу значительную часть германской территоріи. И германскіе народы, подчиненные бельгійцамъ, научатся наконецъ чести и человѣчности.

ЭРМЕТЕ НОВЕЛЛИ.

— „Наслаждайся, о варварство“! — Ибо
ты такъ велико,
— Что надъ сушей и моремъ — расправило крылья.
— И самъ адъ славитъ имя твое: —

Черная туча, мрачная и грозная виситъ надъ землей и обливаетъ ее бѣшеными потоками кроваваго дождя и огненнаго града; Война! Сколько мертвыхъ... Сколько траура... Сколько слезъ неизлѣчимаго горя... Война!.. Война!..

Въ этомъ мертвенномъ мракѣ, въ которомъ мы бродимъ ощупью, безъ чувствъ и безъ сознанія, — сверкаетъ одна свѣтлая точка, — позволяющая надѣяться на солнечное завтра:— высокое мученичество Бельгіи, — единствен-

ное въ исторіи народовъ: мученичество, которое учитъ насъ теперь и будетъ поучать въ грядущихъ вѣкахъ,—какъ народъ, благодаря сознанію силы своихъ правъ обратилъ свое пораженіе въ свою величайшую побѣду...

ТОМАЗО САЛЬВИНИ. БЕЛЬГІИ И ЕЯ КОРОЛЮ.

Королю Бельгіи, — этому новому Агиду Спартанскому,—всѣ цивилизованные народы несутъ дань восхищенія и хвалы. Тщеславный коронованный завоеватель разгромилъ мирную и трудолюбивую бельгійскую націю, посвятившую себя исключительно духовному и матеріальному прогрессу, богатую произведеніями искусства, классическими памятниками и цвѣтущей промышленностью. Эта нація была безпощадно смята и потеряла въ своей славной и героической защитѣ очень много своихъ сыновъ, умерщвленныхъ тевтонскимъ мечемъ, огнемъ и свинцомъ. О, какая многообѣщавшая энергія была принесена въ жертву. И не было никакой вины ни за Монархомъ, ни за его народомъ.

Бельгія, какъ государство нейтральное не могла позволить пройти черезъ свою страну германскому войску, намѣревавшемуся вторгнуться войной во Францію; не могла и не

должна была этого позволить и это было причиной разбойничьяго вторженія Германіи.

Да будетъ стыдно узурпатору и честь и слава Бельгіи и ея великому Королю! Я увѣренъ, что мыслящее гуманное меньшинство Германіи можетъ только порицать образъ дѣйствій и поведеніе Прусскаго милитаризма, который нарушаетъ силой оружія политическіе договоры, закрѣпленные различными государствами, и такимъ образомъ отнимаетъ всякую гарантію у собственнаго честнаго слова.

Я жалѣю, что Италія, Испанія, Греція, Румынія и Болгарія не присоединились къ Россіи, Англіи и Франціи, Португаліи, Сербіи и Японіи, чтобы наказать заносчивость и наглость Германіи и Австро-Венгріи. Одна изъ нашихъ старинныхъ пословицъ гласитъ: „Богъ не платитъ каждую субботу“. И такъ, подождемъ конца счета милосерднаго Бога. А пока съ сердцемъ обливающемся кровью при мысли о жертвахъ и страданіяхъ этого благороднаго народа, возложимъ вѣнецъ славы на Главу этой Армады, который съ такимъ героизмомъ и съ удивительной самоотверженностью, защищаетъ священнѣйшія права справедливости и гуманности.

АЛЬФРЕДЪ КАПЮСЪ.

Можно получить очень вѣрное понятіе о благородствѣ и достоинствѣ Альберта I, Короля Бельгіи, если сравнить его съ Вильгельмомъ II. Битва на Изерѣ—эта ужаснѣйшая бойня нашихъ временъ,—даетъ намъ удобный поводъ для такого сравненія.

Германскій Императоръ, это — зловѣщій драматургъ—„Какой артистъ великій погибаетъ" сказалъ одинъ изъ ему подобныхъ,—который съ эстрады бросилъ своимъ солдатамъ приказъ умереть до послѣдняго, чтобы обезпечить успѣхъ новѣйшей драмы, вышедшей изъ его воображенія подъ названіемъ „Взятіе Калэ".

Кайзеръ не останавливается ни передъ какой рѣзней, лишь бы не быть освистаннымъ своимъ народомъ. Но мы горячо убѣждены, что все это кровавое комедіанство закончится проклятіями и стонами.

Какой контрастъ съ другимъ берегомъ Изера! Тамъ нѣтъ Господина, посылающаго своимъ подданнымъ смертный приговоръ. Тамъ Король, во главѣ своей арміи,—глава націи.

Исторія поставитъ лицомъ къ лицу обоихъ: могущественаго Кайзера, который ведетъ на гибель четыре милліона солдатъ, и

молодого побѣжденнаго Короля, которому отъ всей его страны осталось только мѣсто, чтобы поставить свою палатку.

Но событія освѣтили того и другого такимъ трагическимъ свѣтомъ, что оба они видны во весь ростъ. Первый — растопталъ своими конями гордую и мирную націю; въ ярости, что не можетъ ее покорить, онъ дѣлаетъ самыя чудовищныя усилія надѣется еще разъ заставить содрогнуться міръ передъ его жестами бѣшенства.

Въ молодомъ бельгійскомъ Королѣ, наоборотъ все—просто, свободно и человѣчно. Чудесный и свѣтлый образъ появился въ этотъ ужасный моментъ кризиса цивилизаціи, чтобы воплотить въ себѣ идею Родины, Справедливости и Права!

Можно сказать, что сама судьба постаралась сдѣлать его изящнымъ и благороднымъ, чтобы противопоставить его грубымъ и сардоническимъ чертамъ.

ЯЛЬМАРЪ БАРНТИНГЪ.

Мое личное уваженіе къ Бельгіи значитъ такъ мало.

Поэтому я буду говорить о моемъ народѣ.

Швеція была обречена смотрѣть на міровой кризисъ глазами Германіи, Нѣмцы—наши родственники. Съ ними мы переплетены об-

щими корнями; сильнѣйшее вліяніе на нашу культуру имѣла Германія. Наши высшіе классы восхищаются германскими порядками, чувствомъ долга, дисциплиной низшихъ классовъ, колоссальнымъ ростомъ ея промышленности. Рабочее движеніе, пустившее у насъ свои корни, тоже пересажено къ намъ изъ германской почвы.

Когда шведскіе рабочіе давали генеральное сраженіе всеобщей забастовкой въ 1909 г. ихъ германскіе товарищи оказали имъ могущественную поддержку.

Но вдругъ было совершено преступленіе противъ международнаго права—нарушеніе бельгійскаго нейтралитета.

Для насъ, которые рѣшили защищать свой нейтралитетъ до конца, это событіе является какъ-бы шипомъ, направленнымъ въ наше собственное сердце. И это сразу измѣнило настроеніе широкихъ массъ нашего народа.

Даже самая германофильская часть нашей прессы потеряла свой самоувѣренный тонъ. Чѣмъ безпощаднѣе становились германскіе пріемы, чѣмъ больше германскій „проходъ" черезъ Бельгію принималъ характеръ опустошительнаго нашествія, тѣмъ сильнѣе въ шведскихъ сердцахъ росли симпатіи къ маленькой отважной націи, которая безстрашно

встала на защиту права и свободы, не считаясь съ численнымъ превосходствомъ врага.

Можетъ быть германская стратегія, не смотря на неожиданное сопротивленіе, что-нибудь и выиграла, благодаря своему вторженію въ страну, охраняемую международнымъ договоромъ. Но въ концѣ концовъ, есть въ мірѣ силы, которые значатъ больше, чѣмъ стратегія.

Только близорукій глупецъ могъ разсчитывать, что Бельгія уступитъ послѣ перваго сопротивленія, оказаннаго якобы для того, чтобы подчеркнуть свой нейтралитетъ. Нѣтъ, только теперь, когда Бельгія показала, какъ исчерпывающе она унаслѣдовала отъ своихъ предковъ храбрость и самоотверженность,— теперь должно признать, что ея свобода и почетное мѣсто среди братскихъ націй, ей обезпечено въ полной мѣрѣ навсегда. То, что вся Бельгія, включая и соціалистическіе рабочіе классы, не ограничились простымъ словеснымъ протестомъ, сдѣлало ея подвигъ священнымъ для всѣхъ мужчинъ и женщинъ, которые еще цѣнятъ справедливость и свободу.

А потому: да здравствуетъ Бельгія! Мое самое искреннее пожеланіе, какъ шведа, таково: если, вопреки нашимъ надеждамъ и стремленіямъ подготовить всеобщій миръ,

нашей нейтральной странѣ будетъ угрожать вторженіе, пусть мы единодушно послѣдуемъ доблестному примѣру, данному Бельгіей.

„Скорѣе умереть, чѣмъ сдѣлаться рабомъ" гласитъ фризійская пословица. Тѣмъ-же духомъ вѣетъ и въ пѣснѣ, созданной въ XV вѣкѣ нашимъ шведскимъ епископомъ Томасомъ:

Свобода—лучше всего въ мірѣ.
Ибо со свободой приходитъ и честь.

ПОЛЬ БУРЖЕ. КОРОЛЬ АЛЬБЕРТЪ.

За ужасными испытаніями войны кроется нѣкоторое благодѣяніе для народовъ и для личностей мужественно принимающихъ ея трагическую необходимость: она воспитываетъ упорство, такимъ образомъ, что этотъ ужасный элементъ разрушенія можетъ превратиться въ плодотворный элементъ возсозданія. Война даритъ людямъ съ сердцемъ еще одно благодѣяніе — она даетъ примѣръ взаимнаго обмѣна и такимъ образомъ эта кровавая служанка раздора, служитъ также и соединенію; она связываетъ самымъ крѣпкимъ узломъ соціальный союзъ, какъ разъ въ ту минуту, когда кажется, что она готова его разорвать. Примѣръ долга, данный на полѣ битвы, въ общемъ порывѣ всѣхъ объединяетъ вокругъ знамени. Это — высшій — ставящій надъ собою низшаго, мужество—выпрямляю-

щее упадокъ духа, сила,—служащая образцомъ для слабости, энергія—ставшая живой проповѣдью. Она показываетъ, что можетъ человѣкъ, когда онъ хочетъ и что сможете и вы,—его товарищъ,—если вы захотите. И вы хотите. Пренебрегать опасностью, страдать, умереть—всѣ эти слова имѣли для васъ, пресыщеннаго наслѣдника счастливаго общества, весьма отдаленное значеніе. Война въ нѣсколько дней дѣлаетъ изъ нихъ ужасающую дѣйствительность. Хватитъ ли у васъ силы встрѣтить ее лицомъ къ лицу? Вы въ этомъ сомнѣваетесь. И вотъ другой, на вашихъ глазахъ, спокойно и хладнокровно проявляетъ эту силу. Его осанка заражаетъ и васъ. Что могъ сдѣлать онъ — сдѣлаете и вы. И вы идете на опасность, вы хотите страдать, вы умѣете умирать. Чудо жертвы въ томъ, что она умножается во всѣхъ свидѣтеляхъ ея. И вотъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, каждый день и каждый часъ, мы присутствуемъ при этомъ чудѣ. Но среди несущихъ героическій факелъ ни одинъ образъ не волнуетъ меня такъ, какъ образъ принца, которому моя родина — Франція, — никогда не перестанетъ быть благодарной. Я говорю о Королѣ Альбертѣ, чьей чудесной личности эта жестокая война обязана своимъ возвышеннымъ смысломъ. Безъ него и безъ бельгійскаго народа

она была бы просто міровымъ катаклизмомъ неопредѣленнаго значенія. Третьяго августа, германское правительство вручило ему ноту, требуя для своихъ армій свободнаго прохода черезъ его территорію; въ оплату за это Германія обязалась поддерживать неприкосновенность королевства и его владѣній. Въ противномъ случаѣ, съ Бельгіей поступятъ какъ съ врагомъ. Для отвѣта, королю Альберту дано двѣнадцать часовъ; но передъ такимъ ультиматумомъ онъ не колеблется ни минуты. Онъ знаетъ ужасающую силу нѣмецкой арміи. Онъ знаетъ германскаго императора. Онъ знаетъ, что этотъ гордецъ не отступитъ послѣ того, какъ онъ сдѣлалъ такой шагъ. Его тронъ поставленъ на карту, болѣе, чѣмъ тронъ:—семь милліоновъ жизней, ввѣренныхъ ему; онъ мысленно видитъ, эту прекрасную беззащитную страну, угольныя копи, каменоломни, фабрики, прядильни, гавани,—всю цвѣтущую промышленность, распустившуюся на этихъ открытыхъ равнинахъ, которыхъ онъ не сможетъ предохранить. Но дѣло идетъ о договорѣ, подъ которымъ есть его подпись. Отвѣтить Германіи: „да", это значитъ измѣнить тѣмъ, кто подписалъ вмѣстѣ съ нимъ,—французамъ и англичанамъ. Это значитъ не сдержать даннаго обязательства, обезчестить себя и свой народъ; король говоритъ: „нѣтъ"
Остальное извѣстно.

Этотъ героизмъ честности напоминаетъ намъ античнаго Регула, вернувшагося въ Карфагенъ на муки, чтобы сдержать данное слово. Это честность сына, который разоряется, чтобы заплатить долги своего отца. „Во что обойдется вамъ исполненіе этого договора, подумали ли вы объ этомъ?“ Спросилъ Бетманъ Гольвегъ Сэра Эдуарда Гошена. Я слышу отвѣтъ Короля Альберта: „Это не мое дѣло. Вы говорите, что это лишь клочекъ бумаги, но на немъ мое имя и этого достаточно“.

Однажды Тюреннъ, котораго упрекали въ томъ, что онъ исполнилъ обѣщаніе, данное ворамъ отвѣтилъ: „Я держу честное слово, данное Тюренну“. Эта вѣрность Бельгійскаго Короля и съ нимъ его народа „клочку бумаги“,—какъ она проста и какъ драгоцѣнна. Честь—Англіи, которая ее поняла и раздѣлила. Здѣсь идетъ дѣло не объ идеалогическомъ спорѣ,—что выше—демократія или феодализмъ, соціализмъ или капитализмъ,— на который улавливаютъ наивный демосъ. Дѣло идетъ о контрактѣ и по этому поводу о всѣхъ контрактахъ; о подписанномъ актѣ и слѣдовательно обо всѣхъ подписанныхъ актахъ; и такъ какъ собственность покоиться на договорѣ, — дѣло идетъ о собственности, т. е. обо всѣхъ отношеніяхъ, возможныхъ между людьми и о самомъ фун-

даментѣ общества. Да, Король Альбертъ защищалъ весь общественный порядокъ, когда произнесъ свое: non possumus". А Бетманъ Гольвегъ отрицалъ этотъ порядокъ, когда плюнулъ на „клочекъ бумаги". Общественный порядокъ былъ попранъ германскимъ императоромъ, когда онъ перешелъ бельгійскую границу. Общественный порядокъ, въ лицѣ министровъ Короля Альберта, привѣтствовала и Францiя въ Гаврѣ. Король Альбертъ сдѣлалъ болѣе. Первый министръ Англiи, въ одной изъ тѣхъ рѣчей, которые Британскiе ораторы произносятъ, когда выходятъ на большую стезю своей исторiи, призналъ это. Была нѣкогда Европа маленькихъ государствъ и эта раздробленность затрудняла чудовищное столкновенiе огромныхъ человѣческихъ массъ, при какомъ мы присутствуемъ въ наши дни. Бисмаркъ былъ генiальнымъ и зловѣщимъ работникомъ, закончившимъ разрушенiе этой Европы, такъ осторожно устроенной. Бельгiя—одно изъ немногихъ маленькихъ государствъ, которое выжило. Если мы хотимъ по окончанiи войны создать продолжительный миръ, намъ надо снова приняться за устройство маленькихъ государствъ. Одинъ изъ монарховъ коалицiи очень мудро замѣтилъ одному изъ нашихъ пословъ: Задача союзниковъ—вернуть Евро-

пу къ добисмарковскому періоду“. Залогъ исцѣленія въ этомъ, а не въ химерической проповѣди вѣчнаго мира и не въ отвратительномъ проектѣ еще большаго объединенія Германіи подъ республиканской вывѣской. Для будущаго всего цивилизованнаго міра— важно, чтобы вмѣсто единой Германіи было ихъ нѣсколько; мозаика изъ маленькихъ государствъ, а не блокъ, соединенный мощной рукой желѣзнаго канцлера. Но чтобы подобная Европа была жизнеспособна, необходимо чтобы первымъ параграфомъ ея кодекса, было абсолютное уваженіе къ независимости маленькихъ государствъ. Старая французская монархія никогда не имѣла другой программы и политическая истина встрѣчается съ истиною соціальной лишь въ жестѣ короля. И Альбертъ сдѣлалъ этотъ жестъ. Втеченіе этихъ долгихъ и жестокихъ недѣль,— когда его города бомбардировались, его подданные убивались, его министры принуждены были искать убѣжища во Франціи,—онъ не произнесъ ни одной жалобы и,—высочайшее соотвѣтствіе сердца подданныхъ съ сердцемъ монарха,—ни одного слова сожалѣнія, которое обнаружило бы упадокъ духа, не было произнесено народомъ, подвергшимся захвату. Непобѣдимая воля, служащая праведной мысли,—знаете ли вы зрѣлище, которое

вызвало бы въ душѣ большій взрывъ восторга и, если это возможно—соревнованія? Мишле говорилъ о Клеберѣ, что тотъ имѣлъ такое воинственное лицо, что глядя на его каждый становился отважнымъ. О королѣ Альбертѣ можно было бы сказать, что становишься честнѣе, какъ только подумаешь о немъ.

МАРСЕЛЬ ПРЕВО.

Въ ту трагическую минуту, когда одинъ изъ монарховъ Европы снялъ всѣ цѣпи съ варварства, поднялся другой монархъ и освободилъ изъ цѣпей героизмъ и внезапно героизмъ овладѣлъ по очередно всѣми народами,—этими старыми народами запада, которые считались слишкомъ цивилизованными, чтобы встрѣтить смерть улыбаясь. Слава Альберту Королю Бельгіи, который напомнилъ намъ о цѣнности нашихъ душъ!

ГУЛІЭЛЬМО ФЕРРЕРО.

Ужасно испытаніе, но велика будетъ слава Бельгіи и авторитетъ ея короля, когда наступитъ должное возстановленіе.

Бельгія, безтрепетная мученица тевтонскаго бѣшенства, пробудила нравственное сознаніе всего міра—міра, который погрязъ въ грѣхахъ, въ жаждѣ наслажденій, въ гордости знаніемъ и богатствомъ, и которому пред-

стояло погибнуть въ хаосѣ бѣшенства и жестокости этой ужасной войны. Когда міръ увидѣлъ, какъ великая держава, опьянѣвъ отъ гордости, мучаетъ маленькую, невинную націю, онъ понялъ, что трудъ, богатство, знаніе и мощь недостаточно цѣнны; народамъ, какъ и отдѣльнымъ личностямъ, необходимо еще цѣнить и честь, лойяльность, справедливость, вѣру и правду. Поэтому, послѣ несомнѣнной побѣды коалиціи, послѣ возстановленія правъ и территоріи Бельгіи, начнется новая и прекраснѣйшая эра Европы; на первой страницѣ которой будетъ написано драгоцѣннѣйшей кровью Бельгіи: „Да здравствуетъ Бельгія“!

РОБЕРТО БРАККО.

Въ этотъ историческій моментъ Бельгія—„нація въ агоніи“—является величайшей націей Европы.

АРИСТИДЪ САРТОРІѲ.

Одинъ германскій писатель повѣдалъ намъ, что солдаты его страны въ своихъ ранцахъ носятъ Фауста и Заратустру. Этотъ багажъ весьма знаменателенъ, такъ какъ Мефистофель былъ дѣдушкой Заратустры, а этотъ послѣдній унаслѣдовалъ отъ своего предка такую философскую концепцію, кото-

рая толкаетъ на всякаго рода насиліе. Она создала цѣлое направленіе въ Германіи и, какъ мы знаемъ, является важнымъ факторомъ въ дисциплинѣ германской арміи.

Очевидно, что солдаты идутъ на поле сраженія, не для того, чтобы изучать литературу; они находятъ вдохновеніе скорѣе въ моральныхъ аксіомахъ, своихъ vade mecum, чѣмъ въ художественныхъ красотахъ дѣлающихъ эти творенія безсмертными. Бельгійцы на себѣ испытали жестокое доказательство этого, да и мы, итальянцы, подверглись бы тому же, если бы центральныя европейскія державы вышли побѣдителями изъ этой безпощадной борьбы. Италія сдѣлалась бы ихъ вассаломъ и, весьма возможно, была бы разграблена, опустошена и стерта съ лица земли. Освобожденные изъ узъ тройственнаго союза, мы, итальянцы, съ негодованіемъ смотримъ на мученія Бельгіи, нейтральной страны, страны искусства, литературы и промышленности, съ которой эпоха Возрожденія связала насъ духовными нитями, страны, которая, какъ и Италія, добилась своей независимости путемъ громадныхъ жертвъ. Кости Фридриха Нитцше, который приходилъ въ неистовство при видѣ Германіи, погруженной въ спокойный сонъ, должны были бы высокочить изъ могилы, гдѣ они покоились неда-

леко отъ праха олимпійца—Гете; эпоха всепобѣждающаго насилія началась; мы знаемъ теперь, что германская культура, вдохновляемая Мефистофелемъ и Заратустрой, не знаетъ границъ; такъ же какъ Мефистофель по приказанію Императора, любимца Всевышняго, изобрѣлъ поразительное оружіе, такъ и тевтонскій геній создалъ ужасныя орудія, уничтожающія крѣпости, города, общественныя зданія и университеты. И такъ же какъ Фаустъ, въ костюмѣ гуманитарнаго мечтателя хотѣлъ овладѣть землями, добытыми съ помощью Діавола, такъ и 94 германскихъ профессора заявили всему міру о справедливости германскаго нашествія, жертву котораго они собирались залить излишкомъ своей культуры. Мефистофель сжегъ церковь, домъ и садъ, принадлежавшіе двумъ бѣднымъ старичкамъ и мѣшавшіе расширенію счастливаго королевства Фауста. Оба старичка вмѣстѣ съ ихъ гостемъ были заживо сожжены, всѣ трое ни въ чемъ неповинные! Хотѣлось бы знать, какимъ будетъ приговоръ добраго стараго Бога надъ этими авіаторами, которые поднимаясь надъ городами, убиваютъ тамъ женщинъ, дѣтей и стариковъ; вѣдь ни Мефистофель, ни Заратустра не имѣли къ ними никакого дѣла; но Фаустъ долженъ ихъ видѣть изъ рая. Докторъ раскаялся, видя приближеніе смерти,

поднялся къ подножію Св. Дѣвы и нашелъ тамъ просвѣтленный духъ Гретхенъ, которая въ прошломъ убила мать, задушила свое дитя любви, но умерла раскаявшись. Вдохновленные этимъ поучительнымъ чтеніемъ, нѣмецкіе солдаты должны смотрѣть на себя, какъ на архангеловъ по сравненію съ католической Фландріей, которая вырабатывала свою мораль, созерцая добродѣтель въ священныхъ образахъ Латинскаго искусства.

Да будетъ благословенна и прославлена твоя жертва, о, героическая Бельгія неугасимая и непобѣдимая!

Ты возстала противъ варварскаго имперіализма, прикрывающагося именемъ науки и культуры.

Да здравствуетъ во вѣки, героическая Бельгія!!! Нѣчто звѣриное угрожаетъ славѣ міра: пусть твоя кровь очиститъ, какъ воды крещенія—нашу вѣру въ латинскую культуру, и подниметъ насъ противъ тупой и мрачной имперіи, которая кажется вышедшей изъ темныхъ глубинъ первобытной Азіи или Европейскаго средневѣковья!

ЛУИДЖИ БАРДЗИНИ.

Бельгія погибла'—но она побѣдила сердце міра!

Дѣло Бельгіи настолько благородно, настолько чисто, что оно выросло въ человѣ-

ческомъ сознаніи до такого торжествующаго величія, котораго никокому пораженію не уменьшить. Бельгія, поверженная на землю, обезглавленная, раздавленная гигантскимъ врагомъ, — навсегда олицетворила собою нѣчто непобѣдимое; — Право—Защищая цѣною своей жизни свою свободу, — Бельгія защищала священнѣйшее наслѣдіе всѣхъ цивилизованныхъ народовъ; она сражалась за принципъ, который составляетъ основу жизни всѣхъ современныхъ націй; она отдала свою кровь не за интересы свои, а за идеалы, которые являются также и нашими. Пораженіе возноситъ и прославляетъ ее, какъ Св. Мученицу; освящаетъ и возвышаетъ и жертву и ея вѣру. Бельгія поставила независимость выше существованія. Она не считала враговъ, она не разсчитывала на успѣхъ; она видѣла только справедливость и святость своего дѣла. Она совершила величайшій подвигъ,—сражаться—безъ надежды. Но по мѣрѣ того, какъ подъ галопомъ прусскихъ улановъ, бельгійскія земли отрывались отъ живого тѣла націи и неотвратимый и тяжкій тевтонскій приливъ, неся мечь и огонь продвигался все впередъ, отъ города къ городу; по мѣрѣ того какъ Бельгія уменьшалась,— она все выше и выше росла въ нашихъ глазахъ.

Передъ изумленнымъ міромъ воспрянула новая Бельгія. Тамъ гдѣ раньше мы видѣли только маленькую мирную страну, трудолюбивую, разсчетливую, промышленную, равнодушную къ національнымъ конфликтамъ,— мы внезапно почувствовали трепетъ генія великой рассы.

Передъ нами неожиданно появился народъ который, подъ руководствомъ своего достойнаго Короля успѣлъ проявить въ господствующихъ рамѣрахъ своей героизмъ, свою лойяльность, свое великодушіе, для того, чтобы, клочекъ за клочкомъ терять свое господство надъ свое-же окровавленной землей. На нашихъ глазахъ Бельгія возвеличилась на своихъ собственныхъ развалинахъ. Мы взираемъ на судьбу Бельгіи съ состраданіемъ, въ глубинѣ котораго трепещаетъ чувство солидарности. Милліоны и милліоны людей всѣхъ расъ и всѣхъ націй чувствуютъ боль отъ каждаго безпощаднаго удара, наносимаго Бельгія и ея вѣками прославленной культурѣ и раздѣляютъ съ ней ея страданія, чувства и надежды. Всѣ, въ комъ есть сердце, какъ-бы чувствуютъ себя бельгійскими гражданами и со всѣхъ континентовъ несется къ Бельгіи огромная волна любви и доброжелательства, какъ къ идеальному Отечеству, измученному и опустошенному.

ДР. ОЛИНДО МАЛАГОДИ.

Всемогущая Германія, ища оправданіе своему насилію надъ бельгійскимъ нейтралитетомъ, за который она сама торжественно поручилась, заявляетъ устами своего канцлера:—„Необходимость не признаетъ закона“ — Такими словами Германія уменьшаетъ собственное могущество, отдавая себя въ рабство условіямъ и обстоятельствамъ, и такимъ образомъ сама себя унижаетъ.

Бельгія—маленькая и слабо вооруженная, отвѣтила на это своей героической защитой, которую можно было бы выразить обратной формулой: — „Законъ не признаетъ необходимости.

Своимъ поведеніемъ, Бельгія, матеріально пострадавшая, высоко поднялась надъ своимъ могущественнымъ угнетателемъ и одержала моральную побѣду громадной цѣнности, передъ всѣмъ міромъ.

Въ этомъ контрастѣ выражена вся славная эпопея бельгійской самозащиты, заключающей въ себѣ обѣщаніе и предсказанія для будущаго человѣчества. Германія нашихъ дней основала свою политику на аксіомѣ: — Сила есть Право“; и эта аксіома соотвѣтствуетъ современной дѣйствительности, но тѣмъ большую цѣну пріобрѣтаетъ каждое дѣяніе, про-

тиворѣчащее этому желѣзному закону, и та жертва, которую героически принесла Бельгія, требуетъ созданія новой,—болѣе человѣчной дѣйствительности, въ которой—„Право будетъ силой“!

ХУАНЪ РАМОНЪ ХИМЕНЕЦЪ.

Ея Королевскому Высочеству Принцессѣ Маріи

Прекрасная Принцесса, какъ Рождественскій подарокъ, я посылаю тебѣ по безпроволочному телеграфу, мое сердце добраго человѣка. Удостой его взять въ свои маленькія ангельскія ручки.

Если бы только оно могло быть полезно тебѣ! Чѣмъ бы оно было для тебя? Бомбой, чтобы выгнать изъ твоихъ садовъ страшныхъ свѣтловолосыхъ прусскихъ разбойниковъ? Ну, что же заряди имъ, не щадя пороха, ужасную гаубицу!

Воздушнымъ шаромъ, чтобы выслѣдить расположеніе твоихъ враговъ и ихъ хищническое приближеніе къ твоему очаровательному дворцу? Хорошо, возьми съ собой всѣ твои надежды и лети на немъ прямо къ самому Берлину, а я буду дуть отсюда изо свѣхъ силъ:

Неожиданной подводной лодкой? Прекрасно, брось его въ глубокія воды и пусть оно

внушаетъ ужасъ огромнымъ желѣзнымъ китамъ, плавающимъ въ бурномъ и траурномъ Балтійскомъ морѣ съ реющими флагами чернаго, бѣлаго и краснаго цвѣта.

Но нѣтъ! Все это слишкомъ дурно и не можетъ нравиться Бельгійской Принцессѣ и испанскому поэту. Пусть мое сердце будетъ для тебя зерномъ любви. Посѣй его въ осеннемъ полѣ, вспаханномъ пушками и выраститъ, ранней весной, изъ его крови дѣвственное дерево мира.

КОНДЕ ДЕ РОМАНОНЪ.

Цивилизованный міръ съ тревогой ждетъ результатовъ ужасныхъ событій, чтобы узнать—какая судьба ждетъ Бельгію. Эта маленькая нація,—маленькая до дня своего несчастья и своего униженія, но теперь, достигшаго такого моральнаго величія, которое никогда не было превзойдено въ исторіи,—не можетъ исчезнуть, не можетъ потерять своего суверенитета! Ели бы это случилось, пришлось бы допустить, что право и справедливость не являются болѣе принципами существованія цивилизованныхъ народовъ, и это было бы для нихъ ужаснымъ, незабывамымъ урокомъ. На что тогда всѣ старанія, вся энергія, затраченная для того, чтобы увеличить моральныя и матеріальныя силы

маленькаго государства, чтобы преобразовать его въ примѣрную, достойную всяческаго уваженія и всяческаго почета націю? Зачѣмъ столько усилій, чтобы итти впередъ по дорогѣ прогресса, свободы, уваженія къ правамъ другихъ, если право сильнаго должно торжествовать въ конечномъ счетѣ? Лучше было бы жить независимой жизнью дикихъ народовъ, которые еще чужды всякой цивилизаціи!

МЕТЕРЛИНКЪ.

Англійскому издателю Книги Короля Альберта.

Не мнѣ возглашать въ эту минуту славу моей маленькой Родинѣ. Вы сами сдѣлали это съ такимъ прекраснымъ и утонченнымъ краснорѣчіемъ, что мнѣ нечего прибавить къ вашему предисловію. Ваши слова трогають до слезъ. Они являются для насъ величайшимъ свидѣтельствомъ, на какое только можно надѣяться въ исторіи, потому, что они произнесены отъ имени великаго народа, для котораго честь, лояльность, вѣрность торжественнымъ обязательствамъ, безмолвное мужество,—упорное и непобѣдимое,—были всегда законами самой жизни.

Благодарю, отъ всего моего сердца!

СТИХИ.

АЛИСА МЕЙНЕЛЪ. ГЕРОИЧЕСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Когда живые языки умрутъ,
Какой вселенной будетъ почитаться
И привлечетъ специалиста трудъ?

Какой языкъ должны вѣка сберечъ?—
—Шекспира, Кеплера,—и ты должна ос-
таться,
Фламандцевъ героическая рѣчь!

УОЛЬТЕРЪ ЗИХЕЛЬ.

*
* *

Король людей, все низкое призрѣвшій,
Бельгійскій вдохновитель смѣло вставшій!
Что дастъ потомкамъ край твой опустѣвшій,—
Миръ,—честь монарховъ, храбро защищавшій!

Народъ чудесный! началъ ты прекрасно,
Твой подвигъ. Сердце облитое кровью,
Твое молчитъ, но мы, хоть безопасны,
Страдаемъ съ нимъ, горя къ тебѣ любовью.

Ни звука боли! На небѣ побѣдно
Горитъ звѣзда и сумракъ разрѣзаетъ,
То вѣстникъ утра. Этотъ свѣточъ блѣдный
Тебѣ про день грядущій, возвѣщаетъ!

УИЛЬЯМЪ АРЧЕРЪ. БОЛЬШОЙ И ВЕЛИКІЙ.

Когда предъ судомъ исторіи самой
Они предстанутъ, какъ она разсудитъ?
Германія—коллосъ, иль Бельгія—Герой,
Вильгельмъ или Альбертъ славнѣе будетъ?

ЭЛЛА УИЛЛЕРЪ УИЛЬКОКСЪ. БЕЛЬГІЯ.

Погибла? Нѣтъ! Хоть льется кровь ручьями,
Средь старыхъ зданій, временемъ хранимыхъ,
Любовью созданныхъ и златомъ нецѣнимыхъ—
Бельгійская звѣзда горитъ за облаками!

Исторія блѣдна великими царями,
И малъ, какъ человѣкъ, бывалъ великій царь,
Какъ факелъ поднятъ Ты бельгійскими руками.
Великій человѣкъ,—великій Государь!

СЭРЪ ДЖОНЪ БЛАНДТЪ СЭТТОНЪ.

***

Каюсь, его благородство мнѣ зависть внушаетъ
Еслибъ мнѣ было возможно сдѣлаться, кѣмъ захочу я
Имъ лишь однимъ захотѣлъ-бы сдѣлаться только!

ТОМАСЪ ГАРДИ. БЕЛЬГІЙСКІЙ ИСХОДЪ ИЗЪ ОТЕЧЕСТВА.

Мнѣ снилось, что народъ страны колоколовъ
Осеннимъ утромъ прибылъ съ ними ихъ вѣшать
На башняхъ моего родного края сталъ,
Чтобъ нѣжный перезвонъ ихъ, оглашая воздухъ,

Среди дневного шума суеты житейской
И звѣздного безмолвія пустынной ночи,
Вливалъ успокоенье въ души и сердца
Моей отчизны и родныхъ ей странъ.

Очнулся я,—и встали предо мною въ явь
Мои видѣнія, но блѣдныя, трепещущія страхомъ
Изъ Брюгге, изъ Антверпена они явились, изъ Остенде.

И съ ними не было колоколовъ. Превратности судьбы
И улицы опустошенныя, объятыя пожаромъ кровли
Ушамъ насильника врага оставили ихъ звонъ.

АЛЬФРЕДЪ НОЙЕСЪ. ИСКУПЛЕНІЕ ЕВРОПЫ.

...DONEC TEMPLA REFERIS (пока ты возстановишь храмы).

Подъ знаменемъ какимъ? Царила ночь,
Темнѣе всѣхъ ночей отъ вѣка.
Крестъ сломанъ былъ. Въ кровавыхъ пятнахъ, сила,
Какъ тигръ, изъ логовища выходила;
И все, что Небо своей смертью укротить хотѣло.
Проснулось, и смѣшались межъ собой земля и адъ.

Ибо Европа въ исповѣданьи своемъ
Обычая держалась, а не вѣры.
И въ грезахъ, и въ дѣлахъ вернулся хаосъ.
Легендой стало право, призракомъ—любовь,
И То, міръ черезъ что произошелъ, казалось
Ничтожнѣй лучшаго, что есть у человѣка.

Принявшій образъ змія богъ
Мечту безумную, слѣпую свергъ съ престола,—
Мечту о Богочеловѣкѣ, сердце Чье могло
Разбиться, жить и умереть и побѣждать съ людьми.
Какой-то архи-змій, Джиггернаутъ,
Самый высокій изъ всѣхъ помысловъ людскихъ низвергъ съ престола.

Бой начался Внутри насъ и извнѣ
Врагъ вѣковѣчный обновился силой,
И множествомъ коварнѣйшихъ ударовъ
Онъ линіи добра и зла и въ мысли, и въ
искусствѣ спуталъ.
Пока о Новизнѣ мертвящій душу крикъ
Одинъ лишь истиной казаться сталъ.

Вѣками позабытыхъ слезъ
Мы разбивали созданныя нами-же святыни...
Не знали мы, гдѣ небреженьемъ къ нимъ
Положенъ намъ Учитель. Два тысячелѣтья
Блескъ неизмѣнный солнца затемнили.
Единый міръ многообразные міры сокрыли.

Закона царство помрачили, компасъ нашъ и
руль
Средь этого темнѣющаго моря,
Единый вѣрный свѣтъ, единый вѣрный путь,
Единую свободы—твердую основу;
Единственную твердую стезю, которой
Чрезъ хаосъ люди къ Божьему Престолу шли.

Рѣшайте, крикъ раздался сотни легіоновъ,
Безчестье вамъ или мгновенный мечъ!
И вы рѣшили. На себя вы приняли потокъ
кровавый.
Сдержало слово маленькое королевство
И, умирая, возопило среди мрака:

Внемли намъ, о земля, путь правды мы избрали!

Кто-жъ побѣдилъ? Хотя стояли вы
Одни лицомъ къ лицу съ врагомъ несмѣтнымъ,—
Въ свидѣтели беру всѣ слезы тѣ,
Всю кровь, которыя текли и течь не перестали,
Всѣ легіоны тѣ, что вы отбросили назадъ
Чрезъ міръ, громами потрясенный,

Всѣхъ стариковъ, не знающихъ, гдѣ голову склонить,
И земли разоренныя, и преданныя поруганью очаги,
И всѣ истерзанные груди,
Всѣхъ изувѣченныхъ дѣтей,—
Кто побѣдилъ? Отвѣтьте вы,
Вы, что смѣясь надъ тираннiей, умирали.

Подъ аркой тріумфальною небесъ
Сіянье загорается зари.
Въ молчаньи въ этотъ мигъ проходятъ чрезъ Берлинъ
Ряды усопшихъ, привидѣнья нашихъ войскъ,
Кровавыя, въ лохмотьяхъ, призраки, нѣмыя тѣни.
Но чья-же ихъ бросаетъ быстро мчащаяся рать?

Ты, Англія, отвѣть! Всегда съ тобой,
Сквозь океаны крови, сквозь туманы слезъ
Съ тобой, умершей за Свободу
И до конца вѣковъ оставшейся живой!—
И ты отвѣть, Земля! Въ глубокой дали
Я пѣснопѣнья слышу болѣе счастливыхъ
сферъ.

Труба, звучавшая при Марафонѣ,
Гремѣла надъ землей и надъ морями;
Но трубный гласъ твоей Свободы
Исшолъ изъ ангельскихъ, огнемъ горящихъ
устъ.
Кто, видя твоихъ мертвыхъ, могъ-бы счесть
мечтой
Ту вѣру, за которую ихъ смерть сразила?

Земля теперь не та, какой была.
Въ Европу ты вдохнула душу.
И, подчиняясь закону, наравнѣ съ людьми,
Народы стали членами могучаго союза,
Пока не прекратились войны... Въ этотъ день
Такъ будутъ внуки наши говорить.

ВИЛЬЯМЪ УАТСОНЪ. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ КОРОЛЮ АЛЬБЕРТУ.

Не часто славилъ я земныхъ владыкъ,
И никогда меня не ослѣплялъ
Блескъ власти, предъ которой пресмыкаются рабы,
Рукоплеща ей и бросая души въ ее жертвенное пламя
Прими же отъ души свободной дань благоговѣнья
Ты Царственности, въ смѣломъ мужествѣ расцвѣтшей,
Свершающій свой трудъ безъ думъ о славѣ,
Любовь дающей тѣмъ, кѣмъ правитъ, и слуги своей державы
Ибо когда народъ твой, въ сѣть отчаянья попавъ,
Возсталъ единымъ сердцемъ, чуждымъ страха, то его король
Достойнымъ показалъ себя такого трона,
Достойнымъ поднесеннаго народомъ тѣмъ вѣнца.
И никогда еще изъ смертныхъ устъ къ смертному слуху
Не доносился звукъ такой хвалы высокой.

СИДНЕЙ ЛОУ.

Она не умерла! Хоть тяготѣетъ длань
Грабителя, какъ смерть, на ней; хотя горитъ въ ней жгучей раной
Сердце, пронзенное его проклятой сталью,
И грудь ей искололь его позорный мечъ;
Хотя еще дымятся факелы вандальскихъ ордъ
На разоренныхъ ея нивахъ, на потопленныхъ дорогахъ,
Домахъ опустошенныхъ, оскверненныхъ храмахъ,
Она не умерла, но спитъ, страдалица страна

О доблестный, свободный маленькій народъ,
Переживешь ты ужасы и муки
И, по свѣту разсѣянныхъ дѣтей своихъ собравъ,
Сильныхъ воспоминаньемъ объ убитыхъ братьяхъ,
Возстанешь изъ могильника, чтобъ снова быть
Самимъ собой—безсмертнымъ, лучезарнымъ.

СЭРЪ ЧАРЛЬЗЪ УИНДГЭМЪ. ИЗЪ ЭЛЛАДЫ ШЕЛЛИ.

Полухоръ первый.

Тираны создали погромъ, такъ пусть-же царствуютъ въ пустынѣ;
И пусть у вольныхъ будетъ рай, котораго хотятъ;

Пусть рокъ насильниковъ свирѣпыхъ уравновѣшенъ будетъ нынѣ
Съ борьбою нашей, и съ огнемъ, что нашъ затеплилъ взглядъ,

Полухоръ второй.

Наши мертвые будутъ посѣвомъ ихъ гибели, смерти несчетной,
Тѣ, что живы изъ насъ, будутъ—тѣнь ихъ тщеты, ихъ бѣда,
Пораженіе наше предстанетъ, какъ сонъ, только сонъ мимолетный,
А безчестіе ихъ будетъ жечь, будетъ жгучимъ всегда.

(Переводъ К. Д. Бальмонта).

МОРИСЪ ХЬЮЛЕТТЪ. ИЗЪ АНГЛІИ.

Сердца большія, со скупою рѣчью,
Упорные работники равнинъ!
Вновь этимъ наглецамъ урокъ вы дали,
Какой давали Цезаря войскамъ:
Тотъ, кто не скоръ на гнѣвъ, тотъ долгъ въ гнѣвѣ.
Отъ кельтовъ пусть узнаетъ это кесарь
И пусть пойметъ, что трудъ неблагодарный—
Намъ, Запада владыкамъ, досаждать!

Насъ тоже вызывать на бой опасно:
Священны намъ обычай и порядокъ,

Король и церковь, и бороться будемъ,
Какъ вы, за каждый шагъ мы до конца,
И *намъ* дороже и земли, и крови
Завѣтное сокровище—*Свобода.*

МАРІЯ КОРЕЛЛИ.

ЗА БЕЛЬГІЮ! МОЛИТВА.

„Что сдѣлаемъ мы для сестры нашей въ тотъ день, когда будутъ свататься за нее? Если бъ стѣной она была, то мы построили бы въ ней палаты изъ серебра“. *Пѣснь Пѣсней* Соломона.

Творецъ земли и неба,
Ты, давшій жизнь милльонамъ
Путь предуказанный свершающихъ свѣтилъ,
Ты, Своей мощью непреоборимой
Зло преотворяющій въ добро,
Въ отмѣренныхъ годахъ мгновенья не теряя,—
Внемли, къ Тебѣ мы прибѣгаемъ!
Къ Престолу Твоему подъемлемъ обнаженные мечи...
Къ намъ Очи обрати и узри
Сестру нашу, страну, повергнутую въ гибель!
Довѣрья, правды, благородства жертву.
О, помоги намъ, Господи, поднять ее изъ праха!
Свидѣтелемъ намъ, Боже, будь
Въ единодушной клятвѣ нашей

Возмездья скораго ея предателю врагу!
Съ ней дѣлимъ мы ея жестокія обиды.
Пусть воинство небесныя во всеоружьи
Ея убійцу поразятъ и разгромятъ!
И на обломкахъ ея стѣнъ
Серебряный чертогъ святого мира встанетъ.
Въ тотъ свѣтлый Праздникъ,
Когда Побѣды знаменье блеснетъ на небе-
сахъ—
Но—до тѣхъ поръ—пусть длится лютый бой!
Мы за свободу боремся! Намъ даруй „День“;
о. Боже!

В. Л. КОРТНЕЙ.

У СѢВЕРНАГО МОРЯ.

Смерть и Скорбь и Сонъ:
Здѣсь, гдѣ такъ медленно катятся волны,
Этотъ я слышу напѣвъ,
Пѣсню пучины бездонной.

Что и о Скорби зналъ
Въ дни, когда юная жизнь
Радостей жаждетъ земли,
Чуждыхъ пустынному морю?

Сонъ былъ мнѣ только покой,
Юности грезы дарящій,
Грезы о свѣтлыхъ жемчужныхъ вратахъ,
Ликъ открывающихъ Божій.

Смерть только сказка была;
Блѣдныя лица, внимавшія ей,
Лѣтъ и недуговъ являли печать,
—Былъ ли въ ней смыслъ для цвѣтущей
весны?
Смерть и Скорбь и Сонъ...
Зовъ ихъ печальный все слышу теперь,
Влажнымъ дыханіемъ вѣтра носимый,
—Пѣсню бездонной пучины.

АННИ ВИВАНТИ ШАРТРЪ.
СЛОМЛЕННАЯ РОЗА. КОРОЛЮ АЛЬБЕРТУ.

Въ застѣнчивости юной ты смущенно
Блескъ королевской власти принималъ.
Въ рукѣ твоей казался скипетръ
Цвѣткомъ, судьбою брошеннымъ тебѣ,
И прозвали тебя полушутливо;
Альбертъ добрый.

Теперь стоишь на черной ты могилѣ,
Мечъ, сломанный поднявши съ вѣрой къ Небу.
Твой чистый, смѣлый взоръ глядитъ
Безтрепетно въ лицо зловѣщей Смерти,
И *Альбертъ Храбрый* назвали тебя
Смятенные народы.

Въ кровавомъ морѣ злобы и вражды
Міръ, обѣзумѣвъ, къ гибели несется.
Но свѣтитъ, какъ маякъ, сквозь тьму

Сіянье славы твоей лучезарной.
Отнынѣ твое имя у народовъ:
Альбертъ Великій.

***

Король! Твоя страна у ногъ твоихъ
Лежитъ, какъ смертью сломленная роза,—
Поруганная, смятая врагомъ
Возстанетъ Бельгія—въ величьи новомъ!
Но съ этой мертвой Бельгіей что будетъ?
Что будетъ съ розой, брошенной въ песокъ?..

Взгляни! Гдѣ небо и вода слились,
Идетъ по морю бѣлое Видѣнье.
(Миръ съ кроткимъ ликомъ шествуетъ предъ
Нимъ).
Какъ нѣкогда на волнахъ Галилеи,
Стихаетъ буря по Его велѣнью,
Сіяютъ воды подъ Его стопами.

Онъ видитъ розу мертвую въ пескѣ;
Святой Рукой ее Онъ поднимаетъ
И къ Сердцу розу мертвую кладетъ.
Благословенна ты,
О Бельгія, о сломленная роза!

ОСТИНЪ ДОБСОНЪ, КЪ БЕЛЬГІИ.

За право, не за силу билась ты
Преграду встрѣтивъ дикой мысли—міръ
Перевернуть—нещадно врагъ разграбилъ
Твои селенья, города, святыни,
Тебя мечтая сразу раздавить!

Ты не раздавлена—мы это знаемъ;
Потоптана—но съ тѣмъ, чтобы расти;
Не гибнетъ тотъ, кто до конца стоитъ
За Право, не Силу!

Богъ въ помощь, Бельгія! Нашъ долгъ къ тебѣ
Одно лишь время намъ вполнѣ покажетъ;
Къ тебѣ, во всѣхъ превратностяхъ великой,
Мы благодарный устремляемъ взоръ.
Богъ въ помощь—въ радости и въ горѣ!—
За Право, не за Силу!

ВАЛЬТЕРЪ КРЕНЪ КЪ БЕЛЬГІИ.

Не населенностью и не пространствомъ
Величье мы народа измѣряемъ.
Но въ часъ грозы, когда удары рока
Онъ твердо отражаетъ и безстрашно
Противится жестокому врагу.
И не сдается вѣроломной силѣ,
Его расхитившей все достоянье,
Огню предавшей всю его страну.
Оквозь раззоренья пепелъ, кровь и слезы.

Сіяетъ въ книгѣ Славы твое имя,
О Бельгія, непобѣдимымъ блескомъ,
За вѣру, за свободу и за право
Стояла ты безъ страха и упрека,
Героямъ древности уподобляясь.

СЭРЪ ОУЭНЪ СИМЭНЪ.

МЕЖДУ ПОЛУНОЧЬЮ И УТРОМЪ.

Вы за предѣлъ трагедіи всемірной
Глядящіе безъ страха, въ упованьи,
Что ночь и ужасы войны разсѣетъ
Счастливая заря;

Какъ не терзаетъ сердце вамъ тоска,
Возрадуйтесь, что данъ вамъ даръ безцѣнный
Въ великое жить время, когда близко
Свободы торжество.

Чтобъ сыновьямъ, при яркомъ блескѣ солнца,
Вручая ихъ наслѣдіе, сказать:
„Власть тьмы я видѣлъ обращенной въ бѣгство!
Я видѣлъ дня разсвѣтъ!“

ЭДУАРДЪ СОЗСЕРНЪ.

ЕЛИЗАВЕТА БЕЛЬГІЙСКАЯ.

Съ безмолвнымъ смотримъ мы благоговѣньемъ,
Какъ королева подвигъ милосердья
Свершаетъ, выше трона вознесясь,
Стяжавъ смиреньемъ ореолъ святой.

Кровавыя залѣчиваетъ раны,
Гноящіяся язвы промываетъ.
Зеленый миртъ,—даръ воиновъ калѣкъ—
Съ какою діадемой онъ сравнится?
Уставшія страдать сердца и очи
Тебя лишь ждутъ, во тьмѣ тебя ища,
Въ отчаяньи бездомные скитальцы,
Какъ со второй Голгофы восклицаютъ:
„О Боже мой, почто меня оставилъ?
„Свѣтаетъ! Здѣсь Онъ!“ слышенъ твой отвѣтъ.

МЭЙ СИНКЛЕРЪ.
ПОЛЕВОЙ ЛАЗАРЕТЪ ВЪ ОТСТУПЛЕНІИ.
VIA DOLOROSA, VIA SACRA.

Путь скорбный, путь священный.

I.

Прямая мощеная дорога, проложенная по неровной землѣ. Шоссе, идущее вдоль красивыхъ городовъ, между высокими деревьями, — стройными, тонкими деревьями,—по плоскимъ зеленымъ лугамъ, мимо цвѣтниковъ, мимо черныхъ, дымящихся зноемъ каналовъ.

II.

Хорошо его каменьщики сработали изъ твердаго камня, выдерживающаго копыта воловъ и крупныхъ фламандскихъ лошадей и

и высокія телѣги, нагруженныя до-верху зерномъ съ жатвы.

Но мало видимъ мы земледѣльцевъ.

Они и ихъ спокойные волы стоятъ въ сторонѣ и ждутъ у длинной дороги, оглашаемой грохотомъ орудій, мчащихся артиллерійскихъ повозокъ и топотомъ арміи, выступающей въ битву.

И тамъ, гдѣ ждутъ нагруженныя зерномъ телѣги, нашъ кровью сочащійся лазаретъ увозитъ свою красную и бѣлую жатву съ полей.

III.

Прямая мощеная дорога застилается пылью, застилается тонкимъ, бѣлымъ облакомъ подъ ногами у полка миля за милей тѣснимаго назадъ.

Опущены винтовки; знамена окутаны чернымъ крепомъ. Не торопясь, гордые въ отступленіи, воины улыбаются, когда навстрѣчу къ нимъ спѣшитъ лазаретъ Краснаго Креста.

(Тотъ не знаетъ красоты и отчаянія, кто не видѣлъ этой улыбки отступающей арміи).

Они проходятъ, — и съ ними исчезаетъ наша блистающая, манящая опасность и наша радость жатвѣ, собранной нами при наступленіи ночи на поляхъ.

И, какъ нелюбимая рука на бьющемся сердцѣ, насъ давитъ наша безопасность,— безопасность тягостная и странная, еще болѣе странная и тягостная, когда миля за милей исчезаетъ, и прекрасная, опустошенная страна отходитъ вдаль предъ нестерпимой быстротой лазарета, отступающаго на священномъ, на скорбномъ пути.

ХОЛЛЪ КЭНЪ ВЕЛИКОБРИТАНІЯ*).

Не тѣмъ, что дологъ ея славный вѣкъ,
Что къ ней богатства міра притекаютъ,
Что флотъ ея владычествуетъ въ морѣ,—
Не тѣмъ, что флагъ отчизны пронесли
Ея сыны по всѣмъ концамъ вселенной,—
Не тѣмъ, что грозенъ мечъ въ ея рукѣ
И благородной крови мстящій гнѣвъ,
Британія могуча, о Всевышній!
Но тѣмъ, что ей, какъ Матери Народовъ,
Ты силу на защиту слабыхъ далъ,
И что надъ каждымъ Твоимъ чадомъ,
Обиду претерпѣвшимъ, восклицаетъ:
„*Моя* эта душа, неправды жертва"!
Вотъ почему зовутъ ее великой.

---

*) **Отвѣтъ на** *Отказъ въ международной помощи* **Россети.**

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Русскій отдѣлъ.

Общій отдѣлъ.

Переводъ Б. Л—аго.

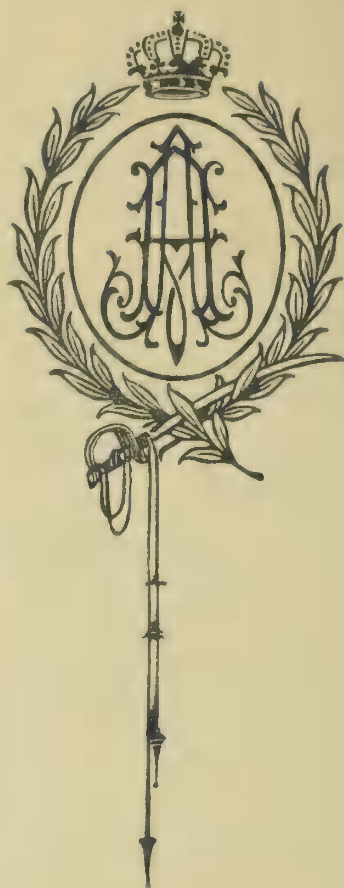
Стр.

Стр.

Стр.

Стихи.

Отъ издательства: Статья Леонида Андреева и стихотворенія: 1) Игоря Сѣверянина, 2) Ѳедора Сологуба, 3) Александра Блока и 4) З. Гиппіусъ перепечатаны изъ газеты „День".

Книгоиздательство „ИДЕЯ“, Москва.

Печатается и на дняхъ поступитъ въ продажу

Сборникъ „ИДЕЯ“

КНИГА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Леонидъ Андреевъ. Дѣлай, что дѣлаешь.
Шоломъ Алейхемъ. Мой первый романъ.
Леонъ Перецъ. Разсказы.
Франка Саккетти. Новеллы.
Рабиндранатъ Тагоръ. Читра.

= Часть выручки въ пользу жертвъ войны. =

Складъ изданія

при книжномъ магазинѣ „СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ“

Москва, Б. Никитская, № 24. Тел. 77.52.